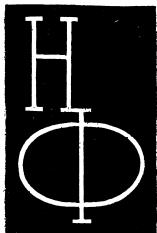

Η

СБОРНИК
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 16

Издательство «Знание»
Москва 1975

- C23** Сборник научной фантастики. Выпуск 16. М., «Знание», 1975.
240 с.

В очередной сборник научной фантастики включены художественные произведения в основном молодых советских писателей, рассказы Д. Кристофера, Р. Хайнлайна, предисловие известного писателя-фантаста А. П. Казанцева, статья о проблемах многоцивилизации.

С $\frac{70302-011}{073 (02) -74}$ Без объявл.

P2

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Выпуск № 16

Составитель Н. Н. Пронин

Редактор Н. М. Краснополяская

Обложка и заставки П. А. Шорчева

Худож. редактор Т. И. Добровольнова

Техн. редактор Т. В. Самсонова

Корректор О. Ю. Мигун

А 11026. Индекс заказа 37723. Сдано в набор 31/X 1973 г. Подписано к печати 26/VII 1974 г. Формат бумаги 84×106¹/₂. Бумага типографская № 1. Бум. л. 3,75. Печ. л. 7,5. Усл.-печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 16,79. Тираж 100 000. Издательство «Знание». 101835, Москва, Центр, проезд Серова, д. 3/4. Заказ 784. Клеповая книжная фабрика республиканского производственного объединения «Полиграффинга» Госкомиздата УССР, ул. Воровского, 24.
Цена 62 коп.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фантастика! Сколько у нее приверженцев и любителей и сколько вызывает она споров, страстей! Но это и хорошо! Хуже, если бы она оставляла читателей равнодушными. В том ее и прелесть, что она заставляет думать, мечтать, по-иному смотреть вокруг: порой из загадочной мглы будущего, порой из обостренной обстановки сегодняшнего дня или из глубин прошлого.

Но какую бы наблюдательную вышку с волшебной стереотрубой ни предоставляла фантастика читателям, они все равно познают через нее действительность. Главное свойство литературы — отражать современность, показывать жизнь во всей ее полноте. И к множеству граней объемного изображения жизни фантастика добавляет еще и новые «измерения» — чаяния и мечты, взгляд со стороны, проникновение в неведомое, игру фантазии. И какие бы условные даты ни значились в произведении, мы невольно видим из нашего времени то, что возможно происходило, произойдет или могло бы произойти на Земле. Любая другая планета, кем бы она ни заселялась фантастами, отражает нашу Землю.

Фантастическая литература, как и всякая художественная литература, — зеркало действительности. Но зеркало волшебное, способное не только увеличивать изображение, но и показывать жизнь в движении, в развитии или с неожиданной стороны. В литературе фантазия независимо от воли автора отражает то, что он видит перед собой.

Общезвестно, что фантазия — качество величайшей ценности, без нее не изобрели бы дифференциального и интегрального исчислений. Об этом говорил еще Владимир Ильич Ленин.

Фантазия — это поразительная способность воображать то, чего нет. Она лежит в основе всякого творчества.

Фантазией обладает ученый, выдвигающий новую гипотезу, конструктор, изобретающий машину, фантазией обладает и поэт. Но фантазией порождены и такие представления о сверхъестественных силах, как ад и черты, ведьмы и привидения...

Мечта делает фантазию светлой. Но далеко не всякая фантазия поднимается до уровня мечты. Мечта — это фантазия, направленная желанием.

Технической мечтой пронизаны знаменитые романы Жюль Верна, завоевавшие мир. Жюль Верн первый ввел в литературу героя-техника накануне двадцатого столетия, в век пара и электричества, знаменуя тем не только веру автора в прогресс техники, но и веру в Человека и его Будущее. С детства многим запомнился капитан Немо: высокий, скрестивший руки на груди, с красивым и печальным лицом, оттененным курчавой бородой, с пристальным, устремленным вдаль взглядом темных глаз... А позади него плещется на ветру черное знамя с его инициалом. И мало кто знает, что в Индии черный цвет — цвет восстания... Образом капитана Немо Жюль Верн украсил свою галерею героев-созидателей, преобразователей, искателей.

Другим свойством фантазии — остроты обычное, чтобы с бичующей яркостью показать его, пользовались многие выдающиеся писатели разных времен. Так, Свифт, сталкивая своего героя с лилипутами и лапутянами, остротой тем современность, показывал все ее уродства.

К таким же приемам прибегал и Гоголь, позволив носу чиновника жить самостоятельной жизнью. Убеждающим даром реалиста писатель заставляет читателя не только поверить описываемому, но и почувствовать безысходную узость чиновничьего мира.

К такой же все допускающей фантазии прибегал и Г. Уэллс в своих социально-критических романах. Он отнюдь не мечтал о нашествии бездушных, безжалостных, питающихся кровью марсиан, а переносил их на Землю, чтобы показать современную ему, гнилую в своей основе капиталистическую Англию в минуты острых катаклизмов. Он вовсе не мечтал всерьез о человеке-невидимке, но, создав его, сумел показать обреченность гениального одиночки — ученого в условиях капиталистического общества. Тем более не хотел видеть Уэллс грядущее биологическое разделение людей на морлоков и элов (одни ушли под землю, продолжая, как и их предки-рабочие, производить материальные ценности, другие — беспомощные, изнеженные, скотоподобные потомки тех, кто жил на чужой счет и годен теперь лишь для поставки морлокам своего нежного мяса...). Уэллс не мечтал об этом, но отразил в своем зеркале фантазии разделение современного ему капиталистического общества на эксплуататоров и угнетенных. Доведя это разделение до предела, Уэллс произнес тем приговор капитализму, отрицая его, как систему, способную привести лишь к вырождению, скотству, каннибализму... И только для литературного замысла понадобилась Уэллсу «машина времени», противоречащая законам природы не в меньшей мере, чем «Нос в генеральском мундире»

Гоголя или «органчик в голове градоначальника» у Салтыкова-Щедрина.

У машины времени Уэллса нашлось немало число подражателей. Некоторые из них основой своего произведения делали сам уэллсовский литературный прием. Так, в одном из рассказов Пьера Буля (Франция) «Бесконечная ночь» перемещение во времени на десятки тысяч лет вперед и назад используются для того, чтобы «накрутить» дикие ситуации вплоть до войны прошлых цивилизаций с будущими. И разворачивается эта «межвременная война» не где-нибудь, а в рядовом французском ресторанчике... Фантазия превращается в фантазмагорию, она уже не несет никаких идей, ничего, кроме развлечения нелепостью перемешанных времен. Так проявляет себя абстракционизм в литературе. Не содержание, а бессмысленная форма! А вот у итальянца Лино Алдани перенесение в будущее в рассказе «Онирофильм», подвергшемся в свое время у нас серьезной критике, используется для ничем не прикрытой порнографии.

Мы уже говорили, что фантазию можно использовать не только на благо, но и во вред...

Так, в западной фантастике, носящей часто лишь развлекательный элемент, фантазия переносит читателя в мир, где устрашающе преувеличенные достижения техники нужны для экстравагантных ситуаций, помогающих читателю забыть о своем времени, или для того, чтобы оболванить его, запугать коммунистической опасностью, отравляя ум ненавистью и злобой.

Мутный поток фантазмагорических произведений, полных пессимизма и безысходности, уподобляется неким джунглям. Однако среди цепких лиан, кровососных орхидей, ядовитых колючек, среди мрака чащоб и засасывающей топи болот можно все же найти интереснейшие образцы игры ума, а порой и хинное дерево горечи сердца. Углубляясь в эти джунгли, можно лучше понять, что тревожит обитателей капиталистического мира, в первую очередь американцев, среди которых живут и работают такие писатели, как Рэй Бредбери и Айзек Азимов. Роман Бредбери «451° по Фаренгейту» по праву может называться «лупой совести» честного американца, показывающего тот тупик, в который влечет американцев современный строй Америки.

Особое место в мировой фантастике занимает польский фантаст Станислав Лем, не только художник, но и мыслитель, стремящийся исследовать грядущие пути развития человечества, как он сам говорит, «веерным методом», описывая и победу коммунизма на Земле («Магелланово облако»), и мещанский тупик псевдокоммунизма («Возвращение со звезды»), и тиранию бесправия («Расска-

зы Иона Тихого») или страшные картины полного уничтожения жизни на Земле. Можно не соглашаться с С. Лемом, противопоставляя его «веерному методу» оптимистическую фантастику социалистического реализма, но нельзя не увидеть в романах-предупреждениях (антиутопиях), которыми так богата современная фантастика, равноправную ветвь ее развития.

В нашей стране фантастика привлекает к себе всеобщее внимание. Одной из причин вынесения ее на гребень читательского интереса, конечно же, надо считать наши успехи в завоевании космоса. Чем необыкновеннее были героические шаги первых космонавтов, тем с большим интересом тянулся читатель к фантастике. Ведь именно в фантастической повести изложил впоследствии разработанные научно свои идеи звездоплавания К. Э. Циолковский.

Известна любовь к фантастике академика В. А. Обручева, знаменитого геолога и путешественника. Он сам написал несколько вошедших в золотой фонд фантастики книг.

Любил фантастику академик Ферсман, виднейший ученый и великолепный популяризатор науки. Академик Ребиндер и академик Федоренко высказывали на страницах «Литературной газеты» свое суждение о фантастике как средстве, будящем мысль и привлекающем внимание исследователей к тем или иным проблемам.

Можно вспомнить, что не только ученые нашей страны или других социалистических стран пристально следят за советской научной фантастикой. Оказывается, даже сотрудники пресловутого ЦРУ, американской разведки, прилежно штудируют советские фантастические произведения в расчете выудить из них возможные, а может быть, и сделанные у нас открытия.

Все это убеждает нас, что правильное понимание современных тенденций развития науки и техники может подсказать фантасту, на каких путях можно ожидать новых открытий, диктуемых прогрессом.

Попробуем представить себе эти пути, имея в виду возможные идеи и темы фантастических произведений. Бесспорно то, что в фантастике, о достижениях и огрехах которой немало писалось, не может быть какой-нибудь одной дорожки. Пути ее поистине необозримы!

О чем же могут задуматься фантасты? Пожалуй, к эпохальным открытиям будущего будет правильно отнести познание существа материальной субстанции, составляющей межзвездный вакуум. В самом деле, что такое «пустота», которая передает электромагнитные колебания, но не проявляет никаких других физических свойств за исключением... порождения «из ничего» двух частиц

с обратными знаками зарядов, вещества и антивещества? Может быть, вакуум и состоит из сдвинутых частиц и античастиц, а вещество вкраплено в него в виде звезд в ничтожно малом количестве (если рассматривать всю Вселенную)? Но в этом случае вакуум должен содержать энергию, вакуумную энергию поистине сказочной силы, овладение которой потомками по плечу лишь фантастам описать.

Но это при взгляде в невообразимую даль. Прежде человечеству придется решать вопрос своего существования на Земле, на этом, как теперь часто говорят, космическом корабле с многомиллионным составом экипажа и пассажиров.

Кораблю «Земля» угрожает энергетический голод — в обозримом будущем начнут иссякать топливные запасы (если мыслить многими тысячелетиями), возможно «кислородное голодание», как космонавтам при неисправности их аппаратуры регенерации воздуха. Причина — загрязнение земной атмосферы и среды обитания человека. Угрожает людям в будущем истощение богатства недр, превращение полезных ископаемых в неиспользуемые отходы или ржавчину (аналогично израсходованию в космическом полете трюмных запасов корабля!) и, наконец, все больше станет ощущаться недостаток пищи для всех путешествующих на перегруженном корабле «Земля».

Научные открытия неизбежно появятся именно на путях решения всех этих «проклятых вопросов». Об этом стоит писать фантастам!

Что касается неизбежного энергетического голода грядущей цивилизации, то опасения эти мне кажутся преувеличенными. Рождены они, с одной стороны, ошибочным подсчетом возрастания энерговооруженности Земли по геометрической прогрессии и, с другой стороны, вчерашними взглядами на способ получения энергии. Мы все еще жжем уголь, газ, нефть, уничтожая ценнейшее сырье, столь нужное нашим потомкам. Мы загрязняем воздух отработанными газами, увеличивая содержание углекислоты в атмосфере, что препятствует нормальному теплоизлучению планеты-корабля. Мы заражаем отходами производства водоемы, эти хранилища жизни и красоты. Фантастам естественно будет оттолкнуться от современного выражения общих интересов по этим вопросам нашей страны и США. Грядущим поколениям жить под сенью торжества разума!

Разумны мысли об уничтожении всего ядерного оружия и использования атомной энергии лишь в мирных целях. Однако даже ядерная энергия в масштабе сотен тысяч лет не выручит пассажиров космического корабля «Земля». Наша планета миллионы лет

живет в установившемся режиме — расходует на биопроцессы и излучает в пространство столько же тепла, сколько получает его от Солнца. Если нарушить этот режим, укрыв Землю «тепловой рубашкой» из атмосферы с повышенным содержанием углекислоты, то планета, получая от Солнца прежнюю энергию, отдавать в пространство станет меньше. Это поведет к перегреву ее, которого так страшатся конструкторы космических кораблей. Фантасты в поисках выхода из этого тупика, вероятно, вспомнят о прямом превращении солнечной энергии в электричество, которое заменит все источники внутренней энергии. Еще академик А. Ф. Иоффе доказывал, что малой части наших пустынь, освещенных солнцем, хватило бы для удовлетворения всего энергетического голода человечества.

Солнечные батареи, которыми вооружены ныне космические корабли, возможно, когда-нибудь станут основным энергооборудованием планеты-корабля.

Побежден будет из нем, конечно, и голод в прямом его смысле. Человечество не обойдется в грядущем без синтетической пищи. Научные открытия в этой области, уже сделанные наукой или подготовленные ее развитием, позволят, как мечтал еще К. А. Тимирязев, получать хлеб из воздуха! Питательные белки, неотличимые от животных и растительных, при промышленном освоении фотосинтеза будут получаться не в «живых машинах» (растениях и животных), а в котлах, кубках и змеевиках. И разместятся такие заводы на миллиардной доле площадей, занятых ныне во всем мире для посевов. Какие просторы освободятся людям для лесов и жилья близко к природе! Как не воспеть это фантастам!

Открытия преобразят «внутренность» космического корабля «Земля». Изменится соотношение суши и океанов, обитаемой станет и водная среда! Человек научится дышать под водой, как мечтал об этом еще А. Беляев в повести «Человек-амфибия».

Человек, ныне обживший лишь поверхность планеты, станет ее полным хозяином до дна океана и глубже... до самой мантии, состоящей из железа и никеля, которые снимут всякие опасения металлического голода.

В мире желанного будущего, на новом уровне развития общества (уже коммунистического!) еще более увеличится забота о здоровье и долголетию человека. Это не приведет, конечно, к его личному бессмертию. Нет! Человечество бессмертно в своей общности, в неизменной и животворящей смене поколений! На этом пути заботы о живущих, что еще предстоит описать фантастам, человек станет «управлять генами», в том числе и «испорченными генетическими записями», порождающими страшные недуги. Откры-

тия в области управления наследственностью позволят не только уберечь человека от болезней и преждевременной старости, но и усовершенствовать его. Новый пассажир космического корабля «Земля» будет сильнее, здоровее своих предков, впервые осмысливших свой галактический полет. И не только здоровее, умнее, но и воспитаннее!

Воспитание! От невоспитанного мудреца не жди мудрости воспитания! Но, увы, наше время характерно приматом образования над воспитанием. Образование же без воспитания подобно колесу без оси. Воспитание подразумевает не только выполнение правил хорошего тона. А у нас еще встречаются образованные люди, не соблюдающие основ морали, которые должны быть восприняты в детстве путем воспитания. Человек коммунистического общества и в молодом возрасте должен обладать мудростью поведения, приобретаемого в наши дни долголетним опытом. Это будет новый человек, гармонически сочетающий физическое, умственное и этическое совершенство. Новые принципы воспитания, новые достижения науки в этой области, связанные с воздействием на нейроны мозга, будут едва ли не самым важным открытием грядущего.

Как видим, перед фантастами широкие дороги творчества, не только идущие через джунгли тупиков, катаклизмов и обреченности.

Надо сказать, что это в полной мере сознают и начинающие литературный путь фантасты, представленные в этом сборнике НФ наряду с известными уже широким читательским кругам писателей.

Писатель призван не только ошеломлять читателя необычным, но и звать его за собой. Рискну сказать, что не тот фантаст, кто увлечен фантазией, а тот фантаст, кто увлечет фантазией!

Думаю, что это в полной мере сознают начинающие фантасты, чьи произведения отобраны для этого сборника НФ при участии Совета правления Союза писателей РСФСР по работе с молодыми литераторами.

Молодые литераторы, начиная свой путь, должны всегда помнить, что автора читают, а писателя перечитывают.

Вспоминая поэтическую фантазию Алексея Толстого, страстную публицистичность фантастики Александра Беляева и мудрую научную романтику Ивана Ефремова, можно увидеть в исканиях начинающих фантастов самые разные направления.

Непохожи один на другой рассказы В. Фирсова. Если, читая «Твои руки, как ветер...», читатель узнает мир эмоций не только в моделировании его кибернетиками, но и в его подлинной сущности, то юмор рассказа «Кенгуру», где автор с улыбкой осуще-

ствил самые дерзкие чаяния фантастов, роднит его с «Похождениями Йона Тихого» С. Лема.

Мягким юмором отмечена и повесть Э. Михеева и А. Пирожкова «Предваренная формула». Однако проблема передачи информации мозгу подается в ней всерьез. Как известно, лишь около четырех процентов общего числа нейронов мозга занято у нормального человека, а остальные — загадочно свободны. Насколько умнее, воспитаннее был бы человек, полностью использовавший свои возможности.

В повести Ю. Фомина «Тайна замка Эвелин» читатель сталкивается с интереснейшей проблемой многомерности пространства и незримого соседства с нами иных миров.

Той же волнующей проблеме посвящен и рассказ О. Николаева «Квартира чудес», живо воспроизводящая дискуссии на острые темы. Оба произведения будят мысль, заставляют задуматься о неведомом.

В фантастическом рассказе М. Бубновой и В. Келасьева «Бион» мы узнаем традиционную, казалось бы, фигуру гениального ученого-одиночки. Но здесь им оказывается... робот, дерзающий решать проблемы, о которых люди даже страшатся думать.

Новелла И. Калиновского напоминает нам героев О'Гекри, оживших под сатирическим пером фантаста, показывающего через волшебную лупу уродства капиталистического строя.

Для тех же целей задумана повесть-памфлет В. Михановского «Беглецы», затрагивающая тему гипотермии и анабиоза. Уместно вспомнить, что «сверхфантастический способ» бегства от действительности довольно широко используется сейчас в Соединенных Штатах Америки, где уже несколько сот человек по «разным причинам», уплатив немалую сумму долларов, погрузились в жидкий азот в надежде проснуться (быть может!) в другое время, когда наука уйдет вперед, а былые «дела» забудутся...

Зарубежная фантастика представлена в сборнике рассказами Д. Кристофера «Пришелец» и Р. Хайнлайна «Испытание космосом». В первом показана трагедия обреченного инопланетянина, тщетно пытающегося скрыться среди людей от своих неумолимых сограждан. Во втором показана психология преодоления страха.

Заключает сборник серьезная статья И. Кольченко «Что ожидать от иных миров?» Людям пора решать вопрос о пользе или вреде установления контакта с внеземными цивилизациями, чем в наше время заняты уже не только фантасты, но и осторожные, любящие точность ученые.

Так замыкается в сборнике символический путь от фантазии к науке, который предстоит проделать читателю.

В. Фирсов

ТВОИ РУКИ, КАК ВЕТЕР...

Три вещи есть в мире, не понятные для меня, и четвертую я не постигаю: путь орла в небе, змеи на скале, корабля среди моря и путь мужчины к сердцу женщины.

А. Куприн. «Суламифь»

— Света, я люблю тебя...

Ее рука предостерегающе поднимается, а серые ласковые глаза, чуть-чуть грустные, с легкой укоризной смотрят на меня сквозь стекла модных прямоугольных очков. Мне сразу становится горько, но я не опускаю глаз, потому что эти секунды — мои, и бег их скоротечен.

— Не надо об этом...

Светящаяся призма входа пропускает девушку внутрь, стеклянные грани умножают ее, и я вижу, как две, три, четыре Светланы неслышными призраками улетают от меня, гаснут в дальнем полу-

мраке. Теперь надо отойти чуть дальше, под ветви дерева, и ждать, пока темный пунктир окон не прервется вспыхнувшим квадратом, по которому — если постоять подольше — может промелькнуть неясная тень.

Сейчас мои чувства обострены и каждый нерв настроен и уверен. Я — словно сверхсущество, всемогущее, всеведущее. Мои глаза, как рентгеновские аппараты, позволяют мне видеть сквозь стены, мои уши улавливают даже сонный щебет пичужки, устроившейся переночевать на вершине телевизионной иглы, которая заглясь вечерними огнями, моя кожа продолжает ощущать тепло Светланиных рук сквозь толщу железобетонных стен. Я вижу, как она убегает по коридору, как расступаются перед ней двери, слышу стук ее каблучков по кафелю мастерской. Я завидую сейчас плиткам кафеля и дверной ручке, к которой вот-вот прикоснутся ее пальцы, и листам ватмана, послушно шуршащим перед нею. А особенно я завидую камням, о которых — только о них! — она сейчас думает.

В окружении каменных огней Светлана напоминает мне холодную Снежную Королеву и бажовскую Хозяйку Медной горы. Я знаю, что это впечатление несправедливо, но глубокая обида порождает во мне тайное ожесточение, и мне приятно думать так. Ведь Светлана не любит меня, и эта чудовищная несправедливость кажется особенно обидной потому, что в моих силах изменить все одним движением пальца. Но сделать это движение я не могу.

А Светлана колдует в своем волшебном царстве. Овальные диски каменных огней послушно лежат перед ней в пахнущих смолой ящиках, дожидаясь своего часа. Я вижу, как Светлана слегка хмурится по привычке, как рука ее неуверенно замирает над ящиком. Ее взгляд скользит по разграфленной стене, по контурам только намечающегося решения, и вихрь, бушующий в миллиардах клеток ее мозга, быть может, уже синтезируется в тот единственный образ, которому суждено будет застыть в каменном узоре.

Я знаю, что впереди ее ждут недели труда, что законченность решения еще не раз встанет на пути фантазии, что будут огорчения, разочарования, может быть, тайные слезы — все это в порядке вещей, через это надо пройти, если в душе действительно есть искра таланта. Но это нелегко, и в моих силах облегчить этот путь.

Зыбкое чудо творчества тоже поддалось законам — пятилетние эксперименты в лабораториях нашего института дали нам ключи ко многим тайнам неведомого. Мы исследовали алгеброй гармонию, и приблизить Прекрасное теперь в моей власти. Я могу помочь Светлане в ее поисках. Истина, древняя, как мир: если человек любит, он способен сотворить чудо.

Лежат в ящиках камни. Даже не камни — стекляшки. Будем откровенны — познани в них не больше, чем в бочках с известью, приготовленной для побелки. Но разложенные в определенном порядке, они заставят замереть сердце. Хаос станет произведением искусства.

На языке науки этот процесс скучно называется «уменьшением энтропии». Он может быть рассчитан с точностью до тысячных долей бита. Но мне кажется кощунством классифицировать чудо. Я хочу только одного — чтобы оно свершилось. И в моей власти помочь этому.

Я опускаю руку в карман, нащупываю холодную кнопку прибора, и снова не решаюсь нажать ее. Тогда я поворачиваюсь спиной к темным горизонталям окон, разорванным светлым квадратом, и ухожу, не оглядываясь.

. . .

Как всегда по вечерам, в лаборатории тихо и темно. Мыши и лягушки возятся в своих клетках, устало горят огоньки приборов. На шкафу, откуда льются из приемника звуки флейты, вздыхает грустный осьминог Федя, и по его щупальцам проплывают синие и зеленые волны.

Накормив лягушек прекрасными жирными мухами, я смотрю, как они расползаются по террариуму, белея выводами датчиков. Постепенно где-то внутри закипает злость. Я понимаю, что надо уйти, но все еще медлю, с ненавистью глядя на своих земноводных. Особенно раздражает меня Пышка — ленивая толстая лягушка, которая из-за толщины даже не может прыгать, а только шагает, оставляя на песке рваный пунктир следов. Я знаю, что несправедлив к ней, но сейчас мне хочется схватить ее за жирную лапу и шмякнуть об пол, только бы не видеть ее противной, пучеглазой, самодовольной морды. Почему-то мне кажется, что лягушки, с которыми работал великий Гальвани, были совсем иными, что это были благородные, скромные создания, безропотно погибавшие во имя человека. Увы, от нашей Пышки благородством и не пахнет...

Я сам не знаю, зачем пришел сюда так поздно вечером. Делать мне здесь совершенно нечего. Расчеты давно закончены, километры эзограмм проанализированы, генератор настроен. Как всегда, дело за высшим судьей — опытом.

К этому приходишь рано или поздно. Опыт на человеке — это вершина всех вершин. Лекарство от насморка и от бубонной чумы проверяется на человеке. Полет космического корабля — опыт на

человеке. Изучение мальгашского языка во сне — опыт на человеке.

Я не врач, не космонавт, не педагог. Я физик. Моя специальность — поля. Физикам не приходится ставить опыты на себе.

Я смотрю на кассеты с магнитофильмами, на стопки перфокарт, на грустные глаза осциллографов, и страшная тоска постепенно овладевает мной. Так бывает всегда, когда я долго не вижу Светлану. Но теперь причина другая. Я все время думаю об опыте.

На книжной полке, рядом с пультом, среди потрепанных радиотехнических справочников стоит много раз перечитанная книга Гуго Глазера «Драматическая медицина». Я беру ее с полки и снова ищу взглядом знакомые имена.

1802 год. Врач Уайт ввел себе гной чумного больного и умер. В 1817 году Розенфельд повторил его опыт и умер.

Годом раньше на Кубе Валли заразил себя желтой лихорадкой. До этого он привил себе сразу две болезни — чуму и холеру, но сумел выздороветь. Желтая лихорадка убила его.

Я листаю страницы этой книги героев. Какие люди! Мечников прививает себе возвратный тиф, Джон Гунтер и Линдманн заражают себя сифилисом. Известные и неизвестные врачи исследуют на себе рак, полиомиелит, дизентерию, позволяют кусать себя ядовитым змеям и бешеным собакам, глотают смертельные дозы ядов, неделями терпят голод и жажду, терзают себя в термобарокамерах. Но потом их боль, их страдания обернутся для человечества исцелением.

А я — имею ли я право на опыт?

Он абсолютно безопасен для здоровья. Я много часов провел в поле действующего прибора и знаю это совершенно точно. Меня тревожит совсем другое.

Дело в том, что опыт требует двоих.

Один — это я. Фактически я уже испытал прибор на себе. Но это только половина дела. Теперь следует довести дело до конца. Опыт требует двоих.

Второй — это Светлана.

Она еще ничего не знает. Даже больше — она никогда не должна этого узнать.

Подлый, тайный опыт на любимом человеке...

Недавно она опять спросила меня, что я делаю с этими забавными лягушками.

«Твоя Пышка растолстела еще больше», — сказала она, трогая пучеглазую ленивицу мизинцем.

Я отделался туманными фразами о биополях. Не мог же я рассказать ей, что на этих милых животных я пытался изучать эмоции продолжения рода.

Лягушки были свидетелями моей крупной неудачи. Исследования завели меня в такой добротный тупик, из которого я выкарабкался лишь после целого года тыканья наобум во все углы. Я долго не верил сам себе и повторял опыты на кошках, кроликах, собаках. Результат оставался прежним.

Все это было давно — еще до Светланы.

Конечно, теперь смешно даже думать, что лягушки или собаки могли мне чем-нибудь помочь. Там, где начинается человек, кончается безраздельное господство физиологии. Нужен был качественный скачок, чтобы от примитивных отправления, закодированных в наследственном веществе, от инстинкта продолжения рода, от механизма самовоспроизводства подняться до той вершины духовной красоты, которая присуща лишь гомо сапиенсу. Обезьяне на это потребовался миллион лет.

Я повторил этот путь за два года.

Вот он лежит передо мной — миниатюрный прибор, в который упрятаны тысячелетия эволюции нашей прабабки обезьяны. Стоит нажать голубую рубчатую кнопку, как заработает генератор биополя, настроенный на резонансную частоту одного-единственного существа.

Как это просто — надавить кнопку!

На протяжении тысячелетий человек все свои дела — и хорошие, и самые черные — делал сам. И сам отвечал за них. Но потом появились атомная бомба и кибернетика, возникли вычислительные центры, взявшие на себя ряд человеческих обязанностей. Именно здесь, на рубеже ядерно-кибернетического века, и возникла «проблема кнопки».

Когда-то машина только выполняла волю человека. Теперь она сама отдает приказы. В ее власти решить судьбу целой отрасли промышленности или дать сигнал к атомному заллу. Или заставить одного человека полюбить другого...

Конечно, мой прибор — не водородная бомба. И наступить на муравья легче, чем нажать на спуск пистолета. Но разве это может снять хоть частицу ответственности? Убить радость — так же преступно, как убить человека.

— Посмотри на этот прибор, Светлана, — мысленно говорю я. — За те часы, что ты провела здесь, в лаборатории, мои микролокаторы исследовали твоё биополе, проанализировали энергетику и биофизику твоих чувств и эмоций, запеленговали частоты и амплитуды твоей радости, гнева, голода, мечтательности, а электрон-

ный мозг изучил километры записей и высчитал резонансную частоту твоего биополя. Видишь, вот перфокарта с программой, на которой под микроскопом нанесено двадцать семь тысяч меток. Сейчас я вставлю ее в прибор, нажму кнопку, и случится чудо — ты полюбишь меня...

Ее лицо искажается, она в ужасе вскакивает.

— Не смей! — кричит она. — Я не хочу твоей запрограммированной любви! То, что ты собираешься сделать, — это низко, подло, грязно!

Слезы катятся из-под ее прижатых к лицу ладоней, и от ужаса происходящего я вздрагиваю, словно на самом деле она плачет сейчас передо мной в пустой и темной лаборатории. Мне становится тошно и тоскливо. Я пинком отшвыриваю табуретку и выскакиваю за дверь.

* * *

Несколько дней спустя.

Руки Светланы летают над переливами каменных огней. Я стою слишком близко и вижу лишь неповторимую прелесть минералов, еще не угадывая в них взаимосвязи.

— Так ты ничего не поймешь, — смеется Светлана, и ее смех подобен радостной весенней капели.

Я забираюсь на высокую стремянку, и тогда различаю на полу мастерской суровый каменный профиль. Изображение фрагментарно, я еще не могу угадать, кто передо мной — былинный витязь или исследователь Луны, но сердце мое отзывается на призыв красоты, и я понимаю, что решение наконец найдено.

Что-то странное, очень знакомое проскальзывает в чертах расprostертого на полу лица. Я пытаюсь уловить ощущение, но оно ускользает, расплывается, оставляя лишь отзвук непонятной тревоги.

Светлана стоит внизу, прямая и тонкая, и смотрит на меня, чуть закинув голову. Солнце льется сквозь стеклянную стену, блестит в стеклах ее очков, дробится на брызги в каменном водопаде, замершем у ее ног. Я уже не смотрю на чеканный профиль, потому что рядом с рождающимся каменным чудом вижу другое чудо, прекрасней которого не бывает в этом мире.

— Что же ты молчишь? — тихо спрашивает она миллион лет спустя, и лицо ее уже не улыбается, и от этих простых слов начинает щемить сердце.

— Твои руки, как ветер, — говорю я, медленно спускаясь со стремянки. — Ты сама словно радость. Ты у неба отняла всю его небывалость...

Звонкая капель ее смеха превращается в водопад.

— Ты говоришь, как старый, мудрый царь Соломон,— смеется она.— Тот самый, у которого было семьсот жен и триста наложниц и дев без числа.

— Мне достаточно одной,— говорю я, подходя к ней вплотную.

— Не надо... Ты обещал.

Не опуская глаз, она стоит передо мной — так близко, что я могу сосчитать ее длинные ресницы.

— Я мудрее царя Соломона,— бормочу я,— потому что знаю то, что было неизвестно ему.

За стеклами ее очков прыгают знакомые бесенята.

— О мой царь, ноги твои, как мраморные столбы,— нараспев читает она.— Живот твой, точно ворох пшеницы, окруженный лилиями...

Оглушенный, я отступаю, ненавидя себя за трусость.

Моя рука лежит на кнопке прибора. Но я не смею нажать ее. Сделать это — все равно, что выстрелить в спину уходящему. Я уверен, ошибки не будет. И тем не менее мне страшно.

* * *

Субботнее утро начинается для меня далеким стуком моторки, бегущей по заливу. Теплые ладони солнца, проникнув в щель неплотно застегнутой палатки, ласково трогают мое лицо. Сон еще не ушел, и я несколько минут неподвижно лежу с закрытыми глазами, прислушиваясь к знакомым лесным звукам.

Недалеке постукивает топор. Это трудится доктор наук Виктор Бурцев. Сегодня он дежурный по костру. С берега доносится недовольное покашливание лодочного мотора, который, как всегда, не хочет запускаться. Наверно, это Федосеев собрался порыбачить до завтрака. Петра Ивановича хлебом не корми — дай только посидеть с удочкой. Звенит ведро, булькает переливаемая в чайник вода.

По моему лицу ползет какая-то букашка, но мне лень шевельнуться, чтобы согнать ее. В спальном мешке тепло и уютно, и пока глаза закрыты, ночь еще продолжается. Поэтому я терплю, боясь спугнуть остатки сна. Но тут в носу становится нестерпимо щекотно, я оглушительно чихаю — гораздо громче, чем мотор, — и волея-неволей открываю глаза.

Рядом со мной сидит Светлана, держа в руке длинную травинку.

— Мой царь, уже утро,— говорит она нараспев.— Твои голодные подданные ждут тебя.

Это значит, что мне придется вставать. Сегодня за завтрак отвечаю я.

— Объяви моему народу, что скоро сердца его и желудки преисполнятся благодарности,—важно говорю я Светлане.

На ее волосах блестят капельки воды. Она уже успела искупаться.

Я выползаю из палатки, жмурясь от солнца, и моим глазам предстает очень приятное зрелище: закипающая на костре кастрюля.

Довольная Светлана громко смеется.

— Ты не пробовал снимать у себя эмограмму лени?— спрашивает она.— Получился бы прекрасный эталон.

Сразу после завтрака мы берем лыжи и спешим к берегу. Минут десять мы хором зовем Федосеева, согнутая фигура которого чернеет в лодке на середине залива. Он делает вид, что не слышит, потому что у него клюет. «Петр И-ва-но-вич!— надрываемся мы.— Как не стыд-но!» Наконец, сжалившись над нами, он складывает свои удочки и запускает мотор.

Почему-то новые увлечения поражают нас всех сразу. Так уже было с мотоциклом, альпинизмом и подводными съемками. Водные лыжи — наши последнее увлечение, которому мы отдаем все свободные дни.

Таща за собой вспененную волну, лодка утыкается носом в берег, и Федосеев важно протягивает нам ведро с уловом. Мы стараемся как можно правдоподобней выразить свой восторг. Сейчас нам не до рыбы. Бурцев прыгает в лодку, привязывает буксирный трос и кидает конец Светлане, которая уже сидит на стартовом столбике с лыжами на ногах. Мы сталкиваем лодку в воду.

Мотор ревет, трос взлетает из воды, рывок — и на вершине пенного буруна Светлана ломаным зигзагом мчится по воде. Не торопясь, я занимаю место на столбике, глядя вслед убегающей через солнечные блики стройной фигурке в красно-синем купальнике. Мои лыжи слегка касаются воды, и ласковые волны приятно хололят ступни.

Ветра еще нет, разрезанная лыжами вода быстро стекленеет, солнце высывает косые лучи из-за вершин синих сосен. Утро на редкость тихое. Впереди два дня отдыха — можно ни о чем не думать, а только радоваться солнцу, дыму костра и глухому бормотанию волн.

Но даже на отдыхе мысль об опыте не оставляет меня.

Самое святое, что есть у человека,— это любовь. Поэты утверждают, что это вообще единственное, что отличает человека от животного. Таинственнейшая из тайн, неведомое волшебство, дающее миру неповторимые краски и бесконечную радость.

Я не поэт, а физик. «Твои руки, как ветер»—единственное, что я сочинил. Стихотворение слабое. Скажем прямо—бездарное. У меня хватает вкуса, чтобы понимать это. Но как физик я убежден, что и в сфере прекрасного возможности точных наук беспредельны.

Комбинацией атомов мы можем получить живую клетку. Комбинацией процессов в этой клетке можно смоделировать эмоции и чувства.

Черепахи Уолтера были наделены условными рефлексам, и это никого не удивляло. Конечно, от моделирования рефлексов до синтеза любовных чувств—дистанция огромная. Без новейших методов микроволновой локации преодолеть ее не удалось бы.

Можно ли судить победителя? Ведь в случае успеха это будет не суррогат, не зрззз, а настоящее чувство—всепокоряющее, могучее, тысячекратно воспетое Петраркой, Шекспиром, Пушкиным. Не гипноз, не внушение, а просто любовь... Та самая, которая делает жизнь прекрасной, от которой рождаются дети, из-за которой совершают великие подвиги.

Но для этого надо провести тайный опыт на любимом человеке.

Насколько было бы проще взять любую пару—юношу и девушку и заставить их полюбить друг друга. А если ошибка? А если удача? Что они скажут мне? Когда люди любят, они не рассказывают об этом. Их не попросишь заполнить протокол испытаний.

Я тоже не смогу занести в протокол ни строчки. Но я буду знать, что прибор работает! И тысячи людей будут благодарны мне.

Тут я ловлю себя на примитивной лжи. Эгоизм влюбленного и самодовольство изобретателя—вот что движет мною. И все мои рассуждения—лишь ширма, которой я пытаюсь загородить от самого себя свои некоторые не очень привлекательные качества.

Конечно, вовсе не обязательно проверять прибор на Светлане. Если бы я не тайлся от всех, давно нашлись бы добровольцы—хорошие ребята, которые согласились бы на опыт и не испугались протокола. Потому что мой прибор действительно нужен.

Любовь—высшее счастье, данное только человеку. А многим так и не удается за всю жизнь изведать его.

Я не говорю о проблеме «любит — не любит», о несчастной, неразделенной, неудачной любви, потому что все же это любовь. Конечно, любовь разделенная была бы лучше. Речь идет о тех, кто прожил жизнь, так и не узнав, что существует нечто более высшее, чем отправление разнообразных потребностей человека, как физиологических, так и духовных, будь то еда, питье, рождение детей, занятия спортом, коллекционирование марок или успехи на административном поприще. Такие люди — духовные дальтоники. Для них не существует красок любви, и они не подозревают, что все может быть иначе. Теперь в моих силах вернуть им то, что было волею случая потеряно для них.

Надо только испытать прибор.

Но опыт должен быть чистым.

Если передоверить кому-нибудь испытания, я никогда не буду знать, только ли прибор вызвал необходимый эффект.

Светлана не любит меня — это я знаю точно. И опыт будет чистым.

До чего убедительными могут быть доводы эгоизма! Как здорово я уверил себя в том, что единственный объект мужского пола, подходящий для опыта, — это я сам. Интересно, будут ли эти доводы столь же убедительными, если потребуется мое участие в опасном эксперименте?

* * *

И еще несколько дней спустя.

Я смотрю на знакомые окна, но не чувствую в себе прежней волшебной силы, совсем недавно окрылявшей меня. Светлый пунктир окон разорван черным квадратом, и много дней придется ждать, пока он вспыхнет, и на нем мелькнет знакомая тень.

Светланы нет. Она уехала в Кривой Рог, где на стене нового Дворца культуры монтируется сейчас ее панно. Я донес ее чемодан до поезда, купил ей букетик фиалок и эскимо, она помахала рукой из окна. Потом вагоны поплыли мимо.

Как просто все на этом свете... Еще вчера я не представлял себе дня без нее. Но вот она уехала, и ничего — живу. Хожу в лабораторию, изучаю графики эмоций, задаю головоломки вычислительной машине, кормлю своих земноводных. Только жить стало немного неинтересней, только вечерами некуда себя деть. Я просиживаю в лаборатории до позднего вечера, пока сердитый вахтер не выгоняет меня. Тогда я иду сюда, под телевизионную иглу, чтобы посмотреть на темноватый квадрат окна.

К возвращению Светланы надо решить с опытом. Или — или. Тянуть больше я не могу. Я ведь тоже живой человек.

Несчастливым влюбленным, наверное, гораздо легче. У них хоть ясная безнадежность. Когда знаешь, что надеяться не на что, начинаешь искать противоядие. А моя надежда в моих руках. Вот она — голубая кнопка. Надо только чуть нажать ее.

Сейчас я могу себе позволить это. Радиус действия аппарата — несколько метров. И я жму кнопку до тех пор, пока не разряжается аккумулятор.

А все началось с эмоций. После того, как Федосеев вернулся с Луны, где у него вдруг взбунтовались роботы, он подкинул нам столько новых идей, что лишь года через полтора мы кое-как втиснули их в плановое русло. Тогда-то я и занялся вплотную эмоциями, потому что сам Петр Иванович с головой ушел в разработку памяти нового кристалломоозга для своих роботов.

Конечно, начали мы с «центров удовольствия». Сообразительные крысы послушно нажимали педали, забывая про сон, еду и питье. Нового тут было мало — эти опыты Олдз ставил еще в 1953 году. Джон Лилли, известный исследователь дельфинов, повторил их на обезьянах. Доктор Дельгадо научился подавать импульсы по радио, правда, на вживленный электрод. Чуть позднее изобрели телестимулятор — небольшой, с горошину прибор, вживляемый под кожу черепа. Мы пошли еще дальше, потому что у нас были микролокаторы, позволяющие обходиться без электродов. В нашу лабораторию зачастили добровольцы всех возрастов. С рогатым пластиковым шлемом на голове они слушали «Аппассионату», смотрели фильмы ужасов — «Гроб открывается в полночь» и «Вампиры вселенной», любовались Венерой Милосской, дегустировали новые блюда. Мы приходили со своими аппаратами на экзамены к студентам, появлялись на боксерских рингах, космодромах, за кулисами театров, на редакционных летучках, в машинах «скорой помощи». Мы проявляли чудеса сообразительности, мы становились дипломатами, мы хитрили, уговаривали, призывали, и, как правило, нам удавалось водрузить шлем человеку на голову в самый, казалось бы, неподходящий момент. Все газеты обошел снимок вратаря «Торпедо» в нашем шлеме, которому били одиннадцатиметровый за пять минут до конца полуфинального матча. Счет был пока ноль — ноль, и запись получилась потрясающая, но Федосеев с тех пор считал нас прямыми виновниками проигрыша его любимой команды.

Была у нас запись, полученная при испытании самолета, у которого при пикировании отказало управление, и эмограмма счастливица, выигравшего по лотерее автомашину. Среди наших подопытных были поэты, пожарники, роженницы, карапузы из детских

садов, утопленники, пациенты Института психиатрии и посетители Дворца бракосочетаний.

Про утопленников я не оговорился. Наш аспирант Коля Семенов прыгнул в бассейн со шлемом на голове, чтобы записать эмоции страха. Плавать он не умел и пошел на дно почти сразу. Конечно, на берегу дежурил врач, а в воде сидели два аквалангиста, которые извлекли Колю ровно через сорок секунд, но нам всем потом дали строгий выговор, потому что он успел-таки потерять сознание, наглотавшись воды.

Потом началось моделирование. Мы заставляли нашу вычислительную машину воспроизводить в своем железном нутре все эмоции, на какие только способны живые существа. Мы учили ее испытывать азарт, гнев, прививали ей чувство юмора. По лаборатории стали бродить электронные кошки, которые дико сверкали глазами и прыгали в сторону при слове «брысь!», и кибернетические зайцы, любившие нюхать цветы.

На шкафу в лаборатории поселился задумчивый осьминог, целыми днями вертевший ручки радиоприемника и менявшей свой цвет в зависимости от транслируемой передачи. Пластмассовые лягушки, привлеченные статическим зарядом синтетических блузок нашей секретарши Ниночки, прыгали ей на колени, пугая ее до обморока. Круторогая киберкоза Машка стала грозой курильщиков всего института. Она не выносила табачного дыма, и почуяв ненавистный запах, так поддавала нарушителю своими резиновыми рогами, что тот немедленно улепетывал в курилку — единственное место, куда ей вход был воспрещен. Коза расправлялась со всеми, невзирая на чины и звания. Был случай, когда однажды рано утром, еще до начала работы, она гонялась по всему институту за приезжим академиком, пока не загнала его на стол в директорском кабинете, где он и продолжал курить, потому что потерял во время погони очки и не мог прочитать надпись на машинном боку: «No smoking!»

Все это были модели. В институте создавался новый кристалло-мозг, и наш кибернетический зоопарк помогал проверить разные идеи. Новый мозг предназначался для машины, которая должна была обладать эмоциями.

Практика дальних космических исследований показала, что разведчики-автоматы часто оказывались бесполезными там, где требовался не только беспристрастный точный анализ, но и субъективное суждение, не только фиксация увиденного, но и оценка впечатлений, потому что без этого новый мир не мог быть понят правильно. Как это ни странно, безупречная точность машин стала их недостатком.

У машины нет личности. Она всегда объективна. Любой разведчик-автомат, взятый наугад из сотни ему подобных, оценит встреченное им явление так же, как и остальные девяносто девять. Различие будет лишь где-нибудь в шестом знаке после запятой.

У людей совсем не так. Люди всегда субъективны.

Вот перед картиной импрессиониста стоят трое зрителей. «Свежо, талантливо!»— восклицает один. «Бездарная мазня»,— утверждает другой. У третьего своя точка зрения, лежащая где-то посередине. И так во всем. Познавая мир, человек всегда привносит в это познание что-то свое, глубоко личное, придает увиденному и прочувствованному свою эмоциональную окраску. В этом его слабость и в этом его сила.

Человек не мыслит мира без красоты. «Мне хочется, чтобы этот новый элемент был красив»,— говорил Пьер Кюри о только что открытом радии. Ученые ищут изящные решения. «Эта формула не может быть верной—она не изящна»,— заявляет исследователь и оказывается прав. Рациональность своего мира человек оценивает с позиций прекрасного. Промышленная эстетика, инженерная психология помогают ему объединить прекрасное с рациональным.

Посылая вместо себя в дальний космос автоматических разведчиков, человек хочет научить их видеть мир своими глазами—глазами существа, способного радоваться и горевать, способного ошибиться и переживать свою ошибку, способного на сомнения, сопоставления, раздумья. Иными словами, он хочет подарить машине эмоции.

Как раз этим мы и занимаемся. Наши многочисленные лаборатории изучают то, что в энциклопедиях названо «особой, формой отношения к предметам и явлениям действительности, обусловленной их соответствием или несоответствием потребностям человека».

Помню, как новичок-лаборант отказывался работать в Лаборатории страха. Он думал, что на него будут выпускать голодного тигра, чтобы измерить возникающие при этом эмоции. Тогда его направили в Лабораторию смеха, и он долго там корпел над эмограммами, дешифровка которых—скучнейшее в мире занятие.

У нас есть Лаборатория горя, Лаборатория азарта, Лаборатория грусти, Лаборатория аффекта, Лаборатория скуки, Лаборатория ярости... А с тех пор как два года назад на нескольких эмограммах мы заметили совершенно непонятные всплески, моя работа вдруг приняла неожиданное направление.

Нельзя сказать, что это произошло случайно. При современной системе научного поиска любое открытие рано или поздно обязательно совершится. Не сделай Рентген своего открытия, таин-

ственные икс-лучи все равно были бы обнаружены через несколько лет. Все более или менее значительные открытия обязательно будут сделаны. Доказательство этого — история создания атомной бомбы, квантовых генераторов, космических кораблей.

Странные всплески не идентифицировались ни с одним известным нам явлением. Мы изучили тысячи эмограмм, замучили загадками вычислительную машину, проделали множество контрольных опытов. Таинственные всплески оставались неразгаданными. Они появлялись не так-то часто, может быть, один раз на сотню опытов, причем без всякой системы. Их находили на эмограммах горя и радости, страха и азарта.

Как раз в это время я познакомился со Светланой.

К монументалистам я попал случайно. Десятки раз я проходил возле этого здания, не обращая внимания на него. И на этот раз я, наверно, прошел бы мимо, если бы не брызнувший через стеклянную стену взрыв красок, когда низкое предзакатное солнце внезапно выглянуло из-за туч.

Наверное, я никогда не забуду то состояние безотчетной радостной тревоги, которое вошло в меня в тот миг. Помню, еще мальчишкой я надел на пляже в Гурзуфе подводную маску с желтым светофильтром вместо стекла, и чуть не закричал от восторга — такой ликующий мир вспыхнул вокруг меня. Нечто подобное случилось и сейчас. Я вдруг увидел, что все вокруг странно изменилось — стала изумрудней трава газона, в ней драгоценными фарикиами зажглись разноцветные канны, небо поглубело, весело зажелтела керамика стен, умытая недавним дождем. Странное ощущение близкой встречи с прекрасным возникло сразу, заставив меня остановиться. Я еще медлил, но предчувствие росло. И я понял, что буду жалеть всю жизнь, если сейчас пройду мимо.

Я уже догадался, что паредо мной, и обрадовался счастливому случаю.

В толчее Третьяковской галереи, где мы проводили исследования на художниках, уровень помех был очень высок для нашей аппаратуры. Я подумал о безлюдье мастерских, в которых трудятся монументалисты, и шагнул внутрь стеклянной призмы входа.

Ясно помню странное ощущение, нахлынувшее на меня, когда я оказался внутри здания. Светлая пустота огромного зала обрывалась стеклянной стеной, расчерченной тонкой сеткой алюминиевых рам. В гулкой тишине дробно пел невидимый молоточек. Тюк-тюк-тюк — цокали звонкие удары, отражаясь от стен. Так-так — неторопливо отвечал ему другой. На полу клубился окаменевший водопад красок. Сладко пахло горячим органическим стеклом и свежеструганым деревом.

В первый момент я не увидел никого. Как сквозь сон, постукивали молоточки и вздрагивало солнце в стекле. У моих ног раскинулась россыпь каменных огней — голубой лазурит, сапфир и бирюза, зеленеющий малахит, серпантин и хризопраз, кровавый сердолик и сардер. Поглощенный их великолепием, я не сразу заметил, что на меня внимательно смотрит стройная девушка в больших прямоугольных очках.

Я до сих пор не знаю, чем отличается техника цветных левкасов от техники инкрустации, а та, в свою очередь, от флорентийской мозаики, хотя в тот день долго слушал объяснения Светланы. Мы шли по убегающим коридорам, мы балансировали на стремянках, перешагивали через каменные лица, через россыпи камней, я впитывал каждый звук ее голоса, но понимал только одно — что теперь снова и снова буду приходить сюда.

На следующий день я принес с собой шлем. Всех моих опытов было на день, от силы на два. Я растянул их на две недели. Я снимал эзограммы с художников и уборщиц, с членов художественного совета, со случайных посетителей и нетерпеливых взыскательных заказчиков. Сомневающимся я демонстрировал работу шлема на себе или Светлане.

Дней через десять я пригласил ее в институт. Лаборатория привела Светлану в восторг. Она брала в руки резиновых лягушат и гладила их эластичные спинки. Кибернетическая Машка — наш непогрешимый индикатор запахов — бродила за ней как привязанная, нервно шевеля ноздрями. Когда она смеялась, осьминог Федя становился бледно-малиновым, каким он бывал только при звуках «Лунной сонаты», и норовил свалиться со шкафа ей на плечи. Серые мышки водили тихие хороводы у ее ног.

Я демонстрировал Светлане расшифрованные эзограммы, долго и не очень понятно объясняя значение кривых. Ее лицо серьезно, и серые внимательные глаза за стеклами очков становились загадочными. Если же она снимала очки, ее лицо совершенно менялось, приобретая такое беспомощно-доверчивое выражение, что я невольно отводил взгляд, словно боясь обмануть эту доверчивость.

А вскоре случай натолкнул меня на решение загадки всплесков. Мне понадобилась какая-то эзограмма, но лаборант засунул ее неизвестно куда, и я, потеряв надежду отыскать ее, надел на голову рогатый шлем. Когда запись была готова, я вставил ее в проектор и с удивлением увидел на экране знакомые всплески.

Догадка сверкнула неожиданно. Я твердо знал, что прежде их не было на моих эзограммах, и теперь, боясь поверить, стал ли-

хородочно просматривать ленты, над которыми мы тщетно ломали головы уже полгода. Судя по всему, я не ошибся...

К тому времени уже был построен генератор Бурцева, и мы планировали широкую серию опытов по генерированию эмоций. И я подумал: а что, если?..

Виктор Бурцев защитил свою диссертацию совсем недавно. Небывалый в ученом мире случай: ему были присвоены сразу две ученые степени — доктора физико-математических наук и кандидата медицинских наук. Темой его диссертации была генерация биополя.

Помню, я зашел к Федосееву с заявкой на аппаратуру. По какой-то причине он урезал ее наполовину. Я стал настаивать, он возражал. Сидевший тут же Виктор деликатно прикрывлся газетой, а сам бросал на меня иронические взгляды.

И вдруг на меня что-то нашло. Я словно взбесился. Я заорал на Федосеева, как никогда не кричал за всю свою жизнь. Я размахивал кулаками, всячески понося его за скаредность, администрирование и бог знает еще за какие грехи, брызгал слюной, стучал по столу, топал ногами. Где-то в глубине сознания я понимал, что веду себя недопустимо, недостойно, отвратительно, но ничего не мог с собой поделать. Еще немного, и я бросился бы на Федосеева с кулаками.

И вдруг все прошло. Я замолчал на полуслове и сразу почувствовал, как заливаюсь краской стыда. Опустив глаза, я стоял, как нашкодивший мальчишка, тщетно пытаюсь выдавить из горла слова извинения, с ужасом ожидая, что сейчас разгневанный Петр Иванович укажет мне на дверь, в которую уже заглядывала перепуганная секретарша.

Как ни странно, Федосеев не рассердился. Он только удивленно хлопал глазами, глядя то на меня, то на Бурцева. А тот буквально умирал от смеха, уткнувшись носом в газету. Федосеев засмеялся тоже. Я ничего не понимал.

Когда они перестали смеяться, Бурцев вылез из кресла, прихрамывая подошел ко мне (он хромал после неудачного похода в горы) и обнял меня за плечи.

— Извини нас, — сказал он. — Петр Иванович хотел убедиться, как действует генератор. А тут подвернулся ты.

Только теперь я увидел в его руках странный прибор, похожий не то на карманный гиперболоид, не то на пиратский пистолет с воронкообразным дулом. Это была первая модель его знаменитого ныне генератора эмоций.

В то время неуклюжий аппарат казался нам чудом. Он весил около трех килограммов, работал только в диапазоне одной эмо-

ции, а дальность его действия не превышала четырех метров. Довольно скоро он превратился в миниатюрную плоскую коробочку с небольшим раструбом, на нем появился переключатель диапазонов.

Я долго сердился на Виктора за его шутку и почувствовал себя отомщенным лишь на защите диссертации, когда шепнул наиболее ретивому оппоненту, что генерация эмоций уже практически осуществлена.

Конечно, тот не мог упустить случая и потребовал демонстрации прибора. Дескать, он рад послужить науке и готов подвергнуться действию генератора. Бурцев выразительно посмотрел на меня — он сразу понял, кому обязан этим, благо я сидел рядом с оппонентом. А я со злорадством ожидал, как он выпутается из щекотливого положения.

Я прекрасно понимал, что тут не отделаешься генерацией нежности или другого возвышенного чувства. Демонстрация должна сработать на публику. Оставались эмоции, после которых диссертант не мог с гарантией рассчитывать на благожелательное отношение к себе оппонента.

Все это было известно Бурцеву ничуть не хуже, чем мне. Но он решил не отступать и попросил у оппонента разрешения продемонстрировать на нем генерацию эмоций ужаса.

— Попробуйте, — снисходительно ответил тот. — Но я не из пугливых.

Защита происходила у нас в институте. По просьбе Виктора привели из вивария подопытную собачонку — вздорное, драчливое существо ростом с котенка. Пока за ней ходили, Бурцев попросил оппонента подойти поближе и осведомился, не боится ли тот собак. Оппонент скромно дал понять, что не испугается и тигра.

Тогда Бурцев направил на оппонента прибор и крикнул собачонке: «Куси его!» Та не преминула воспользоваться разрешением и затякала.

Дальше произошло то, чего никто не ожидал. Оппонент драпанул от собачки к дверям со скоростью хорошего спринтера. А вдоль прохода, по которому он мчался, люди вскакивали со стульев и бросались в стороны по ногам соседей — видно, веерообразный луч аппарата доставал и сюда. В зале возникла страшная сумятица — впрочем, лишь на несколько секунд, потому что Бурцев сразу выключил аппарат. Смущенный оппонент вернулся обратно, красный как рак. К счастью, он оказался человеком с юмором и не обиделся на диссертанта. Он долго с чувством тряс Виктору руку и даже погладил виновницу переполоха, пере-

пуганно жавшуюся к ногам Бурцева. Та, конечно, не упустила случая и тяпнула его за палец.

Генератор Бурцева лег в основу моего прибора. В этом не было ничего мистического. В конце концов, любовь — это тоже эмоция, только высшего порядка. Если генератор способен вызывать страх или нежность, почему он не может возбудить любовь? После анализа нескольких сотен эмограмм, которые чуть не свели меня с ума, я, понял, что решение задачи возможно...

* * *

Почему всегда, ходят вместе радость и боль?

К тому времени когда эскизы прибора были вчерне готовы, ленты эмограмм сказали мне то, о чем я боялся догадываться. Но это было так — ни на одной Светланиной эмограмме я не смог найти знакомых мне и уже не загадочных всплесков. Светлана не любила меня.

Это открытие как будто ничего и не изменило. Только какая-то тень легла на мою жизнь, словно призрак несбывшегося, и чтобы стереть ее, я просиживал в лаборатории до поздней ночи. Я погубил сотни лягушек и кроликов, я замучил расчетами электронный мозг. Я верил, что идея, мелькнувшая однажды в моей голове, может оказаться верной. Только эта мысль и поддерживала меня, потому что я все сильнее любил Светлану.

И, как отраву, жило в моей памяти воспоминание о дне, когда мне показалось, что все будет иначе.

Однажды в воскресенье, перекусив в ресторане «Седьмое небо», мы забрели в парк. Кончался сентябрь, и женщины в синих куртках сметали с дорожек жухлые, мятые листья. Людей в парке почти не было, и наверно, только для нас в раковине эстрады духовой оркестр играл полонез «Прощание с родиной». Мы шли напрямик по блеклой траве, разгребая ногами шуршащие листья. Яркое, но уже не горячее солнце, белая дымка на горизонте и приглушенный расстоянием звон медных труб окрашивали все в какую-то тревожную краску, подчеркивавшую зыбкую нереальность дня. Было грустно и одновременно радостно. В такие моменты веришь в самое несбыточное. Поэтому я сказал Светлане, что люблю ее.

Она остановилась и повернулась ко мне. За ее плечом виднелась подтянутая фигура капельмейстера, который беззвучно махал палочкой, и повинаясь ей, послушные трубы ритмично поблескивали желтыми упитанными боками. Музыки в этот момент не стало — она растаяла, растворилась в неподвижном воздухе, и я

слышал только, что сердце у меня стучит часто-часто, как перед прыжком с высоты. Прохладные пальцы легли мне на глаза, и тут я почувствовал, что вокруг все поплыло, потому что Светлана поцеловала меня. А когда я снова смог слышать музыку, Светланы уже не было рядом.

Зачем она это сделала?

Снова и снова я задаю себе вопрос, на который нет ответа. Она упорно ускользала от разговора. Я обижался, иронизировал, мрачно молчал, высмеивал себя и ее — все было напрасно.

И каждую свободную минуту я отдавал своему прибору.

Она не знала, что когда я в шутку надевал на нее шлем и усаживал в экранированное кресло, микролокаторы проникали в глубь ее мозга, исследовали ее биополе, изучали биофизику ее ощущений и чувств, измеряли их частоты и амплитуды, а электронный мозг анализировал, сопоставлял, комбинировал, ища ту единственную резонансную частоту, что может вызвать на ее эмограмме всплеск, который я до сих пор напрасно искал у нее.

Теперь решение в моих руках, но я снова и снова откладываю опыт, потому что вся моя уверенность не может стереть ощущения поверхностности наших представлений о природе любви. За кривыми эмограмм, за толстыми тетрадами графиков встают передо мной такие глубины человеческого счастья и горя, что у меня пропадает всякая вера в могущество кибернетики и электроники.

И вместе с тем я чувствую, что Светлана уходит от меня. Это ощущение подсознательно, но я верю ему. И все равно не могу решиться.

Маленькая пластмассовая коробочка лежит на моей ладони. Нужно сделать только легкое движение пальцем, чтобы заработал генератор биополя. Но я думаю о непознанных тайнах ненависти, презрения, страха, отчаяния, я вспоминаю о тысячах трагедий, началом которых была любовь, и решимость моя тает. Любовь, принятая насильно, любовь навязанная, любовь нежеланная — не обернется ли она в одно мгновение в свою противоположность?

Мне страшно потерять Светлану. Я не могу этого допустить. Потерять ее — все равно, что потерять себя.

Иногда я вспоминаю, что есть человек, который завидует мне. Такова ирония судьбы. Без всяких аппаратов я вижу, что Виктор Бурцев тоже любит Светлану. И он уверен, что Светлана отвечает мне взаимностью.

Вскоре после ее отъезда Виктор пришел ко мне в лабораторию. Долго ходил прихрамывая из угла в угол, говорил о каких-то пустяках. Я видел его насквозь, но не испытывал к нему ни рев-

ности, ни вражды. Не знаю, что этому причиной — наша давняя дружба или надежда, которая еще не оставляет меня. Он попросил закурить, нервно мня сигарету в пальцах, потом с усилием спросил, пишет ли Светлана. Я покривил душой, сказав, что она звонила (на самом деле звонил ей я). Он кивнул головой, раздавил в пепельнице незажженную сигарету и ушел. Я не удерживал его. Я видел, что Виктору еще хуже, чем мне, но чем я мог помочь ему?

Каждый вечер, возвращаясь из лаборатории, я иду все к тому же зданию, представляя, как увижу знакомую тень в светлом квадрате окна, как направлю на этот квадрат раструб излучателя. Я словно наяву вижу, как Светлана бросается к телефону и набирает мой номер, вдруг поняв, что любит меня, что ни часа, ни секунды не может больше без меня, еще не зная, что я здесь, рядом, что теперь я буду рядом всегда... Я слышу, как стучат по кафелю ее каблучки, легкая тень мелькает и дробится в светящейся призме, и две, три, четыре Светланы бегут, спешат, летят ко мне, и вот хрустальные стены расступаются перед ней и я делаю шаг навстречу...

Если бы я мог знать, что ожидает нас впереди!

...Виктора нашли утром на полу лаборатории. Он лежал возле включенной установки в плотно застегнутом рогатом шлеме, и его лицо было блее мела.

Причину несчастья установили быстро. Это не было самоубийством, как решил я сгоряча, ни небрежностью в опыте. Произошла случайная авария, предусмотреть и предотвратить которую было невозможно.

— Да, он в сознании, — сказал мне врач, когда я утром следующего дня пришел в больницу, — но слабеет с каждым часом. Возможно, длительное воздействие поля вызвало у него глубокую психическую травму. Он не желает бороться за жизнь, и это самое страшное. Тут мы бессильны. Конечно, мы делаем все возможное, но уколы, пилюли — это не то. Еще день, два — и конец.

И тогда мне становится отчаянно больно и тоскливо от жалости к самому себе, потому что я понимаю, что спасение Виктора зависит только от меня. Выйдя в коридор, я опускаюсь в кресло и долго сижу, стиснув голову ладонями, слушая, как в сердце все нарастает ошеломляющая пустота. Я вспоминаю милые руки Светланы, летающие над переливами каменных огней, и пенные молоточки среди огромного зала, и ее улыбку, и немного удивленные глаза, и полузабытую мягкость ее губ — вспоминаю все, от чего должен отказаться сегодня, и это очень, очень больно.

Лишь какое-то время спустя я замечаю, что рядом со мной сидит Федосеев.

— Петр Иванович, как хорошо, что вы здесь!— почти кричу я, боясь, что решимость может оставить меня.— Я знаю, как спасти Виктора!

И я бессвязно, торопливо рассказываю ему все— про Светлану и себя, про лежащий в моем кармане прибор. Я знаю, что нанести на перфокарту двадцать семь тысяч меток можно только за сутки непрерывной работы, но все эзограммы Виктора хранятся у меня в лаборатории, и ребята мне помогут, поэтому нужно немедленно, не теряя ни минуты, вызывать сюда Светлану и просить у нее согласия на опыт, который спасет Виктора...

И тут я умолкаю, потому что Петр Иванович как-то странно смотрит на меня, и в глазах у него мечется смятение.

— Вы не верите мне!— волнуясь я и лезу в карман за аппаратом.— Поймите, это единственный шанс для Виктора!

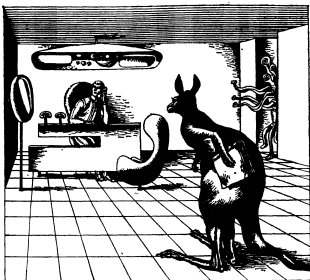
Но Федосеев останавливает меня.

— Она уже здесь,— говорит он и поворачивает меня к дверям.— Я послал ей телеграмму...

И тут у меня сердце на миг останавливается, потому что в глубине коридора я вижу знакомую тонкую фигурку, которая бежит, летит, спешит к нам из распахнувшихся дверей. Она пробегает так близко, что ветер от ее рук касается моего лица, и мне достаточно одного взгляда, чтобы понять, почему Федосеев так странно смотрел на меня. Она распахивает дверь в палату, где лежит Виктор. На одно мгновение передо мной мелькает его запрокинутый чеканный профиль на ослепительной белой подушке, и я сразу вспоминаю другой, каменный профиль на полу мастерской, показавшийся мне таким знакомым. Дверь закрывается с мягким вздохом, а я стою, привалившись боком к стене, и непослушными пальцами ищу в кармане сигарету.

— Твои руки, как ветер,— произношу я вслух, но строчки ускользают от меня, и я никак не могу вспомнить конца.— Твои руки, как ветер,— бормочу я, как заведенный.

Мои пальцы наталкиваются на гладкий корпус прибора. Я достаю его из кармана и вытягиваю наружу тонкую пластмассовую пластинку с микроскопическими узорами перфораций. Потом медленно подношу к ней спичку и смотрю, как пластинка горит желтым коптящим пламенем. Я держу ее до тех пор, пока огонь не обжигает мне пальцы.

В. Фирсов

КЕНГУРУ

Я был еще мальчишкой, когда на Землю прилетел первый корабль с пятирукими обитателями Альфы Центавра. Что тогда творилось! Все твердили только об одном: контакты! контакты! братья по разуму! Сейчас населенных планет известно видимо-невидимо, и никого ничем не удивишь. Инопланетян можно встретить на любой улице — рукокрылых и шарообразных, земноводных, двухордовых, кристаллических, насекомоподобных, выворотней, коленопалых (у них пальцы почему-то на коленях), полупрозрачных, зеркальных, сверкунов, попрыгунчиков, пузырьковых, мотыльков... Да разве всех упомянуть! Прежде, бывало, иная старушка, встретив поздно вечером зеленокожего с глазами как плошки, шарахалась в сторону, а потом, отомлев от испуга, говорила в сердцах вслед гостю: «А, чтоб тебе...» Ну и так далее.

Кстати, из-за этой самой фразы с одним инопланетянином случился однажды большой конфуз. Он решил, что слова, которыми его везде встречали, означают какое-то приветствие, и на офици-

альном приеме в Министерстве межпланетной торговли взял да и брякнул эти слова... Но все это было давно, а сейчас, если к человеку на улице подлетает этакий паук размером с доброго бегемота и, вежливо оскалив полуметровые клыки, спрашивает, как пройти к аэровокзалу, никто не пугается, а спокойно объясняет: «Прямо, потом направо, потом чуть левой, а там уж рукой подать», а иногда еще просит автограф на прощанье или спрашивает: «А где вы достали такой суперлон?» (это, конечно, спрашивают женщины).

Про автографы я упомянул не случайно — их одно время собирали буквально все. Бедные инопланетчики неделями подписывали свои фотографии — до полного изнеможения. Но если четверорукие или септоподы еще справлялись с этим, то другие оказывались в тяжелом положении, ибо как можно получить автограф у существа-кристалла? К счастью для пришельцев, мода на автографы с развитием контактов стала постепенно глхнуть. Я бросил охотиться за автографами, когда число известных нам населенных планет перевалило за семьсот. Сейчас же их несколько тысяч. В краткой космической энциклопедии описание всех этих цивилизаций занимает около десятка томов. Не знаю, найдется ли хоть один мудрец, который помнил бы их все. Я, например, к таковым не принадлежу, из-за чего и попал недавно в неприятную историю.

Как вы понимаете, все эти инопланетяне, разумные обитатели нашей Галактики, прилетали на Землю вовсе не ради удовольствия побродить по Лувру или посетить Долину Гейзеров. К земным условиям они приспособлялись с трудом, некоторым приходилось постоянно носить с собой баллоны с аммиаком или формальдегидом, чтобы не задохнуться в нашей атмосфере, а обитатели инфракрасных карликов вообще не выходили из специально построенных для них огромных холодильников, так как при температуре выше минус 120 градусов по Цельсию они просто испарялись. Хорошо себя чувствовали только обитатели немногих землеподобных планет да еще паукообразные с безатмосферных планет — те питались солнечным светом, и им было все равно, где жить — на Земле или на Луне. Луну они даже предпочитали, потому что на Земле воздух мешал им давиться... Так вот, все эти пришельцы прилетали к нам, месяцами и годами терпя заключение в утлых скорлупках своих звездолетов ради единой цели — торговли.

На заре космонавтики писатели-фантасты любили описывать межпланетные войны, чудовищные нашествия марсиан, покорение одних планет другими. По их книгам получалось, что весь космос населен бандитскими шайками, космическими вандалами, которые

только о том и мечтают, чтобы поработить или совсем уничтожить друг друга. В их романах капитаны звездолетов при встрече с другим кораблем немедленно начинали палить из всех видов бортового оружия, при отступлении долго и старательно запутывали следы, уничтожали свои маршрутные карты и делали прочие глупости. Так вот, все это вранье. Все люди (даже если у них семь ног или крылья, как у мотылька) хотят жить в мире и дружбе, и никто ни на кого нападать не собирается. И дорогу к себе никто не скрывает. Наоборот, по всему космосу расставлены подробные указатели, совсем как на горных дорогах — «До перевала пять часов пути». Прилетай, торгуй, если есть чем. Вы — нам, мы — вам... Конечно, среди инопланетчиков попадаются порой жулики, но уж в торговле не без этого. Здесь, как говорится, пальца в рот никому не кладут.

Вот на такого жулика я однажды и нарвался. Я возглавлял тогда сектор идентификации валюты в Торгснице (я говорю в прошедшем времени — «возглавлял», потому что после той истории я его, увы, не возглавляю). Однако все по порядку.

Межпланетная торговля развивалась удивительно быстро. Первые годы весь оборот составлял всего несколько тонн. Экспортировались главным образом научные труды да чертежи всевозможных машин. Торговлей это назвать было трудно. Разве это торговля, если наша Академия наук отправляет куда-нибудь в созвездие Водолея чертежи синхрокосмотрона на миллиард миллиардов электрон-вольт, а те, в свою очередь, шлют нам рецепт выращивания полицилина — универсального антибиотика, излечивающего рак, коклюш, хронический нефрит и еще семьдесят семь тяжелых и триста легких болезней. Но через несколько лет количество ввозимых и вывозимых товаров стало измеряться тысячами и миллионами тонн. И сразу возникли невероятные трудности.

Вряд ли кто-нибудь из вас толком представляет себе, что такое деньги. Денежная система на Земле отменена пятьсот лет назад, и сейчас даже представить дико, что она когда-то существовала.

Недавно я зашел вечером перекусить в небольшое кафе. Какой-то юноша с бородкой, в синем терилаксовом костюме, пед, подыгрывая себе на гитаре, старинную песню, в которой мне запомнились строки: «Всюду деньги, деньги, деньги. Всюду деньги, господа...». Когда песня кончилась и девушки перестали ему аплодировать, я спросил певца:

— Вот вы сейчас пели про деньги. Вы не смогли бы объяснить, что это такое?

Юноша в недоумении пожал плечами.

— Я не очень точно представляю их. Говорят, в старину существовали такие психостимуляторы хорошего настроения. Их выпускали в виде небольших лепешек в золотом или серебряном корпусе. Психополе такого аппарата было очень слабым, поэтому каждый старался иметь побольше таких аппаратов и постоянно носил их при себе.

— А потом их перестали выпускать совсем,— сказала одна из девушек, черноглазая индианка в белом сари.— Люди научились создавать себе хорошее настроение без всяких стимуляторов.

— Наверно, это было ужасно — знать, что твое настроение всецело зависит от какого-то аппарата,— горячо заявила ее подруга — очаровательная блондинка в сверкающей золотом короткой тунике, открывавшей ее стройные ножки почти целиком.— А если аппарат портился — что тогда?

— Бедные предки — каково им было постоянно таскать при себе такую тяжесть,— вздохнул черный как уголь парень, который сидел у ног индианки на краю бассейна и пытался дернуть за хвост золотую рыбку. По этой черноте я сразу понял, что передо мной один из строителей, возводящих гелиостанцию на солнечной стороне Меркурия — они все после месяца работы становятся как головешки.

— А я слышала, что были очень легкие деньги — на печатных схемах,— сказала еще одна девушка.

Все эти юноши и девушки были молоды, здоровы и счастливы, и для хорошего настроения им не нужны были никакие стимуляторы. Но их наивность в вопросе, когда-то считавшемся самым важным в жизни людей, потрясла меня. Я пытался объяснить им, что же такое деньги. Мой рассказ они встретили недоверчиво.

— Никогда не поверю, что человек не имел права взять себе еду или одежду, если у него не было каких-то дурацких бумажек! — заявила блондинка в золотой тунике и от возмущения притопнула своей загорелой ножкой.— Не поверю, не поверю, не поверю!

— А если он был очень голоден? — спросил парень с Меркурия.

— Он мог умереть от голода, но без денег ему все равно не дали бы ничего. А тех, кто пытался что-нибудь взять, на несколько лет запирали в специальные комнаты или даже убивали.

— Вы рассказываете невероятные вещи,— сказали мне эти

молодые люди.— Как хорошо, что этих проклятых денег больше нет!

Да, денег на Земле не было уже пять столетий. Но в связи с бурным развитием межпланетной торговли их пришлось выдумывать снова. И поверьте мне, это было не такое уж простое дело.

Даже на нашей маленькой Земле деньгами служили трехметровые каменные жернова и маленькие золотые кружочки, пестрые морские раковины и бумажки с картинками, бруски соли, коровьи черепа, мраморные кольца, медные квадраты, прозрачные камешки, свинные хвостики и многое другое. А здесь — бесконечный космос с бесконечно разнообразными формами разумной жизни, и для всех надо было найти единый, всех удовлетворяющий эквивалент стоимости товара.

Вопрос о единой межпланетной валюте возник сразу после создания Торгсннца — Бюро по торговле с инопланетными цивилизациями. Я тогда работал в НИИПЭ — институте истории первобытной экономики — и только что защитил диссертацию о древних денежных системах. Очевидно поэтому мне предложили возглавить отдел идентификации космической валюты. Ах, какая это была увлекательная работа! Если бы не проклятый кенгуряник!

Межпланетная торговля — дело очень и очень непростое. Космический рынок необъятен, потребности его самые неожиданные. С Бетельгейзе-2 требуют срочно доставить им полтора миллиона метлахских плиток — у них, оказывается, это самое модное украшение, с Кассиопей запрашивают алмазные буры, без которых тормозится добыча артезианского воздуха. Дельта Северной Короны предлагает договор на ежегодную поставку миллиона тонн заячьей капусты, вдвое продлевающей жизнь коронян; в созвездии Гончих Псов, где очень плохо с энергетикой, ждут не дождутся обещанного плутония, который мы, в свою очередь, должны получить с лирян в обмен на трех носорогов для их зоопарка; у сверкунов вдруг вошли в моду светящиеся украшения, и они желают получать от нас люминофоры и фосфор, а кремнийорганические жители Спики, температура тела у которых 500 градусов Цельсия, заказывают большую партию асбо-цериевых костюмов для своих туристов, желающих посетить Землю; из Магеллановых Облаков уже третий раз напоминают, что давно отправленные им картины импрессионистов XXII века до сих пор не прибыли, и требуют возмещения убытков; жители планет Большого Пса, готовящиеся к празднованию 333-летия своей федерации (это по их счету, потому что по нашему получается $382 \frac{1}{32}$ года), сообщают о своем желании получить к празднику 8 миллиардов трепангов — самого

лакомого для них блюда, а жители Малого Пса предлагают за ту же партию вдвое бóльшую цену — лишь потому, что соседи не пригласили их на праздник; правительство Водолея требует передать всех трепангов ему, так как из них будет готовиться сыворотка против охватившей созвездие эпидемии звездного гриппа, а Зоологический совет Восточного полушария требует немедленно запретить добычу трепангов, дабы спасти их от полного уничтожения... И так день за днем, месяц за месяцем... Бесконечное разнообразие товаров, и за каждый чем-то надо платить.

Это был самый главный вопрос: чем? Когда-то на Земле люди сговорились, что эквивалентом стоимости всех товаров будет золото — металл для тех времен довольно редкий. Но никто не знал, что будет служить валютой сейчас.

Ни металлические, ни бумажные деньги для этой цели не годились. Техника молекулярного копирования была хорошо развита почти на всех обитаемых планетах, и воспроизвести любые денежные знаки в практически неограниченном количестве не составляло никакой проблемы. И хотя не было оснований подозревать кого-либо в подобных замыслах, сама мысль о возможности бесконтрольного производства валюты служила непреодолимой преградой на пути использования любых денег. Очень быстро отпали все предложения воспользоваться для межпланетных расчетов валютой какой-либо из планет. Вряд ли вам понравится, если за партию гравигенераторов на антидейтериевой плазме двенадцатой степени чистоты, которые вы, отложив все дела, срочно изготовили для Канопуса, вам предложат килограмм сушеных кузнечиков, которые там ценятся необычайно высоко. Межпланетные валюты были весьма разнообразны. Я не буду говорить про драгоценные камни или раковины — это еще куда ни шло. Но вы слышали когда-нибудь, чтобы за покупки расплачивались слезой синего крокодила Киу, как на звезде Регул, или следом Божественной Курицы, которой поклоняются на Веге, улыбками, как в созвездии Девы, или запахом счастья (валютой служит, конечно, не сам запах, а какой-то вонючий волосок от очень редкой волосатой блохи, которая водится на северном полюсе Полярной звезды)? Были и еще более странные валюты.

В Торгсинце был и юридический отдел. Его заботой была выработка уставов и определение прав и обязанностей участников межпланетной торговли. Возглавлял этот отдел мой старинный друг Гамлет Рафаэль Витковский. С его легкой руки и пошли все мои неприятности.

Работы в юридическом отделе было мало. Вначале, когда Торгсинц только создавался, энтузиасты предложили кучу наиглу-

пейших проектов, где было все: верительные грамоты, торгпредства, банкеты, приемы, речи, протокол, нормы представительства и прочая ерунда. Рафаэль и его ребята быстро вышвырнули все эти проекты в корзину и выработали свой, который всех устроил. Я тогда с головой ушел в изучение галактических валют и поэтому до сих пор толком не знаю, как это им удалось. Помню только, как Рафаэль жаловался мне, что делать им стало совершенно нечего, и его парни скоро взвоют от безделья. Я посоветовал ему разослать их в командировки, например, на Конскую Голову или куда-нибудь подальше. «Это мысль,— сказал Рафаэль, и с уважением посмотрел на меня.— Светлая у тебя голова, мой друг...»

С этого все и началось. Ребята его развезли, с текучкой Рафаэль справлялся запросто. Все шло хорошо, но тут появилась Леона.

Вообще-то ее звали не Леона, а Ира, но с тех пор как пошла эта дурацкая мода брать себе вторые имена, молодежь наша словно с ума сошла. Каждый старался отыскать имя подиковинней — из древней истории, литературы, а то и просто из мифологии. Упомнить их не было никакой возможности. Приходилось записывать: Николай — Юпитер, Джон — Лозингрин, Ольга — Вирсавия, Янек — Нерон, Татьяна — Клитемнестра... Один чудак назвался Геростратом, другой — Скопидомом. Но, пожалуй, всех перещеголяли Шазс и Арта. Оказывается, были когда-то и такие имена. Шазс — Шагающий Экскаватор, Арта — Артиллерийская Академия. А уж Цезарей, Овидиев, Рамзесов, Наполеонов было хоть пруд пруди. Рафаэль при выборе имени оригинальностью не блеснул — знакомых Гамлетов у меня было и до него человек десять. Но это имя всем нравилось. Еще был Гамлет — это звучит...

Так вот, о Леоне—Ирине. Рафаэль раскопал это сокровище где-то в горах. Он в конце каждой недели улетал на Эльбрус кататься на лыжах. Судя по его рассказам, спуск с Эльбруса — самое необыкновенное из впечатлений его жизни. У него глаза разгорались от одних воспоминаний. Но однажды он спустился где-то не там и его засыпало лавиной. Часа два он провел под снегом без сознания, а потом эта девица его откопала. Несмотря на миниатюрность и миловидность, она была весьма решительной особой и в отряде спасателей ее очень ценили. Словом, Рафаэль тут же влюбился в нее, а через несколько месяцев уговорил ее выйти за него замуж — так эти события выглядели в ее пересказе. Сам Рафаэль уверял меня, что дело происходило чуть-чуть иначе. Он, правда, свалился в какой-то мульде, упустил лыжу и изрядно вспотел, выкарабкиваясь из глубокого снега, поэтому решил передохнуть и стал смотреть по ручному видео переигровку финального

матча ватерполистов сборной мира против команды дельфинов. За этим занятием его и застала якобы Леона. Она отыскиала потерянную лыжу и заодно отругала его за то, что он не выключил аварийный пеленгатор, который автоматически включается при каждом падении лыжника. Кто из них говорил правду, до сих пор неизвестно. Подозреваю, что инициатива во всех событиях, следовавших за извлечением Рафаэля из лавины, принадлежала целиком ей.

Я рассказываю эту историю потому, что Леона потребовала увезти ее в свадебное путешествие. Судя по всему, это была не такая особа, которую можно в чем-то переубедить. Бедный Рафаэль притаился ко мне и стал просить, чтобы я заменил его на это время. Вначале я отнекивался: оставь кого-нибудь из своих. У тебя же толковые парни.

— Ты сам посоветовал услатить их подальше. Вот и помогай выпутываться.

Словом, он меня уговорил, передал дела, объяснил, как и что, и умчался со своей любимой куда-то за тридевять земель. А я начал руководить юридическим отделом, то есть самим собой.

В то время Торгсинц был накануне больших событий. Готовилась Первая Всепланетная конференция Торгсинца, на которой должен был рассматриваться проект единой валюты. Мы уже подготовили интересные предложения, которые, смело могу сказать, наверняка бы всех устроили. Ах, если бы не проклятый кенгурянин!

О планете Кенгуру я почти ничего не знал. Конечно, я слышал, что такая где-то существует, но никакой торговли с ней не велось, а мне за делами было недосуг заглянуть в энциклопедию. Рафаэль рассказал перед отъездом, что кенгуряне хотят прислать своего представителя для переговоров и предупредил, чтобы я держал с ним ухо востро. Из его слов я понял, что кенгуряне — изрядные жулики, и пальца в рот им не клади. Судя по всему, сказал он, торговать они в конце концов откажутся, изрядно поведив нас за нос. Почему-то их отношение к торговле через систему Торгсинца было «традиционно негативным» — так изящно выразился Гамлет Рафаэль Витковский, передавая мне дела. Словом, я понял, что они всячески будут совать конференции палки в колеса.

— У них старая вражда с планетой Скорпион, — сказал Рафаэль. — Уж не знаю, что они там не поделили, только эти космические Монтеки и Капулетти всячески подсиживают друг друга уже лет четыреста. Нет, до драки у них не доходит. Просто они пакостят друг другу как только могут. Последний раз это произошло у меня на глазах, во время седьмых межзвездных Олимпийских игр.

И он рассказал мне, как было дело. Хитроумные и коварные кенгуряне привезли на Олимпийские игры здоровенную бутылку с какими-то комарами, укусы которых замедляет обмен веществ в организме у скорпионцев, и выпустили их в парке, окружавшем Олимпийскую деревню. Озверевшие от долгой голодовки комары, конечно, перекусили всех спортсменов. Никому это не повредило, кроме скорпионцев. Они все игры ходили полусонными и дремали прямо на старте. Один байдарочник так крепко уснул на дистанции, что его унесло течением за финиш километров на сто. Словом, во всех видах состязаний скорпионцы заняли последние места. Они, конечно, догадались, чьи это проделки, но не будешь же жаловаться на комаров!

— Будь уверен, — сказал мне Рафаэль, — если скорпионцы участвуют в каком-нибудь деле, то кенгуряне из кожи готовы будут вылезти, лишь бы чем-нибудь им насолить. А скорпионцы только что подписали Декларацию.

Кстати, об этой Декларации. Перед отъездом Рафаэль вручил мне серебряный ключик от большого футляра, в котором хранился переплетенный в кожу фолиант, украшенный медными застегками — совсем как старинные инкунабулы. На переплете на трех языках — русском, линкосе и едином — было выдавлено золотыми буквами слово «Декларация». Эту книгу соорудил кто-то из предшественников Рафаэля. Подразумевалось, что в ней будет начертана «Декларация прав и обязанностей всех разумных планет, вступивших в братский союз свободной межпланетной торговли» — примерно так ее хотели назвать. Рафаэль нашел книге другое наименование.

Не помню, говорил я или нет, что число известных нам цивилизаций уже перевалило за семь с половиной тысяч. Причем в энциклопедиях и справочниках упоминается всего тысячи три. Наша полиграфия, увы, никак не может справиться с растущим потоком дополнений к уже выпущенным томам. Торгсинц должен был охватить всех желающих, а как их охватить, если ни в одном справочнике нет даже адреса данной цивилизации! Вот Рафаэль и придумал, чтобы каждый прибывший на Землю инопланетянин, желающий присоединиться к системе Торгсинца, оставлял в этой книге свои координаты и указания, как долететь до его родины. Выглядели они примерно так: «Старт в плоскости эклиптики через точку весеннего равноденствия и далее три парсека по вектору Альфы Весов, затем поворот оверштаг к надиру, правее 17 градусов и прямо, обходя пылевое скопление справа, чтобы Канопус освещал в левую щеку, а потом еще полпарсека, беря чуть выше оси мира». Как вы понимаете, все это излагалось точным матема-

тическим языком, причем не по-русски, а чаще всего на родном языке пришельца. К моменту отъезда Рафаэля Декларация была заполнена уже на две трети уникальными сведениями о тысячах планет, жаждущих влиться в русло всемирной галактической торговли. Поэтому он наказал мне беречь ее как зеницу ока. Случись что с этой книгой — и мы, инициаторы Торгсинца, будем в глазах всей Галактики выглядеть отпетыми дураками. И, конечно, делу развития межпланетной торговли будет нанесен тяжелый урон. Даже подумать страшно, сколько десятилетий понадобится, чтобы восстановить все координаты гостей, послать им извинения, объяснить, что мы, дескать, оказались растяпами, и назначить новый срок конференции...

Словом, я старательно оберегал эту уникальную книгу. Правда, особенных усилий от меня не требовалось. Лежала она в своем футляре посреди полированного стола из марсианской яшмы, комната всегда была на замке, двери и окна оборудованы сигнализацией. Если же кто-нибудь ею интересовался, я сидел тут же и глаз с нее не спускал. Впрочем, за месяц это случилось только три раза. Первыми ее попросили достать для съемки сотрудники телехроники, потом ее часа два листал редактор — составитель очередного тома энциклопедии — он смотрел, нет ли в ней чего-нибудь нового о цивилизациях на букву «Р». Кажется, две цивилизации он отыскал — рогоглазы и рцниххары. А потом появился кенгурянин.

Мой рабочий день в юридическом отделе начинался поздно — в два часа дня. Дело в том, что с десяти часов я работал на своем постоянном месте — в отделе идентификации. В полдень мой рабочий день кончался. Я делал разминку со штангой и шел купаться в бассейн, потом обедал и уже после обеда являлся в юридический отдел.

В тот день я сидел в одиночестве, листая повестку дня конференции, и еще раз прикидывал все за и против нашего проекта единой валюты. И тут позвонили из космопорта и сказали, что ко мне направляется представитель торговых организаций планеты Кенгуру.

Я встретил гостя в дверях и после взаимных уверений в полном почтении усадил его в кресло и приготовился слушать. Я впервые в жизни видел кенгурянина, но уже при первом взгляде на него понял, почему его планета получила свое название. Гость действительно напоминал кенгуру — крупной головой, чем-то похожей на лошадиную, тяжелым, раскирдящимся книзу торсом и особенно большими ногами, скорее даже лапами. Впрочем, одет он был безукоризненно. На нем был модный котелок с небольшими

полями, ослепительная розовая рубашка с галстуком-змеей, парадный темно-синий смокинг с длинными фалдами и черные брюки в полоску. Провожая его к креслу, я очень внимательно разглядывал его фалды, стараясь рассмотреть, есть ли под ними хвост, но так ничего и не увидел. Кенгурянин, изящно взмахнув фалдами, опустился в кресло, закинул ногу на ногу, попросил разрешения закурить, вежливо похвалил нашу погоду, а затем попросил меня развернуть перед ним блистательные перспективы, вытекающие из братского присоединения планеты Кенгуру к мировому торговому союзу «Торгсинц» — так он несколько высокопарно выразился.

Говорил он на едином языке прекрасно, хотя излишне оригинальничал и немного странно строил фразы. Я начал ему рассказывать, но тут зазвонил телефон и тонкий голос пропищал в трубку: «Мама, а Вовка дерется...». «Девочка, ты ошиблась», — сказал я и положил трубку. Но едва я открыл рот, как раздался новый звонок, и кто-то доложил мне, что монтажники уже на месте. Еще через пять минут нас перебили снова. На этот раз какое-то бюро обслуживания сообщало мне, что заказ номер такой-то на свадебный букет будет выполнен с опозданием на час... Мой гость начал терять терпение и попросил разрешения ознакомиться со списком участников будущей конференции. Я насторожился, но делать было нечего. Пришлось достать ключ и открыть заветный футляр. Кенгурянин с некоторым изумлением на лошадином лице взял книгу, взвесил ее на ладони. Его удивление было понятно — такие громадины встречаются теперь только в музеях. С тех пор как изобрели электронную печать, книги любого объема печатают на одной странице. Полупроводниковая бумага на одной стороне листа запоминает до пяти тысяч различных текстов, а световой индикатор в корешке переплета помогает отыскать и включить любой из них. (Отсюда и всем известное выражение «включи страницу такую-то» вместо старинного «открой страницу».) Немудрено, что кенгурянин изумился, увидев наш пудовый фолиант с застешками и золотым тиснением.

Подвинув поближе кресло, мой гость открыл книгу и углубился в ее изучение. Я не знаю, насколько он разбирался в разноязычных записях — на его длинном лице ничего особенного не выражалось. Когда он снял свой модный котелок, обнаружились довольно длинные, торчащие вверх острые уши, и это сделало внешность гостя настолько карикатурной, что я, кажется, даже фыркнул. Но тот и ухом не повел — поставил котелок на стол, небрежно кинул в него модные розовые перчатки и принялся за чтение. Я сел за свой стол, возле телефона, время от времени поглядывая на гостя. Читал он медленно, внимательно — даже ше-

велил губами от усердия, и мне временами казалось, что передо мной сидит не брат по разуму, полноправный представитель высококоразвитой цивилизации, а какой-то сказочный персонаж вроде братца Кролика или сестрицы Лошади. Ах, проклятый кенгурянин! Только потом я понял, что он прекрасно знал о впечатлении, которое его внешность производила на людей, и умело этим воспользовался.

Кенгурянин сидел, перебирая страницы и шевеля губами, а я таращил на него глаза и старался не задремать. Потом зазвонил телефон и кто-то раздраженно спросил, когда же будут билеты. Я вежливо ответил, что это ошибка, и снова воззрился на кенгурянина. Через полчаса раздался новый звонок — на этот раз попросили Архимеда Петра Ивановича. И тут началось. Не успел я положить трубку, как кто-то потребовал Афродиту Марью Петровну. Затем меня спросили, что делать с вакциной. Предложили принести породистого щенка. Попросили помочь решить задачу по физике. Сказали, что бабушка сегодня не придет. Обещали обязательно прислать мне автолет, который я не заказывал. Требовали с меня отчетности по форме номер тридцать семь бис. Уверяли, что любят меня по-прежнему. Интересовались, как мой радикулит, которого у меня отродясь не было... Я начал тихо злиться. Если бы не гости, я просто снял бы трубку с вилки, но его присутствие смущало меня — что он подумает о порядках в земных учреждениях! Раз за раз я звонил в Бюро повреждений, но там все время было занято. Кенгурянин сидел неподвижно, только его длинные уши вздрагивали при каждом звонке — видимо, все это ему тоже надоело. Он поднялся из кресла только около четырех, когда я уже начал поглядывать на часы, захлопнул книгу, положил ее в футляр и стал благодарить меня и жать руку, обещая продолжить работу на следующий день. Тут снова позвонил какой-то идиот и спросил: «Это родильный дом?» — «Нет, это сумасшедший дом!» — в сердцах крикнул я и швырнул трубку на рычаг. Кенгурянин запер футляр, с поклоном вручил мне серебряный ключик, взял котелок и пошествовал к выходу. Телефон затрезвонил снова, но я только погрозил ему кулаком и проводил гостя до лифта, как того требовала вежливость. Рабочий день мой уже кончился, поэтому, проводив кенгурянина, я сразу запер двери, включил сигнализацию и отправился домой.

На следующий день кенгурянин почему-то не явился. Еще ни о чем не догадываясь, я со спокойным сердцем ровно в четыре ушел с работы, радуясь, что все у меня тихо и спокойно — даже телефон на этот раз не беспокоил. А на третий день позвонил тот редактор из энциклопедии и попросил меня уточнить, как правиль-

но писать — «рциххары» или «рциххары». Я отомкнул футляр, и сердце у меня словно оборвалось — книги в нем не было!

Сейчас я с трудом припоминаю, сколько проклятий обрушил я тогда на голову кенгурянина. Я ни секунды не сомневался, что пропаша Декларации — его рук дело. Мне было только непонятно, как он ухитрился это проделать — я ведь глаз с него не спускал, а в остальное время комнату оберегала безотказная сигнализация. Однако ругань руганью, но следовало что-то предпринимать. Милиция и уголовный розыск у нас ликвидированы несколько столетий назад, и на Петровке, дом 38, давным-давно помещаются Дом сказок и Музей детского рисунка. Поэтому я попытался самостоятельно отыскать кенгурянина. Увы, мне сообщили, что он еще позавчера вылетел ночным рейсом куда-то на Плутон, а оттуда, скорее всего, отправился трансгалактическим лайнером к себе на родину.

Через день, бросив молодую жену где-то в заповедниках Венеры, примчался Гамлет Рафаэль. Я не буду перечислять те несправедливые эпитеты и сравнения, которыми он щедро награждал меня в течение половины рабочего дня. Меня удивило только, почему, ругая меня, он очень часто пользовался старинными денежными мерами. Валюта никогда не была его специальностью, и я только руками разводил, слушая как свободно оперирует он архаическими терминами, известными только очень узкому кругу специалистов. Однако логика его мышления при этом была мне совершенно непонятна. Он кричал, что я разиня, и тут же давал мне очень высокую оценку, заявляя, что мне как работнику грош цена. Мы совсем недавно с огромным трудом, после года переговоров, заполучили в свой музей один-единственный старинный грош, чудом сохранившийся в чьей-то частной коллекции на Марсе, и уж кто-кто, а я-то знал истинную цену этой невзрачной монете. Кричал он еще, что пользы от меня на копейку, спрашивал, сколько таких, как я, идет на фунт — очевидно, он подразумевал фунт стерлингов... Потом он немного устал и заставил меня рассказать, как было дело. И когда я рассказал ему все, в том числе и о дурацком звонке про родильный дом, он хлопнул себя по лбу.

— Все понятно! Ну и провел же он тебя... Так нагло вынести книгу прямо на глазах... Ай, молодец!

— Как на глазах? — возмутился я. — Я сам провожал его. Клянусь головой, у него ничего с собой не было.

— Еще бы! Конечно, не было. Он нес ее внутри. Ведь это же кенгуру!

Я так и сел,

— К...кенгуру?— пробормотал я тупо. Только теперь до меня дошло, что свое название жуликоватые жители далекой планеты получили не только из-за лица и ног.

— Конечно! Кенгуру — редкая разновидность разумных сумчатых. Матери у них носят в сумке детей, а мужчины пользуются своей сумкой вместо чемодана.

— Значит, эти звонки..?

— Все это было подстроено. Ему надо было всего две-три секунды, чтобы спрятать книгу и захлопнуть пустой футляр. Предлагаю, как он сейчас смеется! Еще бы. Конференция наша провалилась и кто знает, удастся ли созвать ее в этом столетии...

Вот так кенгурянин околпачил меня и чуть не сорвал проведение конференции Торгсинца и введение единой валюты, которая устроила всех — и сверкунов, и скрытней, и жукоглазых.

А я все-таки утер нос кенгурянику.

После того как мне пришлось расстаться с работой в отделе идентификации, у меня появилась масса свободного времени. Я все снова и снова задумывался над тем, как ловко все это у кенгурянина получилось. Такие операции не проводят без тщательной подготовки. Он должен был понимать, что действовать наудачу нельзя — малейшее подозрение, и все пойдет насмарку. Для успеха предприятия он должен был заранее знать размеры книги, и то, что она лежит в футляре, и где стоит телефон. Конечно, расспрашивать об этом он не мог. Но как же, как же он узнал?

Внезапно меня осенило. Я вспомнил про телевизионщиков. Когда я приехал к директору и вошел к нему в кабинет, я сразу понял, что мои догадки верны. На стене у директора красовалась большая фотография — он сам в обнимку с кенгурянином на фоне какого-то неземного пейзажа.

— Да, был я у них как-то,— сказал мне директор, заметив мое любопытство.— Интересный народ, скажу вам...

— Это они вам заказали передачу о подготовке к конференции?— спросил я в упор.

— Не то чтобы заказали, а так... Они дали понять, что конференция их весьма интересует, но у них нет никакой информации. И я подумал, что такой сюжет в хронике будет весьма полезен широкому кругу наших зрителей.

— А можно посмотреть эту хронику?

— Пожалуйста.

Директор повозился над пультом, и вскоре на контрольном мониторе я увидел собственные руки, бережно открывающие футляр с драгоценной книгой. Голос невидимого диктора убедительно объяснял, что право присоединиться к работе конференции предо-

ставлено всем разумным обитателям нашей Галактики — им достаточно внести в книгу свои координаты. Потом я увидел на экране и свое сонное лицо — я сидел за столом, а рядом блестела трубка телефона. Мне все стало ясно. Я сердечно поблагодарил директора и ушел. Но одно сомнение продолжало точить мой мозг. Если у кенгурянина все было так хорошо организовано, почему он улетел только ночным рейсом?

Чтобы узнать это, я отправился в космопорт и отыскал диспетчера, который дежурил в тот вечер. Он сразу вспомнил кенгурянина.

— С ним получилась досадная история. Ему выдали билет на уже занятое место. К сожалению, наши машины еще несовершенны и иногда ошибаются. Что делать... Но специалисты заверяют, что лет через сто — двести такие недоразумения станут абсолютно невозможными.

— На какой рейс у него был билет?

— На пять часов — я очень хорошо помню.

— А он улетел полуночным рейсом. Разве других рейсов не было?

— Почему не было? У нас были свободные места на семи- и десятичасовые рейсы.

— Так в чем же дело?

— Я не знаю. Помню, он очень рассердился, даже пошумел немного, а потом пошел в ресторан. Больше я его не видел.

Я поднялся в ресторан и стал расспрашивать официанток о кенгурянине.

— Я его обслуживала, — сказала милая блондинка, в которой я с некоторым удивлением узнал красавицу из кафе, которой я не очень давно читал лекцию о роли денег. Звали ее Клеопатра-Ольга. — Мне тогда было очень некогда — я как раз готовила конспект для зачета и хотела послать к нему робота Яшу. Но он потребовал, чтобы его обслуживал человек.

Я сразу понял, почему кенгурянин запривередничал. Робот работает круглые сутки. Он всегда на месте, все видит и никогда ничего не забывает. А люди могут и уйти, и забыть — узнай потом, видел кто-нибудь кенгурянина или нет. Мне просто повезло, что я сразу наткнулся на Клеопатру-Ольгу.

Я попросил девушку рассказать о нем все, что она запомнила, и тут узнал, почему кенгурянин не улетел ни в семь, ни в десять часов. С ним случился неожиданный конфуз, вполне, впрочем, простительный для инопланетянина, незнакомого с нашей кухней. Он решил перекусить и за ужином выпил стакан чая с лимоном, не зная, что этот напиток действует на организм кенгурян сильнее,

чем на нас чистый спирт. Словом, через полчаса он уже не мог сказать «мама». И его посадили в уголке отсыпаться.

— Я не заметила, когда он ушел,— рассказывала Клеопатра-Ольга.— Смотрю, его уже нет. Ну ушел и ушел.. Мне-то что. Уже потом, попозже, посмотрела — а он книгу забыл...

— Книгу?— я даже подскочил.— Какую книгу?

— Откуда я знаю, что за книга. Здоровенная такая.. Мы ее сдали в Бюро находок.

Наверно, девушка осталась обо мне не очень хорошего мнения — я вылетел от нее как сумасшедший, забыв даже попрощаться.

В Бюро находок я ворвался так, словно за мной гналась бешеная собака. Увы, там меня ожидал жестокий удар.

— Да, это книга у нас лежала весь контрольный срок — десять дней. Поскольку ее никто не востребовал, мы приняли меры к установлению владельца и отправили ему книгу почтой.

— Кому? Куда?— взревел я, вцепившись в перепуганного хранителя Бюро находок. Тот с трудом вырвался. Мне пришлось долго перед ним извиняться. Наконец он сказал, порывшись в делах:

— Вот... Отправлена двенадцатого на планету Кенгуру.

Я думал, со мной случится удар. Бедный хранитель перепугался еще больше и стал вызывать по телексу врача. А я сидел и пытался представить, что будет думать кенгурянин об умственных способностях землян, когда получит посылку. Поистине простота хуже воровства...

Оставалось только одно. Может быть, удастся перехватить посылку на Плутоне, где происходит перегрузка на дальние лайнеры. Я позвонил Витковскому, рассказал обо всем, и мы помчались к министру почт и телеграфов. Тот срочно связался с Плутоном. В ожидании ответа мы сидели как на иголках и подпрыгивали при каждом звонке. Наконец телеграфный аппарат выплюнул ленту с ответом. Мне показалось, что я вместе с диваном лечу куда-то в тартарары. Ответ с Плутона гласил: «Посылка номер такой-то, индекс такой-то, получатель планета Кенгуру, пятнадцатого сего месяца отправлена внепространственной почтой адресату».

Это был конец. Внепространственные корабли достигают любых закоулков галактики в несколько минут. Следовательно, сейчас мой супостат рассматривает нашу Декларацию и с удовольствием скалит лошадиные зубы, удивляясь глупости землян.

— Ишь, как работать научились,— бормотал Рафаэль, когда мы понурившись, словно побитые собаки, выходили от министра.— Контрольные сроки завели.. новаторы несчастные. Не могли поволоклить немного. Тоже мне деятели...

Я остановился и толкнул его в бок.

— Слушай, Рафаэль, а все-таки почему посылка ушла пятнадцатого, а не раньше, как ей было положено? Где она провалялась сутки?

— Да ну тебя,— отмахнулся Рафаэль.— Какая разница...

— А вот какая. Почта должна работать как часы. Разве это порядок — на сутки задержали почтовое отправление инопланетянину... Идем в Бюро находок.

— Ты что — обалдел?— спросил Рафаэль.— Больше делать нечего?

И он отправился домой. Я с огорчением посмотрел ему вслед. Все эти события выбили его из колеи. Но я все равно должен узнать, почему посылка задержалась. Что поделать — уж такой у меня дотошный характер.

Того хранителя, с которым я разговаривал, уже не было — его рабочий день кончился. Сменщик, симпатичный вихрастый парень, сидел в кресле с учебником псевдосферической стереометрии, видимо, готовился к экзамену. Я изложил ему дело, он поскреб лохматую голову, потом засунул в рот два пальца и свистнул. На этот сигнал откуда-то из-за стеллажей выкатился робот-упаковщик и вежливо сказал «Здрасьте».

— Том, ты отправлял книгу на Кенгуру?— парень назвал ему номер и индекс посылки.

— Я,— ответил Том, с готовностью моргая передними глазами.

— А когда? Числа какого?

Тут робот вроде смутился и понес что-то невразумительное о негабаритности, нестандартной упаковке и прочей ерунде. Но парень только головой мотнул.

— Ты мне арапа не заправляй. Я тебя, голубчика, насквозь вижу. Опять читал?

Том смутился еще больше и опустил глаза.

— Читал...— промямлил он еле-еле.

И тут до меня дошло, что это значит. Я кинулся к Тому так стремительно, что он даже откатился немного назад.

— Том, голубчик! Ты что — прочитал эту книгу?

— Прочитал...— неуверенно ответил робот.— Ибо сказано: учение — свет, неучение — тьма...

— Всю, до конца?

— Безусловно. Очень, очень увлекательная книга,— сказал Том, прибодрившись.

— Спаситель ты мой!— завопил я, кидаясь к нему на грудь.— Дай я тебя расцелую!

И я чмокнул его в пластмассовую макушку, возле теменного глаза, приведя хранителя в немалое изумление. Но мне было

наплевать. Главное было в том, что проклятый кенгурянин остался-таки с носом. Ведь роботы никогда ничего не забывают!

Вот, кажется, и все. Конференция состоялась точно в срок, и хотя участвовать в ней мне не пришлось, я чувствовал себя как король на горе. Ведь если бы не я... впрочем, вы и сами можете оценить мои заслуги в деле укрепления межпланетной торговли.

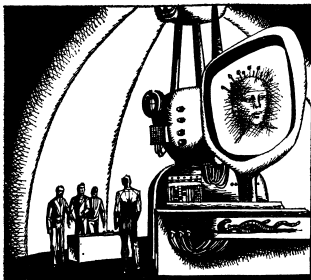
История с Кенгуру тем и закончилась. Жаловаться мы, разумеется, не стали — кенгурянин всю операцию провел так, что комар носа не подточит, и не оставил никаких улик. То, что он забыл в ресторане книгу, которую вскоре ему отослали, еще ни о чем не говорит — мало ли на свете книг! Ведь открывал эту книгу только робот Том, а роботы, как известно, не являются юридическими лицами. Да, было бы у кенгурянина все шито-крыто, если бы не злоупотребление горячительными напитками — в данном случае чаем с лимоном, и, конечно, если бы не мое стремление всегда докопаться до сути, не оставляя без внимания ни одной мелочи.

Я не раз пытался представить, что подумал кенгурянин, распаковав посылку с Земли и обнаружив в ней книгу, из-за которой так рисковал. Наверное, он счел это утонченной макиавеллиевской насмешкой землян над своей попыткой выкрасть ее. Возможно, он даже решил, что все было подстроено заранее — и растяла-хранитель, и билет на занятое место, и чай с лимоном... Но что бы он ни думал, его выходка так ему не пройдет.

Первая Всепланетная конференция Торгсинца прошла с большим успехом и была, безусловно, выдающимся событием в жизни нашей Галактики. В ней приняли участие представители семи тысяч шестисот тридцати двух планет. На Кенгуру мы тоже послали изысканно вежливое приглашение. Никто, конечно, не явился.

Жизнь моя идет по-прежнему. Я заведу Музеем валюты да еще сотрудничаю с отделом идентификации — в роли внештатного консультанта. Так что мой рабочий день заполнен до отказа. Штангу я пока забросил, зато ежедневно, включая и три выходных дня, хожу на тренировки в секцию бокса. Тренер сказал, что у меня отличные способности. Особенно он хвалит мой прямой левой. «Таким ударом, — говорит он, — можно свалить лошадь».

Именно это мне и надо. Еще месяц-другой — и я пойду заказывать билет на Кенгуру.

Э. Михеев, А. Пирожков

ПРЕДВАРЕННАЯ ФОРМУЛА

Сцены из общественной, личной и дачной жизни О. П. Крамова, младшего научного сотрудника

1. ДЮАР С КАРТОФЕЛЬНЫМ ГАРНИРОМ

Вагон пригородной электрички был переполнен. Потные, измученные жарой пассажиры монолитной массой колыхались в такт движению поезда. «Компактная упаковка,— подумал Олег.— Как прессованные финики». Он стоял, прижатый к спинке сиденья мощной спиной дачницы, и мечтал лишь о том, как бы перебросить авоську из одной руки в другую. Достать газету из портфеля, затолкнутого под сиденье, нечего было и думать. В таком стиснутом и сплюснутом состоянии Олегу предстояло ехать минут сорок.

«Надо привыкать,— успокаивал он свою крепкую нервную систему.— Впереди два с лишним месяца дачной жизни. По два раза в день — это будет около ста веселеньких поездок на лоно и обратно.

Остановки за три до Мамоновки в вагоне стало относительно

свободно. Олег поспешил плюхнуться на сиденье и с наслаждением ощутил под собой жесткую горизонтальную плоскость. Постепенно у него даже стал появляться интерес к окружающему миру.

У окна, напротив Олега, бережно держа на коленях сумку с картошкой, клевал носом пассажир в полосатой кепке. Кепка была ему явно велика и все время сползала на лоб. На остановках пассажир просыпался, подворачивая кепку на место и выглядывал в окно, боясь проехать свою станцию.

«Ка тэ эн Онищенко классифицировал бы его как «социально неизбежный, но вырождающийся тип», Серж назвал бы «вечно ищущим углом треугольника». А я ему только посочувствую. Мы одной судьбы, мы оба — дачники. И обречены мы возить картошку за пятьдесят километров от Москвы».

Взвывая тормозами, электричка подкатила к платформе Мамонтова. Пассажир в полосатой кепке встрепетнулся и снял с колен сумку, собираясь выходить. И тут Олег увидел, что в сумке не только картошка.

«Интересно... Разве жидкий азот столь уж необходимая приправа к картошке?».

В сумке, наполовину засыпанной картофелем, лежал дюар в пенопластовом чехле. Горлышко дюара заткнуто ватным тампоном, через который просачивался дымок испаряющегося газа.

Пропуская полосатую кепку вперед, Олег еще раз заглянул в эту старенькую хозяйственную сумку: точно, картошка и сосуд с жидким азотом. В том, что в дюаре азот, Олег не сомневался — испаряющийся газ струился вниз.

Этот парадокс не оставлял Олега до самой дачи: полосатая кепка свернула на ту же улицу и скрылась за калиткой через три дома от дачи Олега.

— Опять молоко взял в бутылках, а не в пакетах,— встретила Олега сестра.— Сколько раз говорить, что бутылки здесь не принимают, надо в Москву везти.

— Извини, пожалуйста, но мне кажется, что дюар с жидким азотом довести гораздо сложнее, чем молоко в бутылках.

— Что-о?

— Ты не знаешь, кто живет через три дачи от нас?

— Я не так быстро завожу знакомства, как ты. И вообще, тебе необходимо, жизненно необходимо прогуляться за водой.

«Эх, суэта дачная!» — Олегу вдруг вспомнился крак в московской квартире и, как вершина цивилизации, шумная струя воды из него. И совсем непонятно, почему гудящие его ноги повернули к дальней колонке мимо дома № 10, где скрылась полосатая кепка.

2. РОЯЛЬ В ПОЛОВИНЕ ШЕСТОГО

Утром Олег просыпался первым. Будили мысли о переполненной электричке, о тридцатиградусной жаре и о незаконченной статье. Скоро вернется из командировки шеф и спросит о ней. Можно сказать, что эксперимент не закончен. Тогда последует риторическое «почему?» Можно сказать, что подвели со сроками электронщики. Но этому шеф уже не поверит.

Олег вышел на крыльцо, вдохнул чуть туманный воздух, сощурился от яркого солнца и услышал странные звуки. Если бы эти звуки раздалась в московской квартире, он мог бы поклясться, что этажом выше неугомонные милые детишки опять таскают по полу привязанную за веревочку гитару.

Олег вышел из калитки, прислушался. Вот опять загрохотало, басовито загудело. На высоком крыльце дома № 10 наблюдалась какая-то возня. Двое мужчин, в одном из которых Олег узнал вчерашнего попутчика, выталкивали через дверной проем черную грамадину рояля. Рояль юзом сполз по ступенькам и, возмущенно взревев всеми струнами, как подбитый мастодонт грохнулся в высокую траву. Вслед вылетели три его ноги.

— Не забудь струны снять, Прокл! — донеслось из дома.

«Концерт поп-музыки окончен, пора переходить к водным процедурам».

Прудовая вода наждаком содрала с Олега остатки сна, голова прояснилась, но продолжать разгадывать тайны дома № 10 уже не было времени. Десять минут автобуса, сорок пять — электрички, легкое самбо в метро вернули Олега в привычную колею. Начиная обычный рабочий день.

3. НЕЭКВИВАЛЕНТНЫЙ ПРОНЯ

Молоденькая библиотекаря косо посмотрела на посетителя, чья внешность несколько дисгармонировала с академической обстановкой читального зала для научных сотрудников.

— Эти журналы мы не выдаем, они только для внутреннего пользования.

Посетитель положил свою полосатую кепку на барьер, извлек из кармана огромный, не первой свежести платок, звучно выморкался и елеинно прогкусавил:

— А ты, девонька, к заведующему сходи, к Пал Николаичу. Он даст. Вот и записочка ему.

Из кепки появился клочок бумаги, который посетитель бережно

положил на стол. Недовольно поведя плечиками, девушка небрежно взяла записку и скрылась в лабиринте стеллажей.

Неизвестно, что за разговор происходил в глубине хранилища, но девушка вернулась с красными пятнами на щеках и выложила на барьер английские журналы. Посетитель довольно хмыкнул.

— Ты, девонька, здесь новая, вот порядков и не знаешь, — гнул савил он ей, заворачивая журналы в мятую газету и перевязывая бечевкой. — Счастливо оставаться, девонька.

Через полчаса Проня был уже далеко от библиотеки. В проходной небольшой фабрики он позвонил по внутреннему телефону. Разговор с вышедшим к Проне молодым человеком в усах происходил на улице.

— Давай! — тихим требовательным голосом произнес Проня. Усатый подал ему небольшую коробочку.

— Как обратный ток?

— Все в ажуре, сам проверял, — убедительно прошептал тот.

— Смотри, если что не так — заменишь. — Проня достал мятую пятерку, поколебался, добавил еще рубль.

— Маловато...

— Обойдешься, не своим торгуешь. Достань мне к среде парочку тиристоров на пятьдесят ампер.

— Это сложно, — промямлил усатый.

— Ничего, постарайся...

Дальнейший субботний маршрут полосатой кепки был не столь замысловат: продовольственный магазин и вокзал. Но приобретенный в магазине товар оказался не менее дефицитным, если учесть, что до одиннадцати было еще далеко.

Солнце шпарило уже не на шутку, когда Проня вышел из электрички на перрон Мамоновки. Он встал в хвост очереди, состоявшей исключительно из представителей менее прекрасной половины человечества, и проигнорировал предложение быть третьим. Не спеша, со вкусом отпил половину кружки и в освободившееся пространство влил содержимое четвертинки.

— Каждая формула эквивалентна некоторой предваренной Формуле, — изрек Проня, понюхав на закуску рукав, и добавил:

— Если верить теореме Эрбрана — Генцена.

4. НЕ ПЬЕМ МЫ, А ТОЛЬКО ЛЕЧИМСЯ...

«Действие есть осуществленная мысль, являющаяся звеном в цепи умозаключений, например: суббота — жаркое утро — непреодолимое чувство жажды — холодное пиво».

И вдруг в стройную логическую систему Олега ворвались помехи. Точнее, одна помеха. На фоне блестящей в солнечных лучах канареечными боками цистерны «Пиво» мелькнула полосатая кепка.

«Любопытно, все дороги ведут к святому источнику». Первоначальное решение Олега подверглось коррекции, обретя практическую цель. «Сейчас он мне ответит хотя бы на один из множества возникших вопросов».

Прихватив в каждую руку по кружке. Олег пристроился подле интриговавшего его дюроносителя и сразу же погрузился в облако насыщенных паров перегара. Ему даже показалось, что над полосатой кепкой дрожит мутное марево.

— Со вчерашнего трясет?— участливо спросил Олег, прихлебывая пиво.

— С прошлогодного,— буркнул «полосатая кепка», не поднимая от кружки глаз. Пиво, будто вылитое в бидон, исчезло в его гортле.

— А мы ведь соседи,— между глотками продолжал Олег.— Ты из десятого дома?

— Чего надо? Ходят всякие, привязываются,— содержимое второй кружки перелилось внутрь так же молниеносно.

Не растерявшись от такого поворота, Олег подsunул ему свою кружку. Видимо, из уважения к даровому «полосатая кепка» пил медленными глотками.

— Чего хочешь-то, говори. Кран, што ли, надо? У меня все краны спрашивают.

— Кран мне не нужен, мне, понимаешь, жидкий гелий понадобился.

— Чего, чего?— от резкого движения кепка сползла на лоб.

— Гелий, говорю, сможешь достать?— перешел на шепот Олег.— Хотя бы один дюар. Литра полтора—два.

— А зачем тебе гелий, я тебе лучше кран достану, три четверти дюйма, совсем новый. А на гелия плюнь, гелий не водка, много не выпьешь...

«Полосатую кепку» качнуло. Сохраняя равновесие, он доверительно ухватился за Олега.

— Тебя как зовут-то?— развивал знакомство Олег.

— Прокофий Васильевич, значит... Проней еще меня кличут... инвалид второй группы... не пьем мы, а только лечимся... пиво это тебе не гелий... выпьем лучше пива...

Олег прислонил Прокофия Васильича к цистерне, принес еще пива.

— На вот, Проня, пей. Пиво это не гелий.

— Чево ты привязался,— заорал неожиданно тот.— Не пью я гелий... я лечусь... чево привязался к человеку...

Проня шумел громко и долго. Кое-как Олегу удалось его успокоить и повести в сторону дома № 10. По дороге тот плел что-то о мнемосхемах и о нарушении синапсов под действием алкоголя. Втиснуть его в калитку дома было не просто. Проня не хотел пускаться за нее Олега. Но Олег, действуя частично уговорами, частично физически, успел проскочить, прежде чем калитка с громким стуком захлопнулась. Проня сдался и обмяк.

— Каждая формула эквивалентна некоторой предваренной формуле,— пробормотал он и наступил на куст пионов. К крыльцу они подошли обнявшись.

— Шшш...— приставил палец к губам Проня.— Ты знаешь, куда мы идем?..

— Мы идем одним путем,— заверил его Олег.

В этот момент появился еще один обитатель дома № 10. Весьма пожилой, лет за шестьдесят, черноволосый, с седыми висками мужчина моментально отрезвил Проню строгим взглядом.

— Что это значит, Прокл?

— Извиняйте, значит, Алексан Яковлевич,— неуверенно начал тот.— Не пил я, а только лечился. Исключительно для поддержки тонуса...

— Вижу твой тонус. Сколько раз повторять, что ты загубишь...— он перевел взгляд на Олега.— Чему обязан, молодой человек?

— Простите, я только доставил Прокофия Васильевича. Он немного не в себе, я и помог.

— Благодарю вас, не стоило себя утруждать.

— Что вы, я по пути. Живу рядом.

— Еще раз благодарю. Всего хорошего. Прокл, иди домой.

Это было уже невежливо. После такого приема Олегу оставалось повернуться и уйти.

5. ДЕБЮТ В СТИЛЕ ВУНДЕРКИНДА

Андрейке было скучно. Хотя он и обыграл в пинг-понг своего нового приятеля Евгения, но в шахматах ему, чемпиону 4-6 класса, нечего было и думать равняться с Женькой, который упорно просил называть себя Евгением и никак иначе. Этот Евгений как по нотам разыграл староиндийскую защиту, и на двадцать первом ходу Андрей смирился с неизбежностью мата. Не скрывая своего превосходства, Евгений еще раз заставил Андрея сдаться и ушел домой.

Остро переживал свой позор Андрей. Он слонялся по саду, пока не наткнулся на загорающего дядю Олега. Андрей звал его просто Олегом — подумаешь, разница в двадцать лет.

— Олег, ты когда научился играть в шахматы?

— В третьем классе. А по-настоящему в пятом. Второй разряд в институте получил. А что?

— Да так. Есть люди, которые и в десять лет прилично играют.

— Не себя ли ты имеешь в виду? Между прочим, если набиваешься на партию, то ничего не выйдет. Я не способен. Я расслабился и загораю.

— Нет, Олег, на партию я не набиваюсь. Уже сыграл две.— Андрей огорченно вздохнул.

— И проиграл, ясно как божий день.

— Ага. Вундеркинду.

— Это у тебя на челе написано. Где ты нашел такого Капабланку. Его случайно не Хосе Рауль зовут?

— Нет, Евгением. Из десятого дома.

— Вот как?— Олег от удивления снял темные очки.— Я и не знал, что там ребенок есть.

— Это такой ребенок, что тебя за пояс заткнет. Он говорит, что в школу больше ходить не будет, ему там делать нечего. Его дедушка по своей системе учит...

Видно, Андрей боялся, что даже Олег, который всегда терпимо относился к его расспросам и рассказам, теперь ему не поверит. И он, торопясь выложить все, захлеб начал говорить Олегу о непонятном своем приятеле из дома десяты.

— Олег, Олег, послушай, что он говорит. Он говорит, что уже знает все, что должны учить только в десятом классе. Ты не думай, я ему тоже сперва не поверил, я ему сказал, что он ненормальный, а он говорит, что он нормальный, а все люди ненормальные. Нет, он сказал — не все, а большинство, что попадают и нормальные, например, Эйнштейн, Бор и этот... Кизинберг...

— Гейзенберг.

— Правда, Гейзенберг. А еще он сказал, что мы все ненормальные, потому что у нас в мозгу не все клетки заняты этой... ну, вроде знаниями...

— Информацией?

— Ага. А у него, он говорит, скоро весь мозг будет ею занят, и тогда он будет совсем нормальный и ему не надо будет учиться в школе и в институте. Он сказал, что будет только перерабатывать ее...

— Кого?

— Ну, эту информацию. Врет он все, да, Олег?

— Не врёт, а фантазирует,— как можно равнодушной постарался охладить страсти племянника Олег.

— Я тоже так подумал и сказал ему. А он не обиделся ни-сколько, только посмеялся и сказал, что Эйнштейну тоже не верили, думали, что он сумасшедший. А еще Женька обещал попросить своего дедушку, чтобы он и меня тоже... ну, чтобы в школе не учиться. Мне бы хорошо, пускай только в школе не учиться, а в институте я сам буду...

— Только все это враки,— вздохнул Андрей, потом добавил:— Хочешь, я его приведу вроде в шахматы играть, а ты его проверишь?

— Что же, приводи. Посмотрим на твоего вундеркинда и в шахматки сыграем. Кстати, ты не знаешь фамилию его деда?

— Знаю, зовут Александр Яковлевич, а фамилия Рольберг.

6. ЧАЕПИТИЕ ПОД ЯБЛОНЕЙ

— ...непременно надо добавить, можно и китайку, порезать только, чтобы семечки не попали. Яблочко, Нина Павловна, кислинку дает. Может, чистая ягода и полезнее, да вкус приторный уж очень, а с яблочком в самый раз.

— Надо и мне баночку засахарить, а то последний год к перемене головные боли...

— Первое средство от гипертонии. И брату в Мурманск всегда посылаю, очень благодарит. Сосед вот из 10-го дома, профессор, нынешний год привой просил.

— Кстати, Муза Федоровна, не знаете, ваш сосед из 10-го дома какой наукой занимается?

— Вот чего не скажу вам, Олег Павлович. Спрашивала его как-то, да не запомнилось, что-то уж очень мудреное. Да он третий год всего у Прохоровых дом купил, как на пенсию вышел. Персональную получает, ну и на книжке, чай, есть. Людочка к нему каждый день бегаёт, и не только газеты, а то книги, то бандероли, то переводы носит.

— Я думал, он дачу снимает на лето, как мы.

— Нет-нет, хозяйствует. И в саду когда что поделает, ну, конечно, без Прони бы ему зарез.

— А кем ему этот Проня приходится?

— Да никем. Наш он, местный. Золото был бы мужик, все

в руках спорится, и где достать что, и что сделать... Только несамостоятельный — выпивает.

— Что ж у него, никого родни нет, а Проня вроде прислуги?

— Дочка была у Александра Яковлевича, померла, вроде — от рака. Внучка оставила деду. Не хочу сказать худого, только отец ни разу сына не проведаль, и есть вообще он, нет ли — не знаю... Да что мы все про соседа, уж Нина Павловна заскучала, и вареньица не подкладывает...

— Что вы, Муза Федоровна, такое замечательное варенье! Я смотрю, вроде Андрей там за калиткой... Андрей! Андрюша! Иди чайку выпей, избегался весь за день, не поел толком.

— Не хочу, мам! Мы с Евге... с Женькой сейчас на пруд пойдем.

— Иди сюда, тебя говорят! Съешь вот, с маслом и вареньем. А почему с тетей Музой не поздоровался?

— Здравствуй! Ну мам, меня Женька ждет... Еще червей накопать надо...

— Да отпусти ты его, Нина. Спиннинг мой, смотри, не трогай!

— Ладно!

— Вы тоже рыбачите, Олег Павлович? Только в нашем пруду одни головастики.

— Завтра после работы на Истру едем. Все наличные колеса мобилизовали: красухинский «Москвич», двое на мотоциклах с колясками, даже шеф свою «Волгу» пригонит.

— Приятно, когда такой дружный коллектив. У нас в ателье ничего похожего: устает, конечно, заказов — ужас сколько, да и на дому все подрабатывают. На сто двадцать-то особенно не разгонишься, вот и приходится дополнительно клиентуру брать.

— У нас поллаборатории по 120 получают, лаборанты по 90, и ничего, вроде хватает. Не в деньгах счастье, главное — чтобы работа нравилась.

— Извиняюсь, Олег Павлович, вы кто же по специальности будете?

— Я вообще-то радиоинженер, но мы работаем на стыке двух наук: физики и биологии. В наше время самые крупные открытия делаются как раз... Вы что-то хотите сказать, Муза Федоровна?

— Вспомнила! Когда свою специальность вы называли: то же самое говорил о себе Александр Яковлевич.

7. СУББОТА НАЧИНАЕТСЯ В ПОНЕДЕЛЬНИК

Элегантный портфель и чехол со складными удочками в одной руке, рюкзак со штормовкой и прочим рыбацким барахлом в другой — таким было появление Олега в вестибюле института. С одной стороны, сегодня можно было вообще не появляться в институте, а сразу махнуть на Истру, но с другой стороны... существует Государственная комиссия, которой принципиально плевать на рыбалку. Захотелось же ей назначить приемку блока «Дубль-дуб» именно на пятницу...

Пока Олег соображал, куда бы забросить барахло, из лифта вынырнул Сережка Маковец.

— Здорово! Ты долго будешь здесь торчать? Мы с ног сбились — его ищем, шеф психует, Людочка с Зоечкой тихо рыдают, а он — нате вам пожалуйста — прохлаждается. Тебе известно, что селектор опять не в дугу?

— Но мы же его вчера отладили...

— Что было вчера, я прекрасно помню, однако ты не знаешь, что есть сегодня. Меньше спать надо. Пошли.

В лаборатории царил тихий ужас. Вытащенный из стойки селектор зловеще поблескивал оголенными внутренностями, вокруг него на цыпочках суетились братья-электронщики Володя и Володя, на осциллографе неистово металась сбитые синусоиды, в углу притихли лаборантки Людочка и Зоечка, а над всем этим возвышался спокойный и грозный, как Наполеон накануне Ватерлоо, шеф.

— Добрый день, — недрогнувшим голосом произнес Олег.

— Вы, Олег Павлович, неисправимый оптимист, если вам этот день показался добрым. Вчера вы меня заверили, что установка в полном порядке, а что я вижу сегодня?

Шеф пожевал губами, поставил стул посреди комнаты и сел, всем своим видом показывая, что он возмущен и не уйдет отсюда до победного конца.

— Вам, Олег Павлович, как никому другому должно быть известно, что сроки приемки назначает Государственная комиссия, а не мы, и срывать эти сроки мы не имеем права, так как в противном случае с нас сорвут головы.

— Борис Львович, все это мне прекрасно известно. А поскольку я оптимист, то, уверяю вас, селектор заработает и приемка пройдет успешно.

Хотя Олега и раздражало присутствие за спиной шефа, он решительно снял пиджак, засучил рукава и склонился над блоком.

«До комиссии полтора часа, а так как барахлит только селектор, это еще полбеды. Придется все-таки заменить декатроны. Сколько раз просил снабженцев заказать декатроны, вот и остались на мели. Сейчас вот поставлю новые, а если они не выдержат во время испытания?».

— Серж, давай выход с генератора проверки.

— Уже давали.

— Давай еще...

Время шло, селектор не поддавался никаким уговорам. Олег смущенно поглядывал на часы: до начала комиссии час, сорок минут... Чтобы скрыть свое беспокойство, он с отверткой полез в схему, проверил контакты, пайки.

— А, черт!..— задергался Олег. Искры перед глазами, искры в глазах... Шестьсот вольт— не шутка, особенно когда это неожиданно.

— Коротнул?— выдохнул Сергей.

— Есть немного...— Олег потер шишку на затылке— крепко врезался об стойку. Сквозь табачный дым пробился резкий запах озона.

— Серж, меняй вот этот электролит, в смещении утечка.

В комнату ввалился Глеб, притащил катодник.

— Ну, что, братцы, припухает? Как шведы под Полтавой? Он грохнул катодник на стол и потрепал Сергея по согнутой спине.

— Замолкни, ты,— зашипел Олег.— Шеф...

— Где шеф?— изумился Глеб.— Он в данный момент несется во всю прыть к начальнику отдела, меня чуть не сшиб.

И действительно, шефа в комнате не было. Все облегченно вздохнули и сели покурить. Сергей оставил паяльник, достал «Яву».

— Олег, успокой нервы. Прорвемся.

— Теперь прорвемся,— ответил Олег, доставая из пачки сигарету.

— Сейчас проверим, все должно быть о'кей! Иначе переквалифицируюсь в управдомы.

Закурили, помолчали.

— Серж, а как рыбалка? Не раздумал?

— Плюнем на все и в 17.30 отчалим. Кстати, Олег, ты обеспечил червей?

— Ребята, каюсь. Не надо казнить, надо миловать. Совсем забыл. Честное слово, до последнего момента помнил, потом заторопился на электричку и...

— Так,— ледяным голосом произнес Сергей.— Что будем с ним делать?

— Изрубим его на мелкие кусочки и скормим рыбам вместо приманки,— предложил Глеб.

Олега спас телефонный звонок. Он взял трубку.

— Да, я слушаю, Борис Львович. Что? Но у нас почти все в порядке. Да, почти. Время еще есть. Как вы говорите? До понедельника? Но... Ясно.

— Могу вас обрадовать, сеньоры, рыбалка отменяется по техническим причинам. Комиссия переносится на понедельник, но... Нам предстоит провести субботу, а может и воскресенье в обществе селектора. У кого нет финансов на пропитание, шеф может ссудить до получки. Короче говоря,— закончил Олег,— мы находимся под арестом на служебном месте. Для нас, сеньоры, суббота начнется в понедельник.

— Но мы же почти все сделали,— возмутился Сергей.

— Шефа смутило именно это «почти». Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

8. ГЛАВА ОБ ОРАТОРСКОМ ИСКУССТВЕ

Вообще, Олег — мировой парень, но иногда бывает такая за누да! Возьмется во мне воспитывать то, чего самому не хватает — железную волю или там усидчивость... В воскресенье все вроде хорошо началось: приехал он из института, где всю субботу пропадад, пробежались мы до пруда, поныряли с мостика, Олег баттерфляй изобразил. Мне бы помолчать на обратном пути, а я, как дурак, стал с ним про здешнюю жизнь разговаривать. Он все слушал-слушал, а когда я рассказал, как мы с Женькой над Проней подхохмили, тут на него и накатило.

— Слушай,— говорит,— ты же сущий неандерталец. Из твоих междометий понять ничего невозможно. Только и слышу: «А он ка-ак повернется, а он — от него! А я — тоже тут, а он — в другую сторону! Во здóровский!». Порядок и причинность событий, даже основное содержание конфликта из этих бессвязных и безграмотных оборотов выяснить не представляется никакой возможности.

Я, конечно, обиделся. А Олега понесло...

— Культуру речи надо воспитывать с детства. Начнем сейчас же. Даю тебе пять минут на подготовку и три — на рассказ. Учти, пока не услышу от тебя связное и литературно грамотное повествование — пинг-понга от меня не ожидай.

— Да чего тут,— говорю,— рассказывать-то? Всего и делов...

— Не делов, а дел. Кроме того, будет значительно лучше, если ты исключишь необязательные вводные слова и обороты.

— А сам-то... Всю дорогу — «так сказать» да «так сказать»...
— Критику принимаю, моя речь тоже не изящна. Но что значит твоё «всю дорогу»?

— Ну, ты всегда, значит, в разговоре это говоришь.

— Говоришь в разговоре... Ну... Значит...

— Ты не к месту употребляешь это выражение.

— Чудесно! Итак, через пять минут я тебя выслушаю. Посиди на скамеечке, заодно обсохнешь.

Вот хохма! Пока я не подбирал для Олега слова, рассказывать было интересно. А тут... Я подошел к Олегу и выпалил:

— Я помог моему другу Евгению тайно заменить четвертинку водки, купленную Проней, бутылкой с лекарством, предназначенным ему.

— Плохо, очень плохо. Мало того, что пропали интересные подробности — из этой фразы невозможно установить, какое лекарство, от чего оно и какова была реакция Прони. Попробуй все сначала, примени знания правил русского языка, приобретенные в школе.

— Зная о пристрастии Прокофия Васильевича к спиртным напиткам, мы с Евгением, действуя в его же интересах, подменили водку лекарством. Выпив это лекарство, Проня обнаружил подмену, и, заподозрив нас, наблюдавших за ним из-за сарая, где он, то есть Проня, обычно пил не лекарство, а водку...

Я окончательно запутался и замолчал.

— Задаю наводящие вопросы. Проня лечится от алкоголизма?

— Откуда я знаю! Женька говорил, что дед ему говорил, что Проня скоро совсем по-другому заговорит, если будет облучаться.

— Ну и язык! Говорил, заговорит... Поистине, ты меня заговоришь. Наверное, не облучаться, а лечиться?

— Нет, облучаться! Александр Яковлевич его облучает. Мне Женька и про облучатель рассказывал. И Проню я после облучения видел, он нам с Женькой все рассказал.

— Что же он рассказал?

— Весь КОАПП рассказал! Передачу такую по радио, знаешь? Ну, прямо слово в слово, и за Кашалота, и за Стрекозу, там еще про фигурное глотание.

— Непонятно, причем здесь облучение? Наверное, у него память хорошая?

— Да нет! Ему всегда Женькин дед дает лекарство и облучает, а Проня тогда много-много запоминает. А так у него память плохая, он сам говорил.

— Но зачем ему, так сказать, детская передача?

— Ага! Сам — «так сказать», а ко мне придираешься? Не буду я ничего рассказывать, и воспитывать меня нечего, я ребенок, расту еще и не обязан знать про разных алкоголиков, это нелепо-логично...

Надулся я на Олега, иду, не разговариваю. Он тоже молчит. Молчал, молчал и не выдержал, начал подлизываться.

— Знаешь, Андрей, мы на рыбалку в понедельник собираемся, прямо с работы, поэтому я не могу тебя взять с собой. Может быть, ты сделаешь одолжение, накопишь червей? Ты ведь знаешь, где черви хорошие...

— Ладно, накопаю, — смиловился я. — У Евгения за сараем отличные черви, мы всегда там копаем.

А Олег опять меня стал выспрашивать:

— Андрей, а почему ты считаешь, что лекарство для Прони связано с облучением?

— Это не я так считаю, так Евгений говорит.

— Ясно. А как часто Проня получает лекарство?

— Не знаю... Вроде бы, каждый день.

— Так... хорошо.

И вижу, задумался Олег со страшной силой. Идет, запикается, на меня ноль внимания. Я опять обидеться хотел, а он говорит:

— Слушай, Андрей, а не могли бы вы с Женькой, то есть с Евгением, добыть мне этого лекарства? Хотя бы самую малость.

Я, конечно, удивился, вот дела, думаю.

— Достать можно, только если ты попросишь хорошенько и приставать не будешь со своим воспитанцем. Проня все равно его за сарай выливает. А зачем тебе оно?

— Надо, для одного дела.

Ну, дошел, думаю Олег. Также лечиться собирается...

10. СЕКРЕТ ПОЛОСАТОЙ КЕПКИ

Воскресенье. Благословенный день, если хоть половину его можно использовать в качестве выходного. Можно полностью отрешиться от будничных дел, что Олег не замедлил сделать. Покончив с воспитанием племянника, он вошел в сад, разнежился под солнышком на скамейке и стал глубоко дышать. Дышать тем несравненным ароматом летнего сада, на который в будни просто не хватает времени.

Может быть, Олег задумался, может быть, просто задремал, и долго ли это продолжалось — тоже не понял, словом, услышал он только конец разговора:

— Да нет, что вы, я не пью, увольте. А система эта навечно, вспомните еще Прокофия.

И Олег увидел Проню. Он стоял перед Музой Федоровной, вертел в руках газовый ключ и не решался взять зеленую трехрублевку, предназначавшуюся в вознаграждение за починку летнего душа.

Олег немедленно вмешался.

— Прокофий Васильевич, зачем же вы отказываетесь? Всякий труд требует материального стимулирования. Берите, не стесняйтесь.

А когда Проня смущенно сунул трехрублевку в карман, увлек его в дом.

— Не могли бы вы, Прокофий Васильевич, телевизор у меня посмотреть? Что-то картинки совсем нет.

Проня потоптался у порога, вытирая совершенно сухие ноги, и вошел за Олегом.

Старенький «Рекорд», предназначавшийся исключительно для дачи и не раз реставрированный Олегом, действительно был неисправен. Сестра, вытирая на днях пыль, сдвинула отклоняющую систему. Этим-то и решил воспользоваться Олег для налаживания дальнейших контактов с Проней. Как он и ожидал, неисправность не обескуражила Проню, как будто тому было безразлично, что отремонтировать — душ или телевизор.

Проня подождал пока телевизор прогреется, покрутил ручки настройки и уверенно ослабил хомуты отклоняющей системы. Через пять минут изображение встало на свое место, а Проня направился к двери.

— Куда же вы, Прокофий Васильевич! Так не годится, дорогой. Надо это дело оформить, а то работать не будет телевизор-то, а?

— Нет, я, пожалуй, пойду. Пустяки, да и не к чему вроде...

— Прокофий Васильевич, не обижай. Выпьем по маленькой, одному-то мне скучно...

Олег сам поразился, откуда у него взялся такой хлебосольный тон прожженного хозяйчика, и продолжал в том же духе. Он усадил Проню за стол, выбежал на кухню.

— Поговорить с тобой хочу, Прокофий Васильевич.— Олег поставил на стол графин и фужеры.

— Опять, что ли, гелий просить будешь?

— Нет, гелий я достал. Хотел я тебя про Александра Яковлевича спросить.— И не замечая, что Проня нахмурился, продолжал, наполнив фужеры.— Шеф мой, начальник то есть, хорошо его знает, просил привет передать и интересовался, как Александр Яковлевич поживает, чем сейчас занимается. Говорил мне шеф, что

несправедливо обошлись с ним, не поняли старика. Обижен, наверное, Александр Яковлевич?

— Это как сказать, ведь на обиженных богом не обижаются. Не замечаю я обиды у Алексан Яковлевича. Отдыхает он, цветочки выращивает, книжечки почитывает, с внуком возится. Так вот и проводит свой заслуженный отдых.

Проня вздохнул, отвел глаза.

— Ну, Прокофий Васильевич, давай выпьем наливочки самодельной, только-только поспела, свеженькая.

Олег усмехнулся про себя, видя, что Проня смотрит на фужер как кролик на удава.

— Вот выпью я с вами, как вас...

— Олег Павлович.

— ...Олег Павлович, а нельзя мне, вредно. Да и узнает сразу Александр Яковлевич, опять ругать будет...

— Да что ты, Прокофий Васильевич, вишневка только пользу приносит для здоровья.

— Так-то оно так, однако алкоголь в ней содержится. А он, как известно, отрицательно влияет на кору головного мозга в частности и в целом на организм.

Проня все же взял фужер, осторожно понюхал.

— А приятно пахнет, грех не выпить.—И тут же поставил на место. Злополучная кепка появилась в его руках. Он ее мял, скручивал, вроде бы собираясь уходить. «Не получилось,—подумал Олег.—А жаль».

Он молчал, понимая, что уговаривать Проню бесполезно, а начинать разговор о Рольберге не решался. Олег чувствовал, что из Прони сейчас не выжмешь ни слова об Александре Яковлевиче.

В это время Проня совершал какие-то непонятные манипуляции со своей кепкой. Олегу показалось, что он вытягивает из нее нитку. Впрочем, эта была не нитка.

Из кепки Проня вытянул метра полтора тонкого монтажного провода в белой хлорвиниловой изоляции с «крокодильчиком» на конце и, окинув взглядом комнату, спросил:

— Где у вас земля?

Олег слегка оторопел, тоже обвел взглядом комнату. Потом, сообразив, что Проня хочет еще раз проверить телевизор, он указал на трубу водяного отопления.

— Благодарю вас,—тихо сказал Проня и, поскоблив краску на трубе, зацелил за нее «крокодильчик».

Дальнейшее для Олега было совсем непонятным. Проня натянул на голову свою полосатую кепку, поправил ее и взял фужер.

— Ваше здоровье!— и так же, как это было с пивом, перелил содержимое в горло. Выдохнул и откусил огурец.

— Хорошо... А что же вы?

Олег опомнился и увидел, что все еще держит в руке фужер. Машинально выпил и торопливо налил себе и Проне. Теперь Проня не заставил себя уговаривать. Второй фужер он опустошил таким же приемом. После этого его потянуло на разговор.

— Вот вы, простите, что называю вас на вы, наверное, всякое обо мне думаете. Такой, мол, и сякой, пьет, понимаешь, делами темными занимается и вообще непутевый. А мне то и ладно, ну и пусть. Потому что я, может, великое дело делаю. Я знаю, ты хочешь у меня что-нибудь узнать. Только я ничего тебе не скажу, я и сам ничего не знаю. Вот ты просил у меня гелий, а я знаю, не нужен он тебе. И я тебе не нужен. Александр Яковлевич тебе нужен, вот кто. Это голова. Думаешь, почему я сразу не выпил? Меры предосторожности надо было принять. Вот и я принял. Заземлил свою бедную головушку, обманул святого человека — Алексан Яковлевича, ну и ладно, ну и выпил. Глядишь, и не узнает. Авось кепочка-то моя меня и спасет. А ты калей-ка, друг Василий, еще, я и выкушаю.

В голове Олега не стало яснее от того, что он выслушал этот монолог. Смесь подействовала не только на Проню. Впрочем, Олег еще соображал.

— А почему тебя кепочка твоя спасет?— в упор спросил он Проню.

— А я ее сам придумал. Фольгу тоненькую от шоколадок в нее наложил да проводочек вывел. Вот тебе и экранировка. Ты спросишь от чего? От Алексан Яковлевича экранировка. Чтоб он не знал — выпил я или нет... Вот в чем секрет. Как он узнаёт, я не знаю, да и не моего ума это дело. И не наливай ты мне больше, не могу я. Вот посижу немного, да побегу, как ровно двенадцать будет, он как раз журналы будет читать. Сиеста это у него называется.

Олег восхитился тем, что Проня предугадал все его намерения, но помимо восхищения существовали еще и вопросы, на которые он не получил вразумительных ответов. Впрочем, на что он мог рассчитывать, упавшая Проню.

— Прокофий Васильевич, что же такое с тобой творится? Выпить ты толком не можешь, в действиях своих ты не свободен. Чем ты привязан к Александру Яковлевичу? В долг у него берешь, что ли?

— Э-э, милый, я ему так должен, что всю жизнь помнить буду.

И ты про Алексан Яковлевича плохо и думать не смей. Прощай пока.

Проня отцепил провод от батареи, уложил его в кепку и тихо вышел. Олегу оставалось хлопать глазами. И этот контакт не удался.

11. «ДУБЛЬ-ДУБ» В ДЕЙСТВИИ

«Наконец это свершилось. После дней волнений и переживаний». Так пишут в романах. В жизни это не так. Никто не замечал проходящих дней, не было волнений и переживаний. Была работа и некоторый психоз. И была еще Государственная комиссия. Комиссия принимала «Дубль-дуб».

...Олег сидел, привалившись к стене, прикрыв глаза и почти не слушая шефа. Все, о чем тот говорил, Олег себя прекрасно представлял словно наяву.

— ...в его основу заложен эффект Зиннемана—Холина, заключающийся в том, что...

...Пять лет назад, когда Олег пришел в институт с новеньким дипломом, он не знал, что ему придется заниматься не только логическими схемами. О моделировании процессов в ДНК шли лишь общие разговоры. Потом эти разговоры оформились в идею, которая, правда, так никому и не понадобилась. Внезапно открылось новое направление. Впрочем, тоже не внезапно, поскольку работа над повышением емкости хранилищ информации продолжалась свыше года...

— ...возможность считывания информации непосредственно с молекулярных ячеек памяти не ограничивается одной стороной. Поскольку мы имеем доступ к информации на молекулярном уровне...

...Волнение шефа можно оправдать — он докладывает плоды трехлетней работы всей лаборатории, однако достоверности пока маловато. Может, и не стоило так спешить, хотя... срок работы истек.

Шеф обожал независимость абсолютно во всех вопросах, поэтому и пришлось Олегу два года назад стажироваться по нескольким институтам и клиникам. Об этом он тоже не подозревал, придя по назначению в этот НИИ. Микробиология, нейрохирургия, анатомия животных наконец. Из всех этих наук Олег черпал самое что ни на есть практические навыки. Он препарировал червей, вскрывал черепа лягушек, белых мышей, кроликов...

В конце концов новоявленный «хирург» научился довольно сносно оголять определенные участки мозга, вживлять электроды.

Сейчас Олег даже удивляется, как у него хватило терпения копать в этом. Хорошо, что шеф с самого начала объяснил Олегу конечную цель его занятий.

— ...очень слабые потенциалы поступают на вход нелинейного усилителя. Немалая проблема состояла в том, чтобы избавиться от собственных шумов, связанных с деятельностью других отделов мозга. Узкополосный частотный фильтр на криотронах только частично разрешал эту проблему...

...«Частично». Скругляет углы шеф. Усиливает значимость работы. Что ж, перед Госкомиссией это не вредно. Авось на премию вытянем. Если бы он еще упомянул о том, как мы возились с блоками выхода...

— ...К отчету приложены также отзывы: доктора физико-математических наук, профессора И. П. Замойского и доктора биологических наук С. М. Тарасова. Если у членов комиссии нет вопросов по докладу, можно перейти к демонстрации.

При этих словах Олег астрепенулся: демонстрировать-то ему. «Ну, милая, не подведи!»

Олег достал из клетки белую мышь, погладил ее — спокойно, Альба, спокойно! — укрепил в станочке, подключил электроды. Блок уже прогревался, можно было давать высокое.

Все действия Олега были заученно-автоматическими:

Щелк! — включен усилитель.

Щелк! щелк! — фильтры и осциллоскоп.

Щелк! — звуковой выход.

Щелк! — видеоконтроль.

Еще минута на стабилизацию — и экран засветился, по нему забегали смутные тени. Олег медленно повел ручкой верньера, изображение прояснилось, из динамика послышался характерный шум.

Олег знал, что будет потом, до мельчайших подробностей, но все-таки напряженно всматривался в экран. Краем глаза он заметил, как члены комиссии встали со своих мест и окружили установку. Ближе всех протиснулся молодой профессор, кажется, из института биоинформации.

Из динамика послышались звуки шагов, и Олег увидел на экране свое лицо. «Альба, Альбочка, кушать пора!», и тотчас же раздался звонок. Весь экран заслонила кормушка. Изображение задержалось, потом пропало. Опять звуки шагов, голос Олега, звонок, и изображения пошли в той же последовательности.

— ...это необходимо для чистоты эксперимента,— услышал Олег голос шефа.

Подошла Людочка в белом халате и залепила глаза и уши Альбы лейкопластырем. Олег нажал кнопку «Сброс», затем «Пуск», и все повторилось.

Он не вслушивался, о чем приглушенно говорили члены комиссии, он думал только о декатронах, лишь бы они выдержали. Он даже слегка уменьшил напряжение, но стали вдруг выпадать кадры, и от этого варианта пришлось отказаться.

Наконец, демонстрацию можно было закончить. Олег все выключил и освободил Альбу.

— Простите,— раздался вкрадчиво-умиленный голос (Людковский, нейрофизиолог, отметил про себя Олег),— проводились ли испытания установки на низших животных? На беспозвоночных, например...

— На первой стадии разработки. Мы использовали для этой цели червей планарий.

— Интересно, как выглядела в таком случае извлеченная информация?

— Могу вас заверить, Григорий Соломонович, что таких впечатляющих результатов не было. Мы даже решили, что выбрали неверный путь. Впрочем, можно это продемонстрировать. Олег Павлович, в препараторской, кажется, сохранились еще планарии!..

Чертыхаясь, Олег кинулся в препараторскую и с ходу налетел на свой рюкзак. «А чем хуже наши простые дождевые черви!» В душе благодарный племяннику, он выбрал из баночки самого жирного червя. «Как на пескряя». Привычно зажал в штативе, подвел под микроскоп, вонзил в червя микронные платиновые иглы-электроды и торжественно вернулся к установке.

Комиссия оживлено обсуждала результаты, на Олега никто не обратил внимания. Он быстренько подключил электроды к блоку, опять — щелк, щелк, щелк,— экран не светился, динамики молчали. Для очистки совести Олег подстроил преобразователь дал максимальное усиление...

Из динамика послышались неясные, булькающие звуки, будто выливалась жидкость. Потом что-то или кто-то прокашлялся и... Олег не поверил своим ушам.

— Каждая формула эквивалентна некоторой предваренной формуле, если верить теореме Эрбрана—Генцена...— донесся до Олега сквозь ритмичное потрескивание знакомый голос.

Олег слегка оторопел, кинулся к усилителю, крутанул потенциометр на видеоконтроле — экран по-прежнему был темным, убав-

вил напряжение. А в динамике невозмутимый голос Прони ворчливо бубнил:

— Каждая формула эквивалентна...

Потом Олег никак не мог восстановить в памяти последовательность событий. Запомнилась рука шефа, нервно вырубаящая высокое напряжение, недоуменно улыбающиеся лица членов комиссии, широко открытые глаза Люды и ехидный голос Люндовского: «Ваши планы уже за логику принялись?».

К счастью, члены комиссии ценили юмор и приняли происшедшее за шутку. Свои тоже поняли это как шутку, правда, довольно неумную и неуместную. Олег не стал никого разубеждать, поскольку ему еще самому предстояло разобраться в этом фокусе.

12. «Я ЦАРЬ — Я ЧЕРВЬ!»

Речь младшего научного сотрудника О. П. Крамова на минибанкете по случаю приема Госкомиссией системы «Дубль-дуб».

Уважаемый Борис Львович, дорогие коллеги и коллегиш!

Не стану повторять те в высшей степени справедливые слова, которые были произнесены предыдущими ораторами и ораторшами, (Реплика с места: Крамов, не растекайся мыслью по древу!) Я лишь вкратце остановлюсь на некоторых философских аспектах данного эксперимента. (Одобрительные звуки: у-у-у!)

Мы — практики. Изящной дубинкой эксперимента поверяем мы крепость дерзких вопрошений человеческого духа. «Cogito ergo sum!» — блестящее воплощение априорного отношения к разуму. Разум! Нет ничего могущественнее его. (Женский голос с места: А любовь?)

— Вопрос поставлен некорректно, поэтому оставляю за собой право прояснить его в личной беседе где-нибудь в парке под аккомпанемент соловья. (Смех, оживление.)

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!

Так сказал старик Державин еще в восемнадцатом веке. С тех пор мы жутко поумнели, а заодно научились с неиссякаемым юмором относиться к забавнейшему из имеющихся в распоряжении человека орудий — собственной голове. Заметьте, еще никто и

никогда не жаловался на то, что он не умен. Легко признаются во множестве недостатков — сердцебиениях и колотье под ложечкой, охотно обсуждают животрепещущие вопросы облысения и зубной боли. Зато насчет своего мозга каждый глубоко убежден, что уж там-то все в порядке. Лишь изредка посетуют на плохую память, не связывая это, однако, с тем, как вообще варит котелок. (Мрачный голос с места: Ну, у тебя-то котелок варит! — Смах.)

Оглушать свой мозг алкоголем, угнетать его никотином — у нас в порядке вещей. (Голос с места: Олег, это уже ханжество!) О, конечно, всем известны эти прописные истины! Но каждый уверен, что его они не касаются, что его-то любимый мозг с честью выйдет из любой передраги. Ваш покорный слуга в этом смысле не исключение. И даже позволяет себе подпавать какого-нибудь полутемного Проню в надежде, что мозг последнего выдаст хранящуюся в нем информацию. (С места: Это ты о чем?)

— Ладно, замнем для ясности. (Женский голос: Кончай выступать!)

— Наш любимый «Дубль-дуб», за который я с большим чувством поднимаю эту маленькую мензурку, — инструмент в высшей степени объективный и беспристрастный. Но он — аппарат бескрылый. (Реплика: Он не аэроплан! — Здоровый смех.) «Дубль-дуб» показал лишь то, о чем мы догадывались, что мы знали и до него. Он извлек и продемонстрировал имеющуюся информацию, а нам гораздо важнее информацию вложить. (Голос с места: Крамов, если ты через минуту не закруглишься, мы тебе вложим.)

Резюмирую. Лишь несовершенные способы введения информации тормозят поточное производство эрудитов и гениев. Дайте мне информацию, и я переверну мир! (Пьет из мензурки, Вежливые хлопки).

Речь следующего оратора начинается словами: — Достопочтенный Олег Павлович развернул перед нами головокружительную картину превращения червя последовательно в раба, царя и бога...

О. П. Крамов с места: — А если в него заложить информацию? (Женская рука закрывает ему рот. О. П. Крамов, как галантный кавалер, целует ладонь.)

13. СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Полчаса прогулки взад и вперед по платформе в ожидании последней электрички пошли Олегу на пользу. Теперь он был в состоянии обдумать события минувшего дня.

Конечно, на первом плане была не приемка блока «Дубль-дуб». Олег пока никак не мог себе объяснить, что же произошло в конце испытаний. Почему вдруг обычный дождевой червяк выдал такую нелепую, неизвестно откуда взявшуюся информацию и именно голосом Прони. Этот вопрос несколько испортил приятные воспоминания о прогулке с Людочкой.

— «Ну, вспомним. Я пошел в препараторскую, наткнулся на рюкзак. В нем, помимо прочего, были черви, заготовленные Андреем для рыбалки... Стоп! Андрей... Где он копал червей? Кажется, он говорил, что...»

В этот момент подошла электричка. Пассажиров в вагоне было очень мало. «Редкий случай» — отметил Олег, удобно устраиваясь на сидении. Ждать пришлось недолго, электричка вскоре двинулась.

«...кажется, Андрей говорил, что червей они с Женькой, то есть с Евгением, накопили за сараем. Туда же Проня выливает лекарство, которое дает ему Рольберг. О Рольберге я уже кое-что знаю. Вычислители говорили, что его «ушли» на пенсию из академического института. Шеф тоже небольшую справочку дал. Но при чем здесь черви? Излюбленная присказка Прони: «Каждая формула эквивалентна...» — причем?».

Вагон плавно покачивался, электричка шла не со всеми остановками. Олег посмотрел на часы: без четверти два. «Скоро буду в Мамоновке. Конечно, лучше бы остаться в Москве, да ключи как на зло не взял. И на рыбалку опять не поехали. Впрочем, какая уж тут рыбалка...»

Голова пухла от множества несовместимых фактов. Чертовски хотелось спать. Чтобы не заснуть, Олег уставился в черное окно, пытаясь рассмотреть, что за ним мелькает. Мешал ярко горящий плафон освещения. Он отражал в стекле и магически приковывал взгляд Олега. Светился плафон...

...Светился экран телевизора. Вот на нем появились белые мыши с красными глазами. Они скалились в улыбке, трясли лапками и вытягивали из своих черепов электроды. Потом они исчезли и появился Проня. Он со злоеющей ухмылкой грозил кому-то кулаком.

— Хрен ты возьмешь мою информацию. Нос не дорос...

Проню сменил профессор Люндовский.

— Съедят вас червячки, молодой человек, обязательно съедят. Им безразлично, дворник вы или ученый...

Профессор хотел сказать что-то еще, но подошла Людочка в белом халате, залепила ему глаза и рот лейкопластырем и ловко посадила в клетку.

— Не обращай на них внимания, Олег. Это все муть.

Она ослепительно улыбнулась. Едва Олег успел подумать, как похожа Людочка на ренуаровскую «Купальщицу», как она превратилась в сурового хозяина дома 10. Александр Яковлевич Рольберг скреб свою волосатую грудь и скучно ругался:

— Послушайте, начинающий алкоголик, я вас заставлю чистить мой нужник, если будете спавать Прокофия. Он святой человек, он подопытный...

Он протянул из экрана руки, схватил Олега за плечи и стал сильно трясти...

— Проснись, парень! Вставай, приехали, а то в депо увезут.

Сон слетел с Олега. Ничего не понимая, он вскочил, кинулся к выходу из вагона.

— Где мы?— успел спросить он выходящего мужчину.

— Как где? в Александровке.

Олег вздохнул и поплелся в пропахший чем-то специфически железнодорожным станционный зал ожидания.

14. СТИМУЛ ДЛЯ ВЫРАБОТКИ РНК

Скукота зевотная в нашей Мамоновке. Но приходится деда уваживать. Даже не знаю, чего мне хочется. Развлекаюсь на свое усмотрение. Второй том Фейнмана дед у меня отобрал, сказал — не надо форсировать. Сегодня интересней — дурочку взрослых. Андреев дядя соблаговолил сыграть со мной. «Учись, мой мальчик, пока я жив». Как, однако, наивны эти взрослые! С умным видом проиграл мне партию, а потом сделал вид, что поддался.

Вторую партию я ему подарил. Как же он напыжился! Будто у гроссмейстера выиграл. И тут же — назидательный тон: «Учись, мой мальчик, у тебя все впереди».

Ну, я ему и показал. Правда, мне кажется, он что-то заподозрил. Завел разговор обо мне сначала, потом на деда перешел. Мол, слышал о нем, знаменитый ученый, внук, то бишь я, тоже в него пошел, такой маленький, а уж смысленный. Смехота, так и сказал — «смысленный».

Я, конечно, смиренно сидел и головкой кивал ему. Дескать, правда ваша, дяденька, талантливый я в дедушку. Слушал, слушал я его, а потом и ляпнул — не хватает у вас, дядя Олег, стимуляции для выработки рибонуклеиновой кислоты в нейронах мозга. Поэтому и мыслите вы примитивно.

Нет, челюсть у него не отвалилась, как пишут в книгах. Просто он сидел и мотал головой минуты три. Думаю, сбой у него про-

изшел в переработке такой информации. И я, как ни в чем не бывало, сижу и в носу ковыряю.

Пришел он в себя и начал мне всякие каверзные вопросы задавать. Откуда я все это знаю, помогает ли мне дедушка.

— Нет,— говорю,— дядя Олег, я сказки русские народные люблю, оттуда и мудрость черпаю.

Смотрю, совсем ошалел дядя. Тогда я еще добавил:

— Читайте по этому вопросу работы Мак-Каллока.

Покраснел дядя Олег, ненатурально засмеялся и говорит:

— Шутник ты, Женя.

А я ему:

— Не Женя, а Евгений меня зовут. Ев-гений. А шутник не я, а мой дедушка. Он меня всяким шуткам учит, чтобы я взрослых разыгрывал. Хотите, я вам что-нибудь из математической физики расскажу? Хотя вы это тоже, наверное, знаете... Вот взяли бы меня на рыбалку с ночевкой, я бы рассказал что-нибудь интересное, чего вы наверняка не знаете.

— Как же, обязательно возьму,— отвечает дядя Олег.— Только тебя дедушка не отпустит, наверное?

Тут-то я и заскучал. Дед у меня конечно, мировой, да уж слишком надо мной трясется. «Евгений, об одном тебя прошу: гуляй в радиусе километра от дома, не далее»... Андрюха и в лес, и на базар за клубникой, а тут сиди как на цепи. Информация, конечно, штука забавная, да надоела она до ужаса. Эх, вот бы у костра посидеть да в палатке лежать ночью, и разговаривать обыкновенно, без словечек разных ученых! И чтоб картошку печь, и уху варить в таком черном-черном котелке, и идти по лесу с рюкзаком...

— Дядя Олег, а вы не можете дедушку попросить, чтобы он пустил меня с вами?

— Гм... Боюсь, что это бесполезно.

Конечно, все взрослые всегда чуть что — в кусты. Выкручивайся сам, как сможешь. Вдохнул я тихонечко, улыбнулся так вежливенько:

— До свидания, дядя Олег. Меня ждут великие дела.

И пошел играть с Андреем в пинг-понг.

15. РИМСКОЕ ПРАВО

Одно из двух: или я обалдел, или Рольберг — один, без всяких помощников! — на десяток лет опередил современную науку о процессах, происходящих в мозге. Кто сказал, что миновал век

ученых-одиночек? Свидетельствую: передовой в этой области институт топчется где-то на дальних подступах к изучению механизма накопления и переработки информации, в то время как мой дачный сосед... Еще и в самых смелых предположениях никто не заходит так далеко, как Рольберг в деле. Доказательства? Они налицо — Проня, Евгений, червяк тот ученый... Хотя, разве есть у червяка мозг? Неважно, что нет, зато есть клетки! Значит, Рольберг умеет передавать информацию непосредственно в клетки и закреплять ее в них.

Любой прохожий обязан снять перед вами шляпу, если найдет-ся идиот, напавший на такой душный вечер. Вы гений, Александр Яковлевич. Впрочем, вы это знаете. Именно вы — гений, а не ваш хамоватый Евгений. Ваши труды невообразимо изменяют род человеческий и, как следствие, окружающую человека природу. И это вы тоже, безусловно, знаете.

Долой школы, техникумы, институты! Проня, морщась, пьет из пробирки и становится под облучение. Сколько-то минут — и он готов сдавать экзамен по японскому языку. Завтра он приобретает дополнительно к профессии водопроводчика фундаментальные знания по физике твердого тела, а послезавтра станет авторитетом в области иконографии Наполеона. Вполне возможная картинка, если учесть, что сейчас ресурсы мозга у самых высокообразованных людей используются всего-навсего процентов на двадцать.

Но позвольте, о гениальный ученый, почему вы творите таким кустарным способом? Испытывая огромные затруднения и великое множество досадных помех вроде упрямого Прони и меня, грешного, ненароком смазывающих чистоту эксперимента? Иль, может быть, ваш гордый дух ко гласу восхищенья глух?

Фу ты, дьяволищина, я уже начал стихами выражаться! Спокойнее, менеэс Крамов, больше критики, анализа, меньше высокопарных слов.

Итак, мы имеем на сегодняшний день научно-технический нонсенс, аномалию. Совершенно некое эпохальное — не боюсь этого слова — открытие. Сделано это открытие, как ни странно, одиночкой. И этот человек, судя по всему, отнюдь не стремится афишировать свою работу. Так сказать, сделать ее достоянием научных кругов и широкой общественности. Почему?

Возможно, исследование не доведено до конца и требует окончательной шлифовки. Не исключено, что Рольберг желает, так сказать, монопольно срывать плоды. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов третий вариант, совсем уж криминальный...

Не знаю, как там обстоит дело с правовой точки зрения, но по всем законам морали глубокоуважаемый А. Я. Рольберг, к со-

жалению, поступает неправильно. Может, но не хочет семью хлебами с рыбой накормить голодающих. Мессия так не поступал! Каждому выделил он по бутерброду, и страждущие за то благословили неоскудевающую руку дающего. Вот как поступали настоящие люди даже в отсталые библейские времена, не взирая на последующую черную неблагодарность вроде распятия на неотлакированных досках.

Серьезно, Александр Яковлевич, ведь сейчас потребность в легкоусвояемой информации ничуть не меньше, чем в хлебе насущном.

Как бы глубока ни была обида на коллег, может быть, слишком нетактично предлагавших Рольбергу уйти на пенсию... Что ж, вы доказали свою правоту!.. Впрочем, я ничего толком об этом не знаю. Отчего не предположить, что глубоко обиженный профессор желает взять блистательный реванш? И стремится натянуть такой грандиозный нос кому-то из своих научных недоброжелателей, что это заслонило от него более важные соображения?

Если продолжить библейскую аналогию, надо бы мне подобно Понтию Пилату умыть руки и предоставить истории развиваться своим естественным ходом. В самом деле, Олег Павлович, не имеете вы никакого римского права шпионить за заслуженным профессором, в свое удовольствие пользующегося заслуженным отдыхом. Вас привлекают запахи, доносящиеся с его кухни? Нюхайте на здоровье, но держите свой любопытный нос подальше от двери, а то ведь его могут ненароком и прищемить! Кстати, молодой человек, вы, вроде бы, имеете какое-то отношение к работам примерно в той же области науки? Ах, как некрасиво получается! Уж не собираетесь ли вы, pardon, спереть готовенькое и переложить его на блюдечко с золотой каемочкой в качестве своего скромного дара человечеству?

Давай без трепаса: уж слишком серьезная штука то, что сделал Рольберг. Он, как ребенок, тешится своей игрушкой. Но ведь и Проня и Евгений контактируют с десятками людей, их необычность бросается в глаза. Что если открытие попадет, так сказать, в добрые руки?

Страшно подумать...

Что же делать? Как убедить Рольберга работать в институте? Трудно. Ведь он делает гения из своего внука. Кстати, наверное, неспроста у мальчика такое имя — Ев-гений..

Изобретения должны принадлежать народу! Да, но ведь Рольберг официально не регистрировал его. Значит, и государственное право на него не распространяется.

С кем посоветоваться? С шефом? Ну уж нет! Шеф, пока своими глазами не увидит, пока не «пощупает» Проню и Евгения, не поверит.

Обратиться в МВД? Попросить, чтобы на всякий случай незаметно охраняли?

Думай, Олег, думай, ты не имеешь никакого римского права не найти выход из этого положения!

16. ЛЕКАРСТВО ДЛЯ «НЕНОРМАЛЬНЫХ»

— Разрешите войти?

— Да, да, прошу.

— Владимир Николаевич, у меня без вашей подписи не принимают заказ, а он очень срочный.

— Но вам же известно, Олег Павлович, что заказы подписывает начальник лаборатории, а не начальник отдела.

— Да, конечно. Но мне надо вне очереди, а как раз это без вашей подписи не сделают.

— К чему такая спешка?

— Понимаете, этот препарат не нашего производства, мне его достали... в институте молекулярной биологии. И долго храниться он не может.

— Ну, хорошо, но только в виде исключения. Крайне неприятно бывает начальнику лаборатории, когда даются указания через его голову, ведь так? Представьте себе, что вам... Я вижу, вы меня поняли. Давайте сюда бланк, подпишу.

День начался с беготни. Оправдывалось бытующее мнение, что «младшего научного сотрудника ноги кормят». Вчера Андрей принес «лекарство», которым Рольберг потчует Проню, и сегодня была надежда точно определить, что это за «лекарство». Ведь, как утверждал Евгений, «лекарство» предназначено для «ненормальных», то есть заурядных людей, не гениев. Олег хорошо знал многие биохимические препараты для стимуляции центральной нервной системы. Было ли что существенно новое в «лекарстве» Рольберга? К концу дня аналитики обещали выдать результаты.

— Олег, ты что сегодня такой грустный?

Это Людочка. Такое уж у нее очаровательное свойство — отрывать Олега от дела в самый неподходящий момент.

— Я не грустный, я — со-сре-до-точенный.

Олег как раз собирался испробовать на вкус остатки «лекарства для ненормальных». Отчего-то было у него такое чувство, что этим он внесет существенный вклад в разгадку тайны Рольберга.

— Нет, я вижу, ты чем-то расстроен.

— Людочка, уверяю...

— У тебя это буквально написано на лбу. Но раз ты предпочитаешь скрывать — лучше молчи. Привет!

И она, неподражаемо дернув плечиком, скрылась за несгораемым шкафом. Олег, провожая ее взглядом, почувствовал вдруг настоятельную потребность подвергнуть свое нынешнее состояние психоанализу.

«Она такая чуткая! Я со своей толстокожестью сам не отдаю себе отчета в собственном состоянии. Определенно, эти рольберговские штучки выбили меня из привычной колеи. Людочка права: у меня, наверное, начинает проявляться мания преследования и комплекс неполноценности. Преследования — потому что противозаконно слежу за домом профессора, неполноценность — от сознания интеллектуального превосходства сопливого мальчишки».

Научная организация труда пока еще только пробивает себе дорогу в научно-исследовательские институты. Олег в этот день едва ли мог бы похвастать достижениями во внедрении НОТ на своем рабочем месте. Он неприкаянно слонялся между аналитической и закутком, где возилась с мышами Людочка. По дороге то ли туда, то ли обратно удачно парировал попытку электронщиков впрячь его в «саморазваливающуюся телегу», как окрестил шеф капризную лабораторную ЭВМ. Однако абсолютной свободы, как известно, не существует: профорг Володька-маленький подsunул-таки стенгазету.

— Родимый, только заголовочки! Неужели тебя не вдохновляет эта бордовая гуашь?..

Олег похорился и даже нарисовал сверх плана почтовый ящик внизу последней колонки, дескать, ждем ваших писем. Потом решил и разом проглотил остатки «лекарства».

Не сладко, не горько. Чуть кислотовато, пожалуй, да еще — показалось — немножко маслянисто. Олег заперся в фотолаборатории, сел в скрипнувшее всеми пружинами кожаное кресло, лет двадцать назад списанное из приличного кабинета, и сосредоточился на внутренних ощущениях.

Ощущения были все те же. В голову лезло вперемежку все, что угодно.

«Балда, надо было продумать методику испытаний, — спохватился Олег. — Попробовать запоминание, что ли?»

Как назло, под рукой не оказалось ни одной книги. Пришлось сбегать в библиотеку.

«Предварять, предварить кого чѣмъ, упреждать, предупредить сдѣлать что прежде, ранѣе другого, успѣть напередъ...» И далее — огромный абзац текста.

Олег закрыл Даля и попытался вспомнить всю статью. Дальше первой строки да еще нескольких слов дело не пошло.

«А чего ты хотел? Рольберг еще и облучением каким-то воздействует одновременно. Скорее всего, именно это облучение несет информацию, а «лекарство» — что-то вроде проявителя-закрепителя. Только так! Химизм клеток мозга — и не только мозга — тесно связан с игрой биотоков. Любое колебание биотоков обусловлено незначительным изменением химического состава клетки. Наверное, возможна и обратная связь. Конечно, возможна, ничем другим не объяснишь случаев телепатии! Стоп, стоп... Ну да, отчасти из-за взглядов на телепатию и «ушли» Рольберга.

Все выстроилось в стройную систему, каждый факт получил строгое истолкование. Проня: непривычные знания, чуждые ему, его пугают. Потому всеми способами отлынивает от опытов. Евгений: блестящая удача Рольберга, правда, если учитывать лишь одну сторону, закрывая глаза на неправильное нравственное развитие ребенка. Наконец, черви, обретшие голос! Очень просто: Проня полил их «лекарством», а затем они попали в зону действия облучения. Нейроны их клеток угодились высокочастотному каскаду радиоприемника, стали способны «принять» модулированную информацию. А наведенное поле прочно «записалось» в клетках, словно на ферромагнитной ленте. Вся разница в том, что клетки мозга способны «выдать» полученную таким способом информацию, ну а червь за отсутствием сознания проявит приобретенные «способности» разве что в такой ситуации, какая сложилась при испытаниях системы «Дубль-дуб».

— Крамов, вас уже не интересуют результаты анализа? — официальным голосом сообщила Людочка из-за двери.

— Спасибо, Людочка, бегу!

Аналитики работнули! Ни в какие бланки отчетности результаты не втискивались, и потому Олегу вручили два листка, исписанных бисерным почерком завлаба.

Вопреки обычаю структурная формула в начале анализа отсутствовала. Шло перечисление чуть ли не половины элементов Менделеевской таблицы и их соотношение с точностью до сотых процента. Потом — осторожные домыслы: «соединения типа высших жиров... образования, напоминающие аминокислоты... не представляется возможным достаточно уверенно классифицировать... микроструктурный анализ затруднен ввиду наложения сложного фона» и так далее.

— Пал Егорыч, — взмолился Олег, — мне крайне важны именно структуры, а вы, как нарочно...

Завлаб оторвал взор от пухлой папки отчетности:

— Как вы считаете, бог есть?

— Нет.

— И даже если бы был, по этому образцу он вам не сказал бы больше, чем мы. Тащите еще, если вам нас не жалко.

— Сколько надо? Еще бутылку?

— Еще бочку, а лучше цистерну.

— Шутите...

— Это вы шутите! Явно биолого-медицинский препарат, кто-то изготовил — отчего не спросить их, как да из чего? Нет, вам подайте обратным порядком, расшифруйте ему головоломку, да еще по возможности сегодня!

— Пять-шесть докторских диссертаций можно защитить на таком анализе. Если, конечно, вещество того стоит. А?

Олег сделал вид, что не слышал этого «А?»

17. ЕЩЕ ЗВЕНИТ В РОЯЛЕ КАЖДАЯ СТРУНА

С древнейших времен замечено существование в подлунном мире закона подлости. К примеру, если падает бутерброд — шлепнется на пол именно намазанной стороной. Неделями без перерыва может стоять упорная летняя погода, но как только истосковавшийся в институтских стенах младший научный сотрудник урвет пару деньков отгула — непременно зарядит дождь.

Собственно, дождя не было, но все небо затянуло плотной серой пеленой. Нина на веранде делилась с Музой Федоровной обидами на неустроенную жизнь жены геолога, по полгода шлепающего медвежьими лапками в нестираных носках. Доносился также приторный запах закипающего клубничного варенья, густо замешанный на керосине. Из этого Олег заключил, что запас баллончиков с газом иссяк. Не миновать ему дополнительного огорчения в виде часовой очереди у Казанского вокзала.

Нет лучшей маскировки для тайного наблюдателя за объектом, чем утренняя физзарядка. Олег со свистом выбросил вперед правую руку, утяжеленную трехкилограммовой гантелью, и та увлекла его в заросли у заборчика.

«Для моих коленок вреден юмористический образ мышления», — уговаривал себя Олег, пытаясь сдержать внутренний хохот.

Картина, открывшаяся его глазам по ту сторону забора, и впрямь была своеобразной. От телевизионной антенны, укрепленной на коньке крыши дома № 10, лучами расходились по скату рояльные струны. Проня, привязанный веревкой к дымовой трубе,

балансируя по самому краю крыши. Он заботливо расправлял шелестевшие и скрежетавшие на оцинкованном железе струны.

— Проверь слева, Проня! Везде не более пятнадцати сантиметров!— кричал откуда-то из-за угла Рольберг.

— Будьте уверены, Алексан Яклич,— возбужденно отзывался Проня.— Глаз — ватерпас. В лучшем виде заземлим, не впервой...

Олег побежал по тропинке вдоль забора, усиленно имитируя дыхание загнанной лошади. На обратном пути удалось разглядеть спину Рольберга. Профессор сидел на низком складном стульчике и, по всей вероятности, прикручивал где-то у самой земли струну, свисавшую с крыши.

— Алексан Яклич, я сейчас сам все приделаю, уже слажу,— прокричал Проня.— Натяг настоящий должен быть, воротком тут надо...

Перехватываясь руками за веревку, Проня круто полез вверх по крыше. Потом снова пошел к краю, но теперь он держался за веревку лишь одной рукой. В другой руке у него были концы струн, отцепленные от антенны. Дойдя до конца ската, он крикнул: «Поберегись!» и выпустил концы струн.

«Рационализаторская мысль в действии,— восхитился Олег.— Затащил разом все наверх, там закрепил, теперь осталось внизу. И не нужен помощник, который подавал бы снизу струны по мере того, как Проня закрепляет их наверху».

Через некоторое время обращенная к Олегу стена дома № 10 стала похожа на гигантскую арфу. Видимо, Проня не чурался эстетических удовольствий и время от времени проверял натяжение струн. Тогда раздавался звук — то благородно-басовитый, то высокий, фальшиво дребезжащий.

«Интересно, числится ли среди освоенных многогранным Прокофием Васильевичем профессия настройщика? Но, черт побери, с какой стати Рольберг сделал из собственного дома эту самую Золую арфу?»

Загадки, преподносимые Рольбергом, множились на глазах. Олег безнадежно вздохнул.

«Вернемся, так сказать, к нашим баранам. Тем более что специально для их стрижки взят двухдневный отгул».

18. ИЩУ РЕЦЕНЗЕНТА...

«Что бы ни делалось, все к лучшему», — эта аксиома, очень редко подтверждающаяся в практике, обрела для Олега практические контуры. Случилось невероятное. Одному «толстому» журналу понадобилась научно-популярная статья о последних достижениях биокibernетики. Просителя постепенно спихивали сверху вниз — от заместителя директора по научной работе, заведующего отделом и далее — до младшего научного сотрудника О. П. Крамова. Ниже инстанций уже не было. Оптимистическое мировоззрение Олега и в этом углядело рациональное зерно — журнал неплохо платил.

Санкции сверху были получены: писать только о несуществующем и невозможном. Пришлось привлечь редко используемый фантастический элемент. Получилось что-то вроде бойкой «сайенс истории».

Дело в том, что помимо статьи «толстый» журнал нуждался в солидной сопроводительке, т. е. в небольшой рецензии маститого ученого. В роли последнего Олег решил использовать А. Я. Рольберга. Конечно, в случае, если тот согласится на роль рецензента. Именно в этом и состояла вся сложность.

Пером Олег владел довольно бойко, и через день статья была готова, отпечатана в трех экземплярах. Наступал самый трудный этап...

Олег долго репетировал свою убедительную речь перед Александром Яковлевичем, вполне отдавая себе отчет, что ему предстоит штурмовать по крайней мере Измаил. «Веди меня, тень великого Суворова», — подмигнул он зеркалу на прощанье.

«Взятие Измаила» началось на кухне дома № 10.

Первый выстрел:

— Александр Яковлевич, вы должны меня выслушать.

— Да, да — рассеянно ответил противник.

— Может быть, вам это покажется странным, но я очень нуждаюсь в вашей помощи.

Недолет.

— Простите, я вас не понимаю, уважаемый...

— Олег Павлович.

— Да, да...

— Не стану скрывать, моя повседневная работа тесно сопрягается с той областью, в которой когда-то вы были, и я уверен, что и сейчас являетесь немалым авторитетом.

Ядро просвистело над головой.

— Вы заблуждаетесь, Олег... мм-м... Павлович. Моя тепереш-

ная деятельность так же никого не интересует, как не интересовала и прошлая.

— Взгляды переменялись, Александр Яковлевич. И я вам это постараюсь доказать.

Разведка боем.

— Казалось бы, совершенно незначительный факт: одному журналу понадобилась популярная статья о проблеме информации. Проблема эта весьма обща. Однако я подошел к ней с точки зрения биологической, и именно в плане человека. Естественно, в статье много допущений, я бы даже сказал — фантастических. Тем не менее требуется мнение известного ученого...

Надо было переносить огневой вал в тылы противника!

— Во-первых, в отличие от вас я фантастикой не интересуюсь. Во-вторых, опять же в отличие от вас, я на данном отрезке времени не ученый, и тем более не известный. Посему, считаю, что обращаетесь не по адресу.

Вперед, минеры, «тихой сапой»!

— Александр Яковлевич, может быть, я неверно поставил вопрос, но, умоляю вас... Это первая моя широкая публикация, и, так сказать, крайне важно знать мнение специалиста. Я прошу только посмотреть рукопись и в частном порядке высказать замечания. К тому же она вас может заинтересовать, поскольку здесь есть кое-какие результаты работы нашего института.

Противник дрогнул.

— Собственно, не знаю, что вам ответить... Не имея понятия даже об общей теперешней концепции...

Кавалерия на рысях вышла из засады.

— Новейшие данные свидетельствуют в пользу электрохимической теории процессов приема и переработки информации. Вернее, биотоки мозга — отражение волновых явлений, происходящих внутри клеток. Как правило, в создании сходного с электромагнитным поля участвует вся кора, однако возникающие цепи мало-мощны и легко нарушаются. Закрепление в памяти достигается репетированием, вторичным замыканием такой же или очень похожей цепи. Это при обычном способе введения и усвоения информации. Но нельзя ли интенсифицировать процесс, применяя новые средства, в том числе медицинские и чисто технические?

Авангард обороны смят. Вот-вот удастся захватить подъемные мосты!

— ...Проводимость цепей — лишь часть проблемы. Главное — перенос на молекулярный уровень. Как он происходит — пока неизвестно, но эта трудность преодолима.

— Вот как?

Со стен крепости раздался залп, и всадники полетели в ров.

— Преодолимо! Свое величайшее чудо — человеческое сознание — природа укрыла так глубоко, окружило такой надежной «защитой от дураков», что произнести этак вскользь «преодолимо» по крайней мере легковесно.

Брошены фашины, приставлены лестницы; драгуны пошли на приступ.

— А как же лечение душевнобольных? Использование транквилизаторов и стимуляторов? Про эти средства уже не скажешь, что они найдены эмпирически. И следующий шаг в этом направлении, мне кажется, — соединение химико-биологических средств с ультракоротковолновой радиотехникой...

Если бы на головы лилась горящая нефть и сыпались каменные глыбы — штурм велся бы по-прежнему. Но тут было применено какое-то новое, психологическое, что ли, оружие. Представьте себе, что противник вдруг среди штурма подрывает моральный дух солдат. Они еще слушаются приказа, но уже не верят в победу. Еще миг — и они побегут вспять, бросая ружья и знамена...

— Олег Павлович, и этот путь малоперспективен. Знаете, почему мы не телепаты? Потому что существует некая важная преграда, сродни биологической защите всего организма. Уж поверьте, мне-то это известно более чем кому-нибудь другому. Как организм отторгает чужую ткань, почку, сердце, так мозг не примет чужой сигнал — будь он биологического или искусственного происхождения.

«А как же у Евгения? У Проня? У червей, наконец?» — хотелось без дипломатии крикнуть Олегу. Но Рольберг сказал это с такой искренней болью, что Олег вдруг поверил ему.

19. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ РЕКВИЕМ

— Аа-ааа! — пронзительный вопль располосовал тишину.

— Аа-ааа! Не хочу! Надоело!

Глаза Александра Яковлевича округлились. Ему было неприятно. Неприятно не от неожиданных воплей Евгения, а неприятно от того, что их слышит посторонний свидетель. Сам Александр Яковлевич, может быть, уже и привык к капризам своего внука, но что может подумать посторонний...

Именно поэтому Александр Яковлевич начал проявлять некоторое беспокойство. Он торопливо собрал машинописные страницы статьи.

— Я... посмотрю. Зайдите.. завтра...

Следующий вопль раздался в сопровождении грохота. Что-то упало и, похоже, разбилось...

Рольберг бросился в комнату. В открытую дверь Олег увидел бушующего Евгения. Тот рвал свисающие провода, топал ногами, швырял на пол все, что попадалось ему под руку, и при этом верещал как молодой поросенок, которого затолкнули в мешок.

— Надоело! Все твои дурацкие приборы надоели! Не хочу больше быть нормальным!

— Прекрати, Евгений! — голос Рольберга сорвался на фальцет. — Возьми себя в руки!

Он пытался поймать мечущегося по комнате Евгения, отчего беспорядок только увеличился.

Олег подумал, что настало время вмешаться ему. Однако на пороге комнаты он остановился: его взгляд задержался на обстановке, совсем не соответствующей дачному дому.

Мебели не было, если не считать кресла посреди комнаты. По стенам в самодельных стеллажах стояли блоки с трансформаторами и электронными лампами. Над креслом навис колпак, похожий на бестеневой осветитель из операционной, к креслу тянулись провода от блоков. А среди всей этой мешанины старик и мальчик устроили игру в салочки. Извергая из себя вопли всего звукового спектра, Евгений носился вокруг кресла, дергая попутно за мешающие ему провода. Провода вытягивали за собой блоки из стеллажа, блоки со смачным грохотом ударялись о деревянный пол.

— Не трожь меня! Надоело! Учи своего Проню! А я буду обыкновенным ненормальным! Не хочу быть Евгением, хочу Женькой!

— Евгений, прошу тебя, успокойся! Что ты делаешь...

Рванув напоследок самый толстый кабель, взбунтовавшийся вундеркинд прошмыгнул мимо Олега и скрылся.

Будь на месте Олега благовоспитанный человек, он непременно постарался бы по-английски исчезнуть. Олег не относил себя к разряду невежд, однако поступил наоборот. Переступив, наконец, порог комнаты, он как ни в чем не бывало принялся собирать обломки растерзанных блоков. Александр Яковлевич с отсутствующим взглядом полулежал в кресле, не обратив ни малейшего внимания на Олега.

Появился Проня. Не удивившись представшему перед его глазами хаосу, он деловито принялся за уборку.

— Евгеша-то наш, Алексан Яковлевич, к лесочку побежал...

Не услышав в ответ ни слова, продолжал как бы про себя:

— Это ничего, это хорошо. Погуляет, проветрит голову, винитья придет. Ну-ка, возьмем-ка вот эту машинку...

Олег помог поднять лежащий на боку высоковольтный выпрямитель.

— Целый. Не просто его покарежить. Вот осциллограф жалко. Трубку такую не достать, с производства сняли давно уже. В усилитель лампы новые надо, какие здесь пентоды стояли, малошумящие, с хорошей крутизной, и все вдребезги...

Не наблюдая никакой ответной реакции со стороны Рольберга. Проня, все более воодушевляясь, продолжал свой монолог.

— Набездобразил, конечно, мальчишка, так ведь понятно почему. Побегать, поиграть ему хочется, а тут надзор, принудительно, вроде фокусы над ним делают. А на кой черт ему эти премудрости? Рос бы себе как все пацаны, без этой самой гениальности. Взять меня, к примеру. Я терплю. А почему? Понимаю, что для науки надо. А у Женьки терпежа не хватило. Лопнул у него терпеж. Мне тоже все ни к чему, все равно, что телегу наперед лошади запрягать, пардон какой-то получается. И желания у меня свои имеются. Работы я не боюсь, это всякий подтвердит, а в соответствии и пропустить лишний раз не мешало бы. Мне не мешало бы, а науке вашей мешает. Вот и получается разное согласие. Так что Евгешу я хорошо понимаю и сочувствую всей душой.

Всю тираду Проня прокзнес ни разу не оглянувшись на Рольберга. За это время Александр Яковлевич уже пришел в себя и удивленно поднял на Проню глаза. А тот все с такой же ровной интонацией рассуждал:

— Раньше здесь рояль стояла. Хороший был инструмент, нет, выкинули. Места он много занимал и струны понадобились. А зачем струны? Затем, чтобы меня контролировать. Я не ребенок, меня сидком дома не удержишь, вот и приходится по всем правилам науки за мной присматривать: не хватил бы лишку.

— Прокофий, о чем ты говоришь? Ты же прекрасно знаешь, для чего мне нужен рефлектор!

— Я-то знаю,— все так же спокойно отвечал Проня,— знаю больше, чем положено. И рефлектор для чего, знаю.

— Нет, вы послушайте его!— вскипел Рольберг.— Может быть, ты вроде Евгения взбунтуешься, продолжишь этот разбой! Можешь влезть на крышу и уничтожить рефлектор...

Рольберг зажал голову ладонями.

— Впрочем, мне все уже безразлично...

— Крушить, конечно, я ничего не буду, Алексан Яковлевич. Ваш труд да и свой тоже мне жалко. А что я хотел сказать, я сказал все.

Проня взял ведро с мусором и, гордо подняв голову, вышел.

20. «КАПАЙТЕ МНЕ НА МОЗГИ!»

— Присаживайтесь, Олег... мм-м... Павлович, в ногах правды нет. По всем канонам фантастических романов, полагается мне сейчас открыть симпатичному молодому герою свою тайну. Так что развесьте уши, пожалуйста.

— Александр Яковлевич, я, право, так сказать...

— Ничего. Думаете, я не замечал вашего пристального внимания к своему дому и его обитателям? Молчите, молчите, это совершенно естественно и не нуждается в оправданиях. Приготовились? Ну, слушайте же: этот дряхлый мечтатель, этот упрямый осел, этот неисправимый олух, сидящий перед вами, полжизни гонялся за призраками. А призраки — они тем и импонируют романтически настроенным людям, что представляют полную возможность полюбоваться ими издали. Они обретают вполне реальные черты, но едва протянешь к ним руки — призраки рассыпаются. Их нет при свете дня, они являются лишь в причудливом освещении тенденциозного ума.

— Не совсем вас понимаю.

— Нет, это я не понимаю, как я мог пренебречь любым другим истолкованием, кроме того, который подтверждал мои гипотезы? Подозревать все, что угодно — от влияния алкоголя до радиопомех — и не заметить, что Прокофий просто дурачит меня! Слишком поздно!

— Александр Яковлевич, успокойтесь. Я почти ничего не знаю о вашей работе, но результаты вы получили потрясающие. Догадываюсь, что вы изменяете химизм клеток мозга, а затем передаете информацию в виде электромагнитного пакета?

Гораздо позже сумел Олег оценить мягкость ответа. Наверное, для Рольберга это прозвучало так же, как если бы поэта наивно спросили, не создает ли он поэмы при помощи рифмованных строк.

— Так я и сам думал...

И Олег услышал историю, в которой было больше формул, чем может стерпеть бумага. А если перевести ее на язык образов, то выглядела бы она примерно так:

— ...Полгода после менингита Евгений лежал в клинике, даже реакции у него были не все, — продолжал свой рассказ Рольберг. — Надеялись только на чудо. Я под личную ответственность уговорил хирурга сделать вторую трепанацию, с условием, что он обрабатывает некоторые участки мозга моим раствором. Результат превзошел все ожидания: Евгений не только поправился, но и стал проявлять феноменальные способности. Я привез его сюда и каждый

день поражаюсь тому, как много он читает и главное — как быстро усваивает. Конечно, мой раствор был здесь ни при чем. Просто, наверное, Евгений — гениальный ребенок.

— Но ведь он усваивал информацию, переданную в сантиметровом радиодиапазоне?

— Наверное, мне просто это казалось. Ведь опыты, в сущности делались кустарно. Если бы Евгений, кроме модулированной записи, не имел той же информации в другом виде — тогда, конечно, можно не сомневаться в чистоте эксперимента. Но ведь я и сам многое ему рассказывал, и он интересовался книгами... К тому же я не имею ни малейшего представления, каков срок действия моего раствора. Знаю лишь твердо, что на Прокофия он вообще не действует. Алкоголь и радиопомехи здесь ни при чем.

— Но Проня ведь тоже кое-что усвоил!

— В том-то и дело, что он меня обманывал. Знал, какой результат меня порадует, ну и зубрил по книгам. Евгений ему пособничал.

— А на себе не испытывали?

— Много раз... Но, во-первых, коли сам программу составляешь — что-то да запомнишь. А во-вторых, неудачи можно истолковывать хотя бы тем, что у меня многие клетки мозга наверняка задействованы, не способны принять новую информацию — то ли из-за возраста, то ли из-за прочно закрепленного опыта. Лишь теперь у меня раскрылись на все на это глаза.

— Но черви, черви!

— Что — черви?

— Ну да, вы же ничего не знаете!

И Олег рассказал историю с червями. Рольберг даже рассердился поначалу:

— Не может быть! Мозг — высокоорганизованная материя, здесь нейроны, сложные биотоки, возможность электросвязей. А червяк — это... это червяк!

— Червяк — это факт, с червяком надо считаться.

— Позвольте, позвольте... Значит, раствор действует на клетки, непосредственно с ним соприкасающиеся?

— Это легко проверить на нашем «Дубль-дубе». Представляю, сколько информации накопил Пронин желудок!

Олег расхохотался при мысли о том, какие грандиозные возможности представляют «Дубль-дуб» и рольберговский раствор для древнего искусства чревоущания. Однако Рольберг остался серьезен.

— Все равно не видно пути, как транспортировать раствор в мозг. Да и действует ли он на мозговые клетки?

— Александр Яковлевич, возьмите меня подопытным! Вскрывайте череп, капайте мне на мозги! Или укольчик сделайте под черепную коробку...

— Эх, Олег Павлович, разве вопрос о том, чтобы сделать десяток или сотню людей малость позрудированнее? Этого-то-я и боюсь пуще всего — умственного неравенства.

— Так или иначе, но оно существует.

— Сейчас люди равны хотя бы в своих возможностях. Имею в виду, конечно, нашу страну. Трудолюбие, стремление к учебе, упорная тренировка памяти в конце концов уравнивают шансы. Но представьте, каково будет массе людей переносить превосходство патентованных эрудитов, доставшееся им так легко и так незаслуженно! Нет, надо идти другим путем...

20. НА РЫБАЛКЕ, У РЕКИ

И зря Андрюха дулся, что тетя Людочка тоже поехала с нами на рыбалку. Через костер прыгать она первая придумала и пить чай на зтог... как его? ....бутершафт — тоже. Подумаешь, нужна Андрюхе «чисто мужская компания» — мне она у деда во как надоела.

А мировые у Олега друзья! Я теперь, после бутершафта со всеми на «ты» и без «дядей», просто — Володя и Серж. А тетей Людочкой я ее прозвал, и все ее теперь так зовут.

Сказать деду, сколько мы протопали — за сердце схватится. А потом еще Олег в темноте плотик перевернул, на котором через Рузу переплывал. Эх, жалко меня с ним не было!

Интересно получается, дома я в десять часов уже сплю, а здесь никто меня не укладывает, просто тетя Людочка нас с Андрюхой в один спальный мешок затолкала. Но спать все равно не хотелось долго. Ложим мы потихонечку, песни слушаем, рассказы разные. Володя здорово рассказывал, как он в Арктике был, на острове Франца-Иосифа.

Тепло нам в мешке, хорошо, я и заснул. Не знаю, долго ли они еще разговаривали, только проснулся и слышу Олег про деда говорит. Примерно так:

— ...мне дико повезло, что встретил Александра Яковлевича. Натура у него не совсем понятная, по крайней мере я в нем еще не разобрался. Знаю только, что обижен старик, в ледышку превратился, не подойти. Но голова! Самое главное — установил я с ним дипломатические отношения после того разбоя, который Женька учинил. Теперь основная задача — как бы Рольберга привлечь

к нашей работе. Я даже шефу намекнул насчет новой разработки, тот согласился.

Ребята, это такое дело, какое нам и не снилось! Не одной диссертацией пахнет! Но не будем меркантильными. Если серьезно, перспективы громадные. Тетя Людочка! Готовься к новой серии экспериментов. Только не забудь, что тебе осенью хвост по физхимии сдавать...

Спал я в эту ночь крепко-крепко, только мало. Володя в четыре часа всех поднял, и нас с Андреем тоже растолкал. Олег со спиннингом — ему, конечно, плотик нужен. Потом рассказывал: сорвалась у него кило на два щука.

Комаров у реки — тьма! Мы с Андреем терпели-терпели, а потом тетя Людочка увидела, что нам удочки дернуть некогда, и намазала нас «Тайгой». Я сразу чуть здо-о-ровенную рыбку не поймал! Очень уж она неожиданно ка-ак дернет, а я к себе, ну и сорвалась... Потом больше и не клевало ничего, солнышко стало пригревать, и я уснул как-то незаметно. Андрей тоже, а проснулся — его удочка уплыла.

Зато Володя двух окуней поймал и подлещика, Серж — пескаря. Тетя Людочка потом пескаря выбросила, а из Володиных рыб уху сварила, замечательную, только очень соленую. Но все хвалили, особенно Олег — наверно, потому, что остальную рыбу он купил у каких-то братьяенеров в деревне.

В общем, нам с Андреем рыбалка очень понравилась и мы решили, когда вырастем, стать свободными братьяенерами.

ЭПИЛОГ

«25 апреля 197... года в 10 часов 30 минут в зале Ученого Совета состоится защита диссертации на соискание степени кандидата биофизических наук О. П. КРАМОВЫМ

на тему:

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОХИМИЧЕСКОЙ И ЭЛЕКТРОМАГНИТНОЙ СТИМУЛЯЦИИ ПРОЦЕССОВ НАКОПЛЕНИЯ, ПЕРЕРАБОТКИ И ДОЛГОВРЕМЕННОГО ХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ НА МОЛЕКУЛЯРНОМ УРОВНЕ

Официальные оппоненты:

доктор физико-математических наук Б. А. Коршунов

доктор биологических наук В. П. Семенов

Научный руководитель — профессор А. Я. Рольберг,

Александр Казанцев

НЕБЫВАЛЫЕ БЫЛИ

(два рассказа о необыкновенном)

НАРОДНЫЕ АРТИСТЫ ЛЕСА

У нас было принято рассказывать о необыкновенном. Наши вечера мы шутливо называли «кают-компанией», хотя ни моря, ни корабля не было, зато были завидные слушатели.

Я всегда радуюсь, когда фантастические случаи происходят в жизни. И потому с особым волнением, охватившем меня в тот памятный вечер, рассказывал.

Все это действительно произошло не так уж давно в Москве, в Сокольниках. И я не боюсь сослаться на несколько тысяч свидетелей, сидевших в Зеленом театре или гулявших по соседним аллеям. Слышали-то они все! И каждый из них может поправить меня, если я дал волю фантазии. На этот раз я отказываюсь от нее. Жизнь порой бывает фантастичнее вымысла. И уж во всяком случае — прекраснее!

Днем над городом прошла гроза с неистовым ливнем. Я ехал в машине по набережной и трудившиеся на высшей скорости «дворники» не могли сбить с лобового стекла сплошную водяную пленку. Я чувствовал себя, как в аквапанге. Видимость улучшалась, лишь когда мы попадали под мост, откуда снова ныряли в воду, словно в подводном снаряде.

В этой бешеной гонке, когда над головой с каменных небесных склонов будто скатывались грохочущие скалы и разбивались в невидимых, пропастях, сотрясая Землю, был отзвук двугорбого максимума солнечной активности.

В том году, когда раз в тысячелетие совпали столетний и одиннадцатилетний солнечные максимумы, все надеялись, что ураганы, песчаные бури и всяческие капризы природы будущим летом наконец прекратятся. Но максимум на кривой солнечной активности был двугорбый, как верблюд! И второй горб приходился на нынешний год. Он сказался в наших широтах диковинными для июня холодами и неожиданными отзвуками прошедшей весны.

У нас в Абрамцеве до первых чисел июля в окно тянулись пахучие ветки сирени. Не поднималась рука их наломать. Я и так чувствовал себя, словно уткнулся лицом в исполинский букет. От его нежного запаха радостно кружилась голова.

Особый аромат у цветов запоздалых! Особый строй и у запоздалых песен, когда весенние напевы зазвучат вдруг летом!..

Припоминается мне громовая весна 1945 года, последняя весна войны. Как мы все ждали ее!

Вместе с передовыми танками мы ворвались на центральную площадь Вены. Автоматчики в развевающихся за спиной зеленых плащпалатках, нагибаясь, перебегали от здания к зданию. Дробно трещали очереди автоматов. Пахло гарью. К мостовой стелился дым.

Гитлеровцы, перепуганные и бесноватые, огрызались.

За моей спиной пылал знаменитый театр Венской Оперы.

Горько было видеть покрытую клубами черного дыма каменную громаду, напоминавшую наш Большой театр.

Весна всегда связывалась у меня с музыкой.

Когда столица Австрии была полностью очищена от нацистов, мне удалось побывать на знаменитом Венском кладбище, где я отыскал могилы Моцарта, Бетховена и Иоганна Штрауса.

Собственно, могилы Моцарта я найти не мог, потому что великий музыкант был похоронен в могиле для бедных, которую никто не знал. Много времени спустя поклонники гения установили на Венском кладбище плиту и выбили на ней его имя.

Неподалеку я увидел другую. Она прикрыла собой подлинную могилу еще одного величайшего музыканта с трагической судьбой. Это была простая, гладкая плита с лаконичной надписью «Людовиг ван Бетховен». Но как много она говорила!

И не очень далеко от этих памятных плит высился изящный мраморный павильон. Там, окруженный колоннами, стоял мраморный скрипач — баловень успеха, любимец Вены, Иоганн Штраус.

Три столь непохожих одна на другую жизни прославленных музыкантов своеобразно отразились здесь в камне, в мраморе.

Я смотрел на мраморного Иоганна Штрауса и мне казалось, что он играет на мраморной скрипке свой вальс «Сказки Венского леса»...

Мне не забыть впечатления от впервые услышанной в 1939 году в Нью-Йорке блестящей разработки этого вальса. Я попал на премьеру кинокартины, которую мы впоследствии узнали как «БОЛЬШОЙ ВАЛЬС». Подобно многим значительным художественным произведениям, она получила всеобщее признание много позднее, а тогда... увы, принесла разорение постановщику.

Помню, весь следующий день «Сказки венского леса» звучали в моих ушах. Я скрывался от американской жары в прохладных залах советского павильона Нью-Йоркской международной выставки будущего, где работал. Выставка называлась «Мир завтра». Ее устроители рассчитывали поразить воображение посетителей. Ради этого сооружены были знаменитые трилон и перисфера, здания в виде двухсотметровой иглы и огромного, размером с восьмизатонный дом, шара, который будто бы покоился на водяных струях. Эти «архитектурные Пат и Паташон» должны, были знаменовать грядущие устремления архитектуры. Там же зарыта была в землю сроком на пять тысяч лет «бомба времени» — крупнокалиберный снаряд из нержавеющей стали. В него поместили всевозможные предметы быта и техники того времени, начиная от модных мужских подтяжек и кончая киноаппаратом с фильмами и обращением к потомкам, написанным собственноручно Альбертом Эйнштейном. Великий физик сам присутствовал при отправке этой посылки в будущее. Однако не в этих поражающих и зазывающих сенсациях видели многие американцы свое будущее, не в новых марках холодильников и автомашин, призванных знаменовать с рекламных стендов грядущее. Будущее это еще накануне второй мировой войны виделось многим и многим людям в советском павильоне. А война за грядущее цивилизации грянула буквально на следующий день... Грянула и пронеслась испепеляющим жаром.

И вот в дни окончания этой войны я снова услышал «Сказки Венского леса», услышал, стоя у памятника Иоганну Штраусу.

Мог ли я не пойти в Венский лес?

Я никогда не подозревал, что Венский лес расположен на горе и что аллеи его выются серпантином. Я выходил из машины, бродил среди деревьев, старался представить себе Штраусовскую сказку.

Аллея поднималась к расположенному наверху ресторану, откуда открывался чудесный вид на Дунай и Вену, прикрытых голубоватой дымкой. Глядя в такую даль, всегда хочется взмыть вверх, облететь просторы.

Слух резанул, громкий дробный стук. Но на этот раз это были не автоматы, а пневматические молотки.

Венцы в аккуратных спецовках с множеством карманчиков старательно вырубали из тротуара каменную плиту с изображением немецкого орла, держащего свастику. Ее когда-то с помпой водрузили на место, откуда Гитлер жадно смотрел на Вену после аншлюсса. Не потягалась во времени эта плита с плитами музыкантов!

Аллеи в Сокольниках совсем не походят на аллеи Венского леса. Они идут по прямым просекам подлинно русского леса, по которому мчались в старину доезжачие и сокольничьи царской охоты. Таких сосен-исполинов, раскидистых елей, таких белоствольных «девичьих» берез не встретишь в Венском лесу среди грабов, вязов и диких каштанов. Но сказка Венского леса в первых числах июля, в год повторной солнечной активности перекочевала с отрогов Альп к нам в Сокольники.

После пения Милицы Кориус (воспитанницы Киевской консерватории) в «Большом вальсе» я тридцать лет не слышал исполнения этой блестящей вариации.

И вот мне привелось снова услышать этот вальс в Зеленом театре Сокольников.

Конферансье объявил номер и я почему-то заволновался. Но едва появилась певица и я услышал ее сильный, гибкий и звонкий, как хрустальная струя, голос, я увидел чудом помолодевшую героиню «Большого вальса». Блестящие рулады сверкали, словно их можно было различить в воздухе, они ослепляли.

Вдруг я вздрогнул и оглянулся. Нет, я не ослышался. На соловьиный голос певицы характерным щелканьем отзывался в кустах соловей.

Все, все, кто сидели в тот вечер в Зеленом театре, невольно посмотрели на освещенную прожекторами листву, обрамлявшую открытый зал.

А в листве отзывался второй соловей.

Надо было видеть в те минуты лицо певицы. Она слышала своих партнеров и засияла внутренним светом.

Когда голос ее рассыпался бисерным каскадом, два соловья не просто повторяли руладу, а пели вместе с ней в терцию, в кварту, украшали паузы музыкальными рефренами и коденциями.

Я слушал, затаив дыхание. Никогда я не мог себе представить, что соловьи так понимают, чувствуют музыку и так виртуозны! Они были ничуть не хуже излюбленного колоратурами флейтиста, оттеняющего голос. Своей птичьей импровизацией они сделали сказку Венского леса поистине волшебной.

Неужели никто из тысяч сидящих на этом необыкновенном концерте не захватил с собой магнитофона? Каким шедевром обогатил бы он мир застывших звуков!

Когда «Большой вальс» закончился и счастливая, возбужденная певица кланялась публике, она смотрела на листву.

Публика устроила овацию. Многие смотрели туда же, куда и певица.

Всем хотелось, чтобы соловьи вместе с ней спели «на бис».

Но конферансье безжалостно объявил следующий номер, потом еще один. На концертах действуют свои законы. Артисты пели снова и снова, но... лесные певцы улетели. Они ни с кем больше не захотели петь, отпел свою удивительную запоздалую песню ушедшей весны.

Мне никогда не забыть этого удивительного трио, которое убедило меня, что Иоганн Штраус был прав, назвав свой вальс сказкой.

Спасибо ему за эту сказку, спасибо «народным артистам леса», исполнившим ее, спасибо певице Валерии Новиковой, 4 июля 1969 года заколдовавшей их в Сокольниках.

— Значит, хоть и фантастика, а было это?— спросил дотошный слушатель.

— Конечно,— заверил я.

— Ясно — вставил скептик.— Направленное излучение. Без бионики не обойтись.

— Не знаю,— признался я.— Мне хотелось без бионики...

МАТЧ АНТИМИРОВ

— Хотели бы вы сыграть партию с Полом Морфи?— спросил я нашего прославленного гроссмейстера.

Он удивленно посмотрел на меня:

— Посылать ходы на сто с лишним лет назад и получать ответы из прошлого? Бред!

— А если серьезно?

— Машина времени? Знаю я вас, фантастов! Четырехмерный континуум «пространство—время»... Это понятие ввел Минковский для математического оформления теории Эйнштейна. Но ведь время-то там на поверку оказывалось величиной мнимой. Знаем!

— И все же... Сыграть с самим Морфи? Рискнули бы?— искал я.

Гроссмейстер был задет за живое.

— О каком риске может идти речь? Теоретически я готов, но...

И я рассказал тогда гроссмейстеру, как в день, когда к нам в Центральный Дом литераторов приехал известный польский фантаст Станислав Лем, там была встреча с телепатами. Думая доставить польскому гостю удовольствие, я пригласил его послушать «парапсихологов». Ведь фантаста должно интересовать все, что не укладывается в рамки известного.

Станислав Лем прекрасно говорит по-русски и даже охотно поет наши песни, в чем я убедился, отвозя его вечером после встречи. Так что ему не представляло труда слушать докладчика. Я украдкой поглядывал на Лема и видел, как тот саркастически улыбался или хмурился, когда докладчик, оперируя очень умными научными терминами, вспоминая даже о нейтринно, доказывал, что есть полная возможность проникать телепатическим чувством сквозь любые преграды. И, оказывается, не только через тысячи километров, но и во времени — в прошлое и... в будущее. Здесь мы с Лемом многозначительно переглянулись.

Но парапсихолог нимало не был смущен нашим скептицизмом, который по всем законам телепатии должен был ощутить. Он говорил о модных гипотезах существования антимиров. Его надо было понимать в том смысле, что наш осязаемый мир соседствует в каком-то высшем измерении с другими мирами, представляющими собой тот же наш мир, но смещенный во времени. Образно это можно было вообразить себе в виде колоды карт, где каждая карта отражала бы наш трехмерный мир в какой-то момент времени. Вся же колода якобы сдвинута так, что карты, лежащие сверху, находятся уже в застрашном дне и дальше, а карта покоящаяся в колоде под нашей, «сиюминутной», — это прожитый нами вчерашний день. И таких «слоев времени» несчетное множество. Ясновидение же и прочие виды гадания, столь распространенные в прошлом, а за рубежом и сейчас, это якобы не что иное, как способность проникать «высшим взором» из нашей карты в соседнюю.

После доклада мы с Лемом вдоволь посмеялись над «научным обоснованием» хиромантии.

Лем оказался человеком невысокого роста, подвижным, умным, острым на язык, веселым. Улыбаясь, он сказал, что на этом докладе не хватало еще одного фантаста — Герберта Уэллса. Ему, придумавшему «машину времени», но не придавшему ей никакого реального значения, любопытно было бы услышать, будто перемещение во времени возможно.

— Если проколоть иглой колоду карт, — подсказал я.

— Вот именно! — подхватил Лем и добавил. — Впрочем, оракулы, кудесники, предсказатели существовали и раньше Уэллса.

— А цыганки и сейчас раскидывают карты, — напомнил я.

— Ой, сердзэнко, позолоти ручку. Будут тебе через тrefового короля бубновые хлопоты, а через червонную даму дальняя дорога и казенный дом, то есть туз пик, — смеясь сказал Лем. — А ведь гадальная колода карт нечто знаменательное, не правда ли? В ней — образ антимиров, смещенных во времени.

Об этом разговоре с маститым фантастом несколько лет спустя я рассказал профессору Михайлу Михайловичу Поддьякову, доктору технических наук и заслуженному деятелю науки и техники, когда мы с ним ехали в один из подмосковных физических центров. Ученый широких взглядов, он живо интересовался всем, что отходило от общепринятых догм. Сам он был классиком горного дела, но завершал фундаментальный труд о строении атома, что могло бы служить второй его докторской диссертацией на этот раз в области физико-математических наук. Шутя он говорил о себе, что его чтут за горное дело, а он чтит «игорное». Профессор Поддьяков имел в виду шахматы, облизавшие нас с ним, помимо физики. Мы оба были действительными членами секции физики Московского общества испытателей природы и гордились членством в нем Сеченова, Менделеева, Пастера и Фарадея.

Михаил Михайлович обладал редкой способностью математического анализа. С присущим ему юмором он рассказывал, как стал учителем «математических танцев». Удивленный, я переспросил. Он объяснил, что в тридцатые годы проходил курс западных танцев, вернее серию курсов, поскольку оказался на редкость неспособным учеником. Однако будучи незаурядным математиком и шахматистом, не привыкшим сдаваться в сложных положениях, он решил провести математический анализ всех танцевальных па, которые ему не давались. Составил уравнения и блестяще решил их. После этого дело пошло. Он уже не наступал «медвежьими лапами» на туфельки своих партнерш и даже сам стал учить танцевать других и брал призы на балльных конкурсах.

— Неужели шахматы помогли? — изумился я.

— Научили всегда искать выход, — подтвердил профессор.

И математика, конечно. Кстати, о Станиславе Леме, телепатии и цыганках,—неожиданно перевел разговор Михаил Михайлович.— Конечно, закон причинности в природе нельзя нарушить. Следствие не произойдет раньше причины, яйцо не появится прежде курицы, вылупившейся из него цыпленком. Физическое тело не может переместиться в воображаемой колоде трехмерных карт, смещенных во времени, но...

— Что но?—насторожился я.

— Передача нематериального сигнала как будто не противоречит закону причинности.

— Сигнала?—обрадовался я.

— Что вы имеете в виду?—испытующе спросил Михаил Михайлович.

— Обмен сигналами, скажем, с прошлым.

— Хотите рассказать предкам, что их ждет?

— Нет. Беседу на равных. Сыграть шахматную партию... ну с Морфи...

— Если бы вы не были фантастом, я бы возмутился,—улыбнулся профессор Поддьяков.

— Но почему? Вы ведь всегда против догм. Я не знаю, можно ли передать сигнал во времени с помощью физических машин или аппаратов. А что если попытаться сделать это с помощью ясновидцев, этих чудодеев нашего века. Они якобы видят на расстоянии и даже содержание нескороаемых шкафов. О них писали и в прошлом. Может быть, кто-нибудь из них в состоянии установить контакт с подобным же медиумом девятнадцатого века и через него связаться с Полом Морфи!

— Морфи бросил играть в шахматы,—слабо сопротивлялся профессор.

— Это будет тайная партия. Вроде как бы оккультная.

— Оккультизм меня не интересует, но научные эксперименты, даже самые экстравагантные, привлекают,—признался Михаил Михайлович.—Только ради этого я помогу вам организовать «матч антимиров». Хорошо звучит? Однако отрицательный результат эксперимента несомненно будет позитивным вкладом в науку, для которой требуются однозначные решения.

— В науку? В шахматную во всяком случае,—заверил я.

— Хорошо. После нашего с вами знакомства с самой могучей на земле физической машиной под Москвой я дам вам окончательный ответ. Может быть, на международной конференции, на которую я уезжаю за рубеж, удастся кого-нибудь заинтересовать.

Мы осматривали исполинские залы синхрофазотрона-гиганта, а я все думал об ясновидящих. Все ли они шарлатаны? Есть ли

явления, пока непонятые людьми, но которыми они пользуются веками?

Основная дорожка ускорителя элементарных частиц могла бы служить не только для их разгона, но и для скаковых испытаний лошадей. Однако в какой связи может быть эта чудо-машина, помогающая проникнуть в тайны мироздания, с тайнами ясновидения? Что имел в виду профессор?

В Западной Германии есть некий ясновидец, который состоит даже на службе в полиции. Я сам видел документы и кинокадры его деятельности. К нему обращаются всякий раз, когда нужно найти исчезнувшего человека. И он, якобы видя погибшего, безошибочно описывает окружающую обстановку и в конце концов приводит сыщиков к его телу, где бы оно ни находилось: на земле, в земле или под водой. Чепуха какая-то, сказал бы Станислав Лем, да и Герберт Уэллс не поверил бы. Одно дело литературный прием (здесь все дозволено!), другое — реальное представление о соседствующих с нами антимирах, куда, как в окошко, заглядывают наделенные противоестественными способностями медиумы. На Западе шарлатаны от ясновидения создали нечто вроде «индустрии предсказаний», извлекая из нее немалые барыши. И есть «прославленные дамы», с которыми советуются о грядущем видные политики, старающиеся не попасть впросак. Мне привелось, как и многим телезрителям, видеть фильм кинематографистов ГДР, заснявших одну таковую западногерманскую гадательницу. Она выглядела довольно вульгарно и уж во всяком случае менее романтично, чем любая цыганка из табора.

И все-таки... — размышлял я, глядя на огромный зал камеры «Светлана», где мерно, громко и загадочно вздыхала от внутренних взрывов какая-то огромная труба, отсчитывая контакты с микромиром. — Неужели можно представить себе наш мир единым, но слоистым?.. Все в нем происходит с неумолимой последовательностью и даже одновременно для всех его слоев (я сам обрадовался этой спасительной мысли), однако если «протыкать колоду карт» иглой под неким углом, то отверстия окажутся в разных местах воображаемой карты, соответствуя прошлому или будущему — под каким углом поставить иглу сигнала!

Только мысленно следя за ходом этих размышлений, можно было понять мой неожиданный вопрос бородатому физiku, объяснявшему нам с профессором Поддьяковым суть открытого здесь «Серпуховского эффекта» — элементарные частицы, оказывается, могут проникать одна сквозь другую.

И я спросил, думая о своем:

— А миры и антимирь, смещенные во времени, не могут проникать один через другой, подобно элементарным частицам?

Профессор Поддьяков один понял меня, а бородатый физик удивился и хмуро заметил, что «Серпуховский эффект» не подтвердился экспериментально.

Михаил Михайлович заговорщицки подмигнул мне.

Серпуховский эффект не подтвердился, элементарные частицы не проникают одна сквозь другую. А миры и антимирь? А что видят ясновидящие?

Возможна ли шахматная партия с Полом Морфи?

У прославленного гроссмейстера, к которому я обратился с фантастическим предложением, было богатое воображение.

— Не берусь спорить, возможно ли сыграть с Полом Морфи, но я с удовольствием сыграл бы,— сказал он.

Теперь дело было за мной и профессором Поддьяковым, находившемся в заграничной командировке. Я дал в адрес конгресса, в котором он участвовал, телеграмму:

«ДОСТОЙНЫЙ ПАРТНЕР НАЙДЕН».

И получил ответ:

«СОСТЯЗАНИЕ СОСТОИТСЯ».

Признаться, я был взволнован. До конца я никак не мог поверить в телепатию и ясновидение. Но даже такой ученый, как Циолковский, утверждал, что нет в мире семьи, которая не могла бы припомнить хоть одного случая, объяснимого лишь признанием телепатии, этого загадочного общения людей на расстоянии.

Чем черт не шутит! Может быть, и в самом деле мир — исплинская колода карт, некое «слоистое образование» из трехмерных, движущихся во времени пространств. И в этом «слоистом пироге», или «Книге Вселенной», нужно лишь под определенным углом направить луч сигнала, чтобы он достиг нужный нам листок в прошлом или будущем...

И шахматам в этом историческом открытии будет принадлежать особая роль! С помощью ясновидящих? Пусть даже и с помощью перцепиентов, индукторов, медиумов, этих живых физических аппаратов, способных посылать и принимать сигналы. Пока мы еще не можем их смоделировать, но использовать вправе!.. Пользовалось же человечество электричеством, сто лет не зная толком, с чем имеет дело. Так и здесь. Очевидно, есть явления, пока еще до конца не исследованные.

Предстояло найти ясновидящего. Может быть, на Западе это было легче. Пришлось обратиться к нашим энтузиастам телепатии.

Мне помогла страстная единомышленница парапсихологов, супруга уважаемого, недавно скончавшегося академика, полная и эффектная Дина Марковна. Она познакомила меня с весьма нервной дамой, юристкой по специальности, остро переживающей недавний разрыв с мужем. Проходя болезненный для женщин возрастной период, она стала нелюдимою, подозревая всех, даже детей и мать, в недобром к себе отношении. Склонная к истерическому состоянию, она порой впадала в некий транс, и тогда в ней пробуждался дар ясновидения. К сожалению, она совершенно не знала шахмат. Это меня не остановило. Неуравновешенной даме предстояло сделать попытку связаться с ясновидящим, современником Пола Морфи, жившим за океаном, что, впрочем, для ясновидящих значения не имело. Что там какие-нибудь десять тысяч километров расстояния, когда речь идет более чем о ста годах!..

Ясновидящий прошлого должен был уговорить Морфи сыграть шахматную партию с далеким его шахматным потомком.

Профессор Поддьяков запросил меня по телефону о найденной ясновидящей даме и почему-то остался очень доволен всем, что я о ней рассказал.

Через день он телеграфировал, что партию можно начинать.

Партия игралась в Центральном Доме литераторов, в комнате правления дома. Комната имела два входа: со стороны коридора второго этажа и с главной лестницы, ведущей в Большой зал, где начиналась демонстрация кинокартины «Солярис» по роману Станислава Лема (знаменательное совпадение!). Несколько ступенек надо было преодолеть уже в самой комнате. Они были огорожены барьером. В углу стоял стол директора ЦДЛ с телефонами, напротив, примыкая к перилам барьера,— большой стол для членов правления, покрытый зеленым сукном. За ним мы не раз принимали именитых гостей. Помню, тут беседовали приезжавшие к нам Нильс Бор, Лео Сциллард, академик Несмеянов... Много раз сжижались за ним прославленные космонавты.

Сейчас спиной к телевизору одиноко пристроился за шахматной доской наш любимый гроссмейстер.

С лестницы доносились голоса заполняющей кинозал публики, которой предстояло увидеть на экране фантастическую ситуацию на другой планете с океаном-мозгом, а в скромной комнате правления ничто не выдавало готовящегося здесь события, по значению своему не меньшего, чем общение с океаном-мозгом Соляриса.

Впрочем, мы, участники события, говорили вполголоса, двигались неслышными шагами, выражение лиц старались сделать торжественными. Все-таки «МАТЧ АНТИМИРОВ»! Общение с про-

шлым! Я пытался представить себе легендарного Пола Морфи в его родовой гаскенде, негра-невольника, входившего на цыпочках в его кабинет, где уже расставлены на старинном столике с инкрустациями шахматные фигуры. Может быть, негр поправляет дрова в камине? Впрочем, в Нью-Орлеане жарко... Мне было определенно жарко, хотя на улице стояла дождливая осень.

Ясновидящая дама на время сеанса потребовала себе полного уединения. Она лучше всего впадала в состояние ясновидения, когда поблизости никого не было. Она уже призналась, что установила общение с неким клерком Нью-Орлеанского банка, который хорошо знает и уважает семью Морфи, даже помнит отца Пола, строгого судью. Она не могла знать этих подробностей биографии Пола Морфи, я начинал доверять ей. Но как же она будет передавать ходы, не зная шахматной нотации?

— Я воспринимаю только образы,— пояснила ясновидящая.— Я вижу доску и стоящие на ней фигуры. По телефону я сообщу, какая из них передвинется.

Для связи с нашей ясновидящей отвели кабинет заместителя директора, сообщающийся с комнатой правления через помещение секретаря. У телефона дежурила Дина Марковна, которая буквально священнодействовала. По указанию ясновидящей она прижимала к уху телефонную трубку, переставляла фигуры на доске, а энтузиасты эксперимента — член правления дома, главный редактор известного молодежного журнала и два писателя-шахматиста, драматург и прозаик, оба отчаянные скептики и снобы, сообщали гроссмейстеру на шахматном языке ход Морфи.

Никто из моих помощников в эксперимент не верил. Все ждали повода для того, чтобы посмеяться.

Михаил Михайлович Поддьяков по-прежнему находился за океаном.

Что касается гроссмейстера, то он, подозревая подвох, все же был прост и спокоен, впрочем, всегда готовый обратиться просящее в шутку.

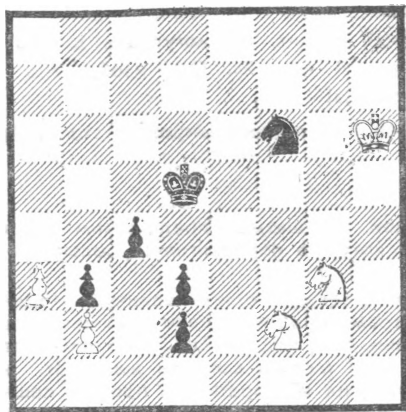
Но никаких шуток не было.

Партия советского гроссмейстера с Полом Морфи, умершим сто лет назад, состоялась!

Представьте, Пол Морфи через банковского клерка предложил своему партнеру (это нашему-то гроссмейстеру!) фигуру вперед. Получив отказ, он извинился и, как истый дженльмен, пожелал играть черными.

Я не буду приводить всей партии, чтобы не заставлять скептиков сличать ее со всем известным из наследия Морфи. Могу ска-

зять, что игрался один из малоизвестных в девятнадцатом веке закрытых дебютов, который современной теорией разработан достаточно полно. Вероятно, Пол Морфи не раз удивлялся своеобразным ходам своего партнера, избравшего неведомые для времен Морфи пути развития.

Однако Морфи остался самим собой, гениальным шахматистом атакующего стиля. Положение обострилось, и черные, отдав коня за две пешки, получили грозную черную лавину. Белый король застрял далеко от своей «столицы», куда рвались черные пехотинцы, непременно желавшие стать генералами.

Позиция эта интересна тем, что советскому гроссмейстеру удалось блеснуть своим комбинационным талантом, чтобы противопоставить наступавшему Морфи, то и дело грозившему жертвой последнего коня, необыкновенную ничью! Такой ничьей не знали в девятнадцатом веке! Она рождена современностью!

Для тех читателей, кто не постиг еще всей глубины шахматных тайн, я лишь скажу, что в этой позиции посрамлена была грубая сила. Обретенный черными могучий ферзь оказался запертым в клетке, остроумно сооруженной белыми из двух своих коней и вражеских пешек. Кстати, клетка была обширна, как кораль, загон, в котором мог лишь метаться взбешенный своим бессилием черный ферзь, он не в силах был помочь черному королю в его дуэли с королем белых. На помощь оттесненному белому королю внезапно приходили лукавые кони. Они поочередно отскакивали, жалея шахом черного короля, а потом возвращались обратно, вновь захлопывая клетку с плененным ферзем.

Подобные позиции, где обе стороны, несмотря на материальный перевес одной из них, не могут все же добиться победы, названы «позиционной ничьей». Она изобретена усилиями этюдистов двадцатого века!

Морфи должен был проанализировать это парадоксальное положение.

Для любителей же шахмат предоставим слово самим шахматным фигурам, которые передвигались волею людей, разделенных столетием.

1. Kd1: Белые предвидят приготовленную Морфи жертву коня на g4 и в то же время предотвращают движение пешки на c3. Поэтому недостаточен был ход 1. Kpg5? c3 и черные выигрывают. 1...Kg4+ 2. Kpg5 Kf2! Морфи все-таки жертвует коня, на то он Морфи, рассчитывая на неотвратимый прорыв пешки c3! Прорыв действительно неотвратим, но... Здесь плану черных противостоят тонкий замысел белых. Они принимают жертву. Легко видеть, что отказ от нее ведет к проигрышу, например: 3.Ke3+? Kрс6 4.Kgf1 d1Ф 5.K:d1 K:d1, и черные легко выигрывают. Кстати, из-за уязвимости белых пешек при черном коне на d1 белые не могли своим первым ходом играть конем на f1—1.Kf1? с угрозой вилки с поля e3. Черные сыграли бы 1... Kg4+ 2.K:g4, и теперь d1K1, избегая вилки,—нападая на беспомощную белую пешку b2 и легко выигрывая окончание. Итак, на третьем ходу белые принимают жертву коня 3.K:f2 c3, теперь черной пешки ничем не остановить. Но и не надо! 4.Kge4 c2 5.Kc3+ Kрс4 6.Kfd1 c1Ф — вот оно желанное материальное преимущество — ферзь с пешкой, тоже готовый стать ферзем, против двух коней! Однако кони могут тревожить черного короля 7.Ke3+Kрд4 8.Ked1, надо вернуться, чтобы захлопнуть клетку, в которой оказался вновь рожденный черный ферзь.

Кстати, клетка довольно просторная: ферзь безопасно может стоять на четырех полях: c1, c2 и a1, a2, но и только! Но может быть, черным можно пожертвовать своего незадачливого ферзя во имя разрушения клетки? Скажем 8...Ф:b2, и теперь если белые возьмут ферзя конем, то: 9.K:b2? Kрс3 с выигрышем. Но у белых есть лукавый промежуточный шах после 8...Ф:b2 9.Kb5+Kрс4, и вот тогда 10.K:b2+Kрсb5, и теперь уже черным надо думать о ничьей. И все же психологически очень трудно примириться с бесполезностью такого материального преимущества, как ферзь, имеющий по крайней мере четыре поля для маневра. Ведь с его помощью черный король в дуэли с белым всегда будет иметь запасный темп для оттеснения противника. Ему достаточно достигнуть поля f4 и f3. Тогда можно отдавать ферзя на d1 и прорываться королем на e2 с выигрышем. Неужели черным не выполнить такого плана с помощью запасных темпов? Если они сразу же после шаха конем с c3 пойдут королем на e6? 5.Kc3+Kрс6 6.Kfd1 Kрс5 7.Kpg4 Kpf6 8. Kpf4 c1Ф! 9.Kpg4 Kpg6 10.Kpf4 Kph5 11. Kpg3. Итак белый король оттеснен, желанное поле f4 близок! 11... Kpg5, становясь в оппозицию и вынуждая белого короля уступить поле f4! Но у белых, оказывается, есть ресурс — 12.Ke4+ Kpf5 13.Kec3 Фa1 14. Kpf3. Ничья.

Ясновидающая дама передала Дине Макаровне по телефону, что Морфи пожал руку невидимому противнику в знак признания ничьей.

Я победоносно посмотрел на своих друзей-шахматистов, на прозаика и драматурга. Ну что, снобы!

Главный редактор молодежного журнала был человеком увлекающимся. Огромного роста, с неседующей кудрявой головой купидона, он с неумемной энергией набросился на меня, требуя популярной статьи о проведенном эксперименте. Он любил «научные сенсации», а меня считал мастером по таким делам, заработавшим на них немало заживших шрамов.

Я, может быть, и на этот раз рискнул бы на такое выступление в печати, если бы не то, что последовало за памятным вечером. Кинозрители расходились тогда, посмотрев на экране вымышленную ситуацию на вымышленной планете, не подозревая, что рядом за дверью, ведущей с главной лестницы, по которой они шли, произошло реальное, но поистине фантастическое событие в наше время на нашей Земле. Но дальше было еще фантастичнее!..

Михаил Михайлович вызвал меня телеграммой в аэропорт, куда прилетал из-за океана. Мы были с ним в очень хороших отношениях, но встречать его на вокзале мне пока не приходилось. Я понял, что у него были на то веские основания.

Самолет «Панамерикэн» с зарубежными опознавательными знаками шел на посадку.

Мне удалось прорваться на летное поле вместе с почитателями наших спортсменов, удачно выступивших за океаном. Очевидно, ради них и были смягчены обычные аэродромные строгости.

Один за другим спускались по трапу молодые, дышащие здоровьем люди, на лету подхватывая брошенные им букеты цветов.

А я с некоторым превосходством смотрел на всех и думал о том, что ТОГО, кто перешагнул порог времени и организовал «матч антимиров», никто не замечает, не приветствует, не засыпает цветами... Признаюсь, я имел в виду не показавшегося на трапе грузного Михаила Михайловича роль которого в организации матча мне уже казалась второстепенной,—я имел в виду самого себя...

Михаил Михайлович сошел на поле одним из последних. Мы обменялись с ним рукопожатием.

— Но какова позиционная ничья!— сразу начал Поддьяков.— Два коня против ферзя с пешкой! Каково!

Я недоуменно уставился на него. Откуда он знает? Я не общался с ним с момента сыгранной с Морфи партии.

— Гроссмейстер,— профессор назвал одно из самых громких

шахматных имен Запада,— в восторге от выдумки своего противника. Она поистине достойна Морфи.

— Как так Морфи?— запротестовал я.— Морфи играл черными, а позиционную ничью сделали белые.

Михаил Иванович улыбнулся.

— Это у вас тут Морфи играл черными, а там, за океаном, Морфи играл БЕЛЫМИ. Черными согласился играть первый гроссмейстер Запада.

— Он поверил в ясновидение?

— Там многие этому верят. А вот как у вас тут поверили?— И он с улыбкой развел руками.

Я чувствовал себя уничтоженным:

— Значит, гроссмейстеры играли не с Морфи, а между собой?— упавшим голосом спросил я.

— Конечно. Иначе партии бы не было! Ведь мы же договорились сделать вклад в шахматную науку.

— Как же передавались ходы? А клерк из Нью-Орлеана?

— Банковский служащий нам много помог. Вы, конечно, помните о знаменитых опытах с подводными лодками? На борту их находилось перципиенты, угадывавшие карты, которые предъявляли им на берегу «индукторы», находящиеся за тысячами километров.

— Да, я слышал, но не придавал значения.

— И напрасно! Один из этих перципиентов и был Нью-Орлеанским банковским служащим. Ему удалось установить контакт с вашей юристкой. Оба думали, что они общаются с прошлым и передают ходы великого Морфи. Хотя на деле связь с прошлым и не была установлена, все же результат эксперимента едва ли нужно считать отрицательным. Тем более что аналогичный эксперимент был проведен с одним из американских космонавтов, находившемся на Луне. Правда, есть сомнения в чистоте эксперимента, кстати сказать, неофициального, если не нелегального.

— Но у нас? Есть же шахматная партия!

— Что бы ни случилось, она пусть украсит шахматные издания. Отчет же об эксперименте — соответствующее отделение Академии наук.

— Кесарево — кесарю,— уныло сказал я и решил не писать для молодежного журнала статьи о победе над временем.

Вместо нее я написал этот рассказ, а позицию из партии переработал в шахматный этюд.

Ю. Фомин

ТАЙНА ЗАМКА ЭВЕЛИН

Глава из повести
«Посланцы голубой планеты».

Поблескивая окнами в лучах заходящего солнца, змейка поезда проворно скользила в горах Таракузы. Прижимаясь к обрывистому склону ущелья и стремительно пролетая по ажурным мостам над быстрыми горными речками, экспресс все глубже втягивался в горы. Ущелье угрожающе сужалось, как бы стараясь зажать в своих гранитных объятиях стремительную беглянку, но она проворно ныряла в туннель и появлялась с другой стороны скалы, продолжая свой бег.

Рут Горн стоял у окна вагона, любуясь суровой красотой этого края, неприступными скалами, бешеной неукротимостью седых клокочущих потоков, дикой прелестью редких деревьев, цепко держащихся корнями за еле заметные трещины в граните.

Маленькая станция Лоретта. Горы отступают от железной дороги, давая возможность разместиться небольшому поселку из не-

скольких десятков живописных домиков, которые как бы прилепились к скале.

Поезд стоит здесь одну минуту, и как только Рут покинул вагон, вновь устремился вперед, исчезая в очередном тоннеле. На станции безлюдно, лишь один полицейский сержант появился на платформе.

— Господин Горн?

— Вы не ошиблись.

— Старший инспектор Рубер поручил мне встретить вас, прошу пройти к машине.

Полицейский взял из рук Горна чемодан и они направились к стоящему у станционного здания автомобилю. Машина рывком тронулась с места и выехала на извилистую горную дорогу.

Полицейский сержант — рослый здоровяк, из-под форменной фуражки выбиваются непослушные пряди рыжих волос, его широкое лицо с крупными чертами выражает добродушие, свойственное смелым и сильным людям.

— Вы местный? — спросил Горн своего спутника.

— Да, — его руки с ювелирной точностью поворачивали баранку, строго повторяя причудливые изгибы шоссе.

— Странно, зачем я понадобился Руберу, что за чудеса происходят в вашем замке?

Лицо сержанта помрачнело, некоторое время он молчал, обдумывая, по-видимому, ответ.

— Да чертовщина какая-то... Не знаю даже как вам объяснить. Не то духи, не то привидения завелись.

— Вот как? Значит, полиция занялась ловлей привидений?

— А вы не смейтесь. Сколько я служу в полиции, ни о чем подобном не слышал.

— Гм... Так что же там все-таки происходит? Честно говоря, я не особенно верю в сказки о привидениях.

— Какие там сказки. Три покойника за неделю и никаких следов убийцы. И все в этом проклятом замке Эвелин.

Сержант замолчал. Разговор явно не клеился. Машина всей мощью заключенных под ее капотом лошадиных сил карабкалась все выше в горы. Сразу после захода солнца стало темно. Яркие лучи фар вырывали из мрака белые столбики ограждения, которые веселой гурьбой бежали навстречу машине. Иногда дорогу преграждали отвесные скалы, и казалось, что дороги дальше нет, но руки сержанта в последний момент поворачивали рулевое колесо, и машина почти вплотную проходила около гранитных исполинов по узкой ленте асфальта, вьющейся вдоль бездонной пропасти.

Неожиданно появилась полная луна и серебристым светом озарила окрестности. Теперь горы отбрасывали длинные тени, что придавало пейзажу какую-то фантастическую нереальность. Еще несколько поворотов, и перед взором Горна возник совершенно сказочный силуэт средневекового замка, венчающего остроконечную скалу. Его башни, устремленные ввысь, резко очерченные призрачным лунным светом, создавали впечатление легкости и воздушности. Казалось, замок был высечен из скалы и являлся ее логическим завершением.

— Замок Эвелин,— нарушил молчание сержант.

— Мы едем прямо в замок?

— Нет, господин старший инспектор ждет вас в Талоне, это здесь неподалеку.

Горн не мог оторвать глаз от чарующей красоты замка, который как бы поворачивался к нему разными сторонами по мере движения машины, дразня своей таинственностью и недоступностью.

Долина стала расширяться, в центре ее искрилась в лунном свете беспокойная горная речушка, чуть поодаль — беспорядочная россыпь деревенских домиков, теснящихся вокруг остроконечного церковного шпиля. Машина замедлила ход и въехала на безлюдную деревенскую улицу, провожаемая ленивым лаем деревенских псов.

Машина остановилась у двухэтажного дома, в котором размещались одновременно гостиница, таверна и деревенская лавочка, где можно купить все, что необходимо невзыскательному деревенскому покупателю.

Большая комната таверны утопала в табачном дыму. За грубыми деревянными столами расположились группы крестьян, пьющих пиво из больших глиняных кружек. На столах бутылки виски, незатейливая закуска. За высокой стойкой в конце зала хлопотал толстый трактирщик. Рукава его рубашки закатаны выше локтей, через плечо переброшено полотенце не первой свежести.

При появлении в таверне сержанта и его попутчика разговоры за столиками смолкли. В эту глушь не часто заглядывают посторонние люди.

— Чино, принимай гостя господина старшего инспектора! — бросил на ходу сержант.

Вытирая руки полотенцем, трактирщик поспешил навстречу гостям.

— Милости просим, давно ждем! Разрешите, я проведу вас в номер. Ульда, встань за стойку!

Из-за занавески, отделяющей зал от служебного помещения, появилась стройная девушка лет восемнадцати. Ее длинные черные

волосы в беспорядке разметались по плечам. Хорошенькое личико светилось любопытством и лукавством.

По скрипучей деревянной лестнице Чино провел Горна на второй этаж.

— Прошу, уж не взыщите, самая лучшая комната.

Номер, где предстояло обосноваться Горну, не блистал комфортом. Деревянная кровать, шкаф, стол, два стула да алая картина, изображающая совершенно невероятный горный пейзаж.

— Прикажете подать ужин?

— Да, пожалуйста.

После ухода трактирщика Горн подошел к окну. За стеклом виднелся таинственный силуэт замка Эвелин, освещенный призрачным лунным светом. Что заставило старшего инспектора полиции Вента Рубера вызвать в эту глушь его, Рута Горна, физика, человека очень далекого от всяких криминальных дел? Рута и Вента связывала давняя дружба, но она не определялась профессиональными интересами. На этот раз случилось нечто необычное, Вент телеграммой просил друга бросить все свои дела и срочно выехать к нему для оказания помощи в проведении расследования странных событий, происшедших в замке Эвелин.

Размышления Горна были прерваны стуком в дверь. На пороге стояла Ульда с подносом. Девушка проворно постелила скатерть, и, сервируя стол, лукаво поглядывала на нового постояльца. Горн чувствовал, что Ульда буквально умирает от любопытства. Наконец девушка не выдержала.

— Простите, вы специалист по привидениям?

Вопрос застал Горна врасплох, такого он никак не ожидал. Девушка поняла замешательство физика по-своему, она хитро посмотрела на него и добавила шепотом:

— Можете на меня положиться, я никому не скажу,— могила! Я сразу догадалась, кто вы такой. Здесь без специалиста по привидениям никак не разобраться, никакая полиция ничего не делает.

— А в чем же здесь надо разбираться?

— А вы как будто не знаете?

— Честное слово, не знаю.

Девушка была явно озадачена таким ответом. Неужели ее проницательность оказалась несостоятельной? Но сдаваться она не собиралась.

— Не хотите же вы сказать, что господин старший инспектор вызвал вас сюда любоваться горами и замком.

— Я пока еще не знаю, зачем меня сюда вызвали.

Настроение Ульды явно улучшилось. Ей первой предоставилась

возможность рассказать столичному гостю о необычных вещах, которые творятся в замке Эвелин. Нет, она не упустит такой возможности! Но и на этот раз девушке не повезло. Как только она собралась начать свое захватывающее повествование, в дверях номера появился Вент.

— Здорово, старина! С приездом.

— Рад тебя видеть, Вент, хотя до сих пор не могу понять, зачем я тебе понадобился, да еще так срочно.

— Всему свое время. Думаю, что ты не пожалеешь о своем приезде. Здесь происходят прелюбопытнейшие вещи и, как мне кажется, есть кое-что и по твоей части.

При последних словах Вента лицо Ульды засветилось торжеством: она не ошиблась в своих предположениях! Однако многозначительный взгляд Вента заставил девушку покинуть комнату.

— Не будем терять времени и приступим сразу к делу,— начал Вент, удобно устроившись на стуле и глубоко затягиваясь сигаретой.— Прежде всего о самом замке Эвелин. Ты уже имел возможность его видеть по дороге сюда, а вот его фотографии,— и он передал Руту Горну пачку фотографий.

— Любопытное сооружение.

— Даже очень. И не только любопытное, но и весьма таинственное. Сплошное нагромождение загадок.

— И даже криминальных?

— В том числе и криминальных, но прежде о самом замке. Он построен не позже XII—XIII веков, но кем неизвестно. Необычная конструкция сооружения, по своему характеру она приближается к строениям более позднего периода, XIV—XV веков.

— Ты стал специалистом по древней архитектуре?

— Что подделаешь, работа в полиции всему научит.

— Почему ты думаешь, что замок был сооружен именно в XII—XIII веках, а не позже?

— Сохранились записки одного венецианского купца, который, спасаясь от преследования разбойников, ушел в горы и здесь натолкнулся на замок. Он произвел на него очень сильное впечатление своим необычным видом и странным поведением его обитателей. По утверждению автора записок, к замку не было дороги, а обитатели замка попадали туда по воздуху.

— Как это по воздуху? Летали, что ли?

— Да, что-то в этом роде.

— Какая-то чепуха!

— Возможно. Перепуганный купчик мог и прихвастнуть, но самое главное то, что описание замка полностью соответствует действительности. Записки датированы 1242 годом.

— А дата не может быть ошибочной?

— Это исключается. Записки содержат другие детали, подтверждающие точность даты. Несколько столетий о замке и его обитателях нет никаких упоминаний, и только в 1657 году в одном из документов есть короткая запись о том, что в горах Таракузы какой-то путешественник обнаружил покинутый замок, но проникнуть в него не мог, так как к нему не было дороги, видимо, она была разрушена.

— Или, если верить венецианцу, ее вообще никогда не было.

— В начале XVIII века эти края начинают обживать и покинутый замок прибирает к рукам граф Эвелин, имя которого и по сей день носит замок. Граф был порядочным негодяем и на своем веку натворил много зла. В замок он хотел перебраться потому, что имел слишком много врагов, жаждавших его крови. Среди обиженных был брат графа, который проклял его за то, что граф Эвелин надругался над его женой, после чего она покончила с собой.

Как утверждает легенда, через несколько лет после того, как граф поселился в замке, он сошел с ума и умер в страшных мучениях. Та же участь постигла двух его сыновей и нескольких придворных. Обитатели замка в ужасе покинули проклятое место. Род Эвелинов вымер, а замок с тех пор пустует. Жители окрестных деревень утверждают, что замок заколдован и что там обитает злой дух или привидение, сводящее с ума и убивающее всех, кого встретит.

— Интересная легенда.

— К сожалению, это не только легенда. Я здесь не для того, чтобы собирать фольклор, а если и занимаюсь этим, то для решения криминальной задачи.

— О, это уже любопытно!

— После гибели графа Эвелина и его приближенных подобные истории повторялись неоднократно, и в последний раз совершенно недавно. В замке действительно гибнут люди по неизвестной причине.

— И ты хочешь поймать за хвост привидение замка Эвелин и передать его в руки правосудия?

— Нечто в этом роде. Этой весной замком заинтересовалась туристская фирма «Эльбионис». Она хотела организовать здесь нечто вроде пансионата. Природа здесь чудесная, воздух отличный и вдобавок ко всему экзотический замок, о котором ходят легенды. Пару месяцев назад сюда прибыли три сотрудника фирмы. Они проводили необходимые обмеры, снимали планы помещений и выполняли другие работы. Но вдруг произошло событие, кото-

рое изменило все. Однажды вечером, возвратившись из замка, руководитель группы Диагат почувствовал недомогание, но не придал этому значения и лег спать. Утром его состояние ухудшилось, начался бред. Вызванный врач не смог поставить диагноз и помочь больному. Диагату становилось все хуже. Он не приходил в себя, метался по постели, рвал на себе белье. На третий день больного отвезли в больницу в Кикавесте, где он вскоре умер, не придя в сознание.

— Каков диагноз вскрытия?

— Лучевая болезнь и паралич сердца.

— Странно... а ты не проверял, нет ли в замке источника радиоактивности?

— Конечно, проверял, ни малейшего следа. Мы теперь не расстаемся со счетчиком Гейгера, но ни разу не обнаружили ничего подозрительного. Вызывали специалиста-радиометриста, все напрасно. Но на этом история не кончилась. После того как Диагата увезли в больницу, его помощники отправились в замок за инструментом. Ушли утром и к вечеру не вернулись. На следующее утро несчастных нашли мертвыми у ворот замка. Вот посмотри.— Вент передал Руту фотографии, на которых полицейский фотограф запечатлел два трупа в неестественных позах. Лица искажены ужасом, тела застыли в попытке отползти от ворот замка.

— Страшная картина.

— Вскрытие показало,— продолжал Вент свой рассказ,— ту же причину смерти, что и у Диагата. Что-то их напугало перед смертью и они торопились покинуть замок, однако смерть настигла их у ворот.

— Очень странно. У тебя есть какие-нибудь гипотезы?

— Не обнаружив в замке источника радиоактивности, мы предположили, что имеем дело с преднамеренным убийством, совершенным с помощью принесенных радиоактивных препаратов.

— А нельзя ли предположить, что погибшие были облучены не в замке, а где-то в другом месте, например, здесь, в Талоне?

— Это могло бы объяснить случай с Диагатом, но никак не смерть его сотрудников. По заключению экспертизы, они получили смертельную дозу облучения перед самой смертью, следовательно, в замке. Что же касается Диагата, то он, по-видимому, получил меньшую дозу облучения, а поэтому умер не сразу.

— Логично, но чем могу быть тебе полезен я?

— Видишь ли, в замке есть какое-то странное сооружение, назначение его мне не понятно. Это больше по твоей части, как физика. У меня возникла мысль, не имеет ли оно отношение к смерти сотрудников «Эльбиониса»?

— Что же это за сооружение?

— В одной из комнат замка стены имеют вид громадных металлических зеркал с незначительной вогнутостью. Я никогда не встречал ничего подобного и не могу понять их назначения.

— Вот как? Расскажи об этом подробнее.

— Пожалуй, сейчас не стоит, это надо увидеть самому. Завтра с утра мы отправимся в замок и ты сам все посмотришь, а сейчас тебе надо отдохнуть с дороги. Фотографии я оставляю тебе.

* * *

На следующее утро Вент, Рут и сержант отправились к замку. Солнце еще только поднималось из-за гор и не успело осушить утреннюю росу. Тяжелые капельки влаги блестели драгоценными камнями, переливаясь всеми цветами радуги. В эти утренние часы зелень, умытая росой, кажется особенно яркой и сочной. У подножья скалы, на которой покоился замок, тропинка переходила в каменистый уступ шириной около метра, который повторял изгибы скалы. Кое-где уступ расширялся, образуя площадки, заросшие кустарником. Видимо, уступ был частью дороги, которую не пощадило время.

— Судя по всему, эта дорога была проложена в свое время графом Эвелином. С тех пор никто не пытался ее восстанавливать, — заметил Вент, — местные жители к замку не ходят.

Подъем по уступу оказался очень утомительным, тем более что по пути попадались колючки, цеплявшиеся за одежду, царапавшие лицо и руки. Наконец друзья добрались до площадки у ворот замка. Ее пересекал пологий овраг, по всей вероятности, в прошлом это был ров, через который перебрасывался подъемный мост, но сейчас края оврага осыпались, а от моста не осталось и следа. Вент показал Руту место, где были обнаружены трупы последних жертв замка. Несчастные не успели даже добежать до оврага.

Друзья вошли под массивные своды ворот, где царил полумрак и сырость. Створки ворот не сохранились, только изъеденные ржавчиной и временем громадные петли напоминали об их существовании. Двор замка густо зарос травой и мелким кустарником. Растительность буйно пробивалась через остатки каменных плит, которыми когда-то был вымощен двор замка. Справа и слева двор замыкался одноэтажными каменными постройками с пустыми глазницами окон и дверей. В центре двора стояло основное здание в три этажа с высокой башней, завершавшейся острым высоким шпилем.

— Боковые флигели малоинтересны,— пояснил Вент,— давай пройдемся по главному зданию, там есть что посмотреть. Обрати внимание на перекрытия, они каменные. Такие перекрытия стали сооружать только в XV—XVI веках, а в XIII веке их делали исключительно из дерева. Окна тоже слишком велики. В XIII веке еще не знали стекла и поэтому старались делать маленькие окна для сохранения тепла в помещениях. Да и вся планировка замка необычна. Ничего подобного нельзя увидеть не только в замках XIII века, но и в сооружениях более позднего времени.

Через полуразрушенный парадный вход друзья прошли в центральный зал главного здания. Вправо и влево от него через пустые проемы были видны анфилады комнат, в центре — лестница, ведущая на второй этаж. Вент предложил пройти сразу в зеркальную комнату, и все трое поднялись по лестнице на второй этаж.

На втором этаже планировка помещений была та же, что и на первом. Пройдя несколько комнат, Вент, Рут и сержант свернули в боковой коридор и оказались в темной комнате. Пришлось зажечь предусмотрительно взятые электрические фонари. Еще поворот и... входящих ослепило множество огней! Вдоль стен комнаты были установлены громадные зеркала, они занимали все стены и отражали свет фонарей. Рут подошел к одному из зеркал, потрогал его рукой. Пальцы ощутили идеально отполированную поверхность.

— Какая тонкая работа! Поразительная чистота! Кажется, что время оказалось бессильным перед этим чудом, даже слоя пыли нет!

— Что ты можешь сказать по этому поводу?— спросил Вент.

— Не знаю, найдутся ли в наше время специалисты, способные сделать что-либо подобное.

Рут обошел комнату, внимательно присматриваясь к зеркалам, пытался царапнуть край перочинным ножом, но на зеркале не осталось даже царапины.

— Если есть зеркала, то они должны что-то отражать,— размышлял вслух Рут.— В комнате темно, окон нет, следовательно, источник света должен быть искусственным. Где же он помещался? Но зеркала вогнутые, следовательно, имеют оптическую ось. Это, кажется, идея!

Осмотревшись кругом, Рут обратил внимание на шесть мраморных подставок высотой около метра каждая. Подставки заканчивались круглыми площадками. Физик очистил от пыли одну из них. Теперь можно было ясно видеть несколько выдолбленных в мраморе углублений, образующих правильный геометрический рисунок.

— Кажется, это то, что мы ищем. Следы крепления каких-то устройств или светильников. Прикинем, что же получается.

Рут на листе бумаги набросал план комнаты с зеркалами и подставками, затем нанес на чертеж оптические оси зеркал. Если светильники располагались на подставках, то можно проследить путь светового луча. Вскоре чертеж покрылся густой сеткой линий, обозначающих пути световых лучей. Сетка покрывала всю комнату, кроме одного угла у входной двери. Стоп, но из этой точки не видно ни одной подставки, их загораживают зеркала! Любопытная точка, и явно не случайная. Да, конечно. Вот и в полу в этом месте легко заметить высеченный в камне круг диаметром около метра. Место для наблюдателя? А почему бы и нет. Надо проверить.

— Есть кое-какая идеяка, Вент. Попробуем ее проверить. Положите-ка с сержантом свои фонарики на подставки. Возьмите и мой.

— Но подставок шесть, а фонарей только три.

— Неважно, кладите на любые, или лучше через одну. Вот так, нет, поверни, чтобы лучик шел в потолок. Вот теперь хорошо. А теперь отойдите к двери комнаты и не мешайте.

Рут встал в круг и заглянул в зеркала.

— Кажется, получается!

— Что же у тебя получается?

— А ну-ка, встань на мое место, вот так. Теперь смотри прямо перед собой, вот в то зеркало против двери.

— Ну, смотрю.

— И что ты видишь?

— Да ничего особенного не вижу, какой-то коридор, который теряется где-то в бесконечности.

— Вот в том-то и дело, что бесконечный коридор. Ведь в поле зрения не попадает ни один посторонний предмет, ни подставки, ни фонари, ни мы с тобой. Блестяще построенная оптическая система! И вогнутость зеркал подобрана очень точно. Если бы зеркала были плоскими, то коридор резко сужался бы, а здесь этого не происходит!

— Конечно, это все очень здорово, но совершенно непонятно,— заметил несколько озадаченный Вент.

— Что-то смахивает на дорогу в преисподнюю,— проворчал сержант, также заглянувший в волшебный коридор. Все происходящее ему было явно не по душе.

— Я думаю, что фонари нужно заменить свечами, это будет ближе к первоначальному замыслу авторов системы,— заметил Рут.

— Свечи достать нетрудно, но для чего все это нужно?

— Подожди, Вент, не все сразу, разберемся во всем по порядку. Во всяком случае, теперь есть за что зацепиться.

— Ну давай думай. Сержант, будьте добры, сходите в Талону и принесите свечей, да побольше.

— Будет сделано, господин старший инспектор.

Сержант с явным облегчением покинул комнату, где того и гляди встретишься с нечистой силой.

— Мне кажется, что есть смысл тщательно обследовать помещения, прилегающие к этой комнате,— предложил Рут.— А сюда мы вернемся, когда будут свечи. Посмотрим, что находится под этой комнатой, внизу.

Друзья спустились вниз и обследовали комнаты первого этажа, но проникнуть в помещение под зеркальной комнатой оказалось невозможно. Оно было изолировано от других комнат.

— Так у нас, пожалуй, ничего не получится,— сказал задумчиво Рут.— Входа здесь нет и никогда не было. Остается только попытаться попасть в это помещение через подвал.

Вход в подвал найти было не так-то легко, маленькая дверь заросла густым кустарником. Замшелая дверь открылась с чудовищным скрипом, из подвала веяло сыростью и плесенью. По узкой и крутой лестнице с полуразрушенными ступеньками друзья осторожно спустились вниз. Несколько поворотов коридора, и лучик фонаря выхватил из темноты окованную железом дверь.

— Кажется, здесь,— сказал Вент, пытаюсь открыть дверь, но это не так-то просто. Наконец, тяжелая дверь поддалась усилиям друзей, и они попали в просторную комнату.

Лучики фонарей вырвали из темноты какие-то гигантские глиняные сосуды цилиндрической формы, которыми заставлена вся комната. Вент споткнулся о какой-то предмет— злое ще пустые глазницы черепа, рядом полуистлевший человеческий скелет.

— Еще одна жертва замка,— заметил Рут,— следы преступления, совершенного много веков назад.

— Видно, крутой нрав был у графа.

— Но что за странные устройства размещены в этом помещении? Ну-ка, Вент, посвети сюда.

Стены подвала поднимались вверх уступами, образующими очень крутую лестницу, по которой Рут стал осторожно подниматься вверх. Теперь он мог установить, что сверху сосуды были закрыты плоскими массивными крышками, сквозь которые пропущены стержни толщиной в человеческую руку. Стержни соединялись между собой перекладинами. Рут счистил ножом пыль с одного из стержней.

— Слушай, Вент, похоже, что эти чертовы сосуды соединены между собой медными шинами по всем правилам электротехники!

— Брось шутить, это же тринадцатый век!

— А я не шучу, это действительно медные шины. Посвети-ка сюда. Вот так. Судя по всему, в XIII веке знали электротехнику не хуже, чем мы. Все сосуды имеют по два вывода и соединены между собой параллельно.

— Да не может быть!

— Лезь сюда и убедись сам.

Уговаривать Вента долго не пришлось и вскоре он вынужден был признать, что Рут прав.

— Давай попробуем вскрыть один из сосудов,— предложил Вент.

— Не выйдет, крышки соединены с сосудами намертво.

— А если разбить?

— Жалко разрушать систему. Ведь это уникальное сооружение.

Продолжение осмотра подвала ничего нового не дало. Он весь был заставлен сосудами, соединенными медными шинами. Шины уходили в стену по направлению к зеркальной комнате. Оставалось только выбраться на улицу и там обсудить сделанное открытие. Впрочем, оказавшись во дворе, друзья вынуждены были серьезно заняться своими костюмами, так как, увлеченные поисками, они совершенно не задумывались о тех последствиях, которые будут иметь их действия для туалета. Пришлось приложить немало усилий для приведения себя в приличный вид.

— Вот это открытие!— восторгался Вент.

— Подожди радоваться, еще ничего не понятно. У меня какая-то путаница в голове. Здесь все надо как следует обдумать. Хорошо бы проверить, что находится над зеркальной комнатой.

— Сейчас это не удастся сделать. Лестница на чердак не сохранилась, а другой нет. Нужно будет принести из деревни.

— А жаль.

— Ничего, чердак от нас не уйдет. Я распорядюсь все приготовить к завтрашнему дню. На сегодня у нас дел и без чердака хватит. Ты обратил внимание на сетку отверстий в стенах второго этажа?

— Нет.

— Пойдем посмотрим.

Стены комнат на втором этаже были покрыты множеством отверстий, выдолбленных в камнях стен, они образовывали правильный геометрический рисунок.

— Странная штука,— заметил Рут, разглядывая отверстия.— Явно древняя работа, но назначение их не понятно. Впрочем, здесь

есть какая-то связь с зеркальной комнатой. Отверстия есть только на стенах, граничащих с ней, на других стенах их нет.

Разговор прервал принесший свечи сержант. Он был крайне удивлен состоянием костюма своего начальника и его друга.

— Где это вы так, господин старший инспектор?

— Да вот лазили в подвал, а там пылица страшная.

Сержант неодобрительно покачал головой.

— Поостереглись бы вы, как бы чего худого не вышло. В деревне о замке всякое говорят. Вот и о Женщине в белом тоже...

— О какой Женщине в белом?

— Да все это выдумки, конечно, но чем черт не шутит, ведь три покойника уже были, кто-то их того...

— Подождите, сержант, я ничего не слышал о Женщине в белом.

— Да о ней все в деревне знают.

— Почему же мне, никто ничего не говорил об этом?

— Да стесняются, видно, боятся, что вы смеяться будете.

— Э, сержант, так не пойдет. Выкладывайте все, что знаете.

И не бойтесь, смеяться я не буду.

— Может быть, выйдем на улицу, господин старший инспектор, а то здесь как-то не того...

Вент улыбнулся. Он понимал суеверный страх этого простого деревенского парня, одетого в форму полицейского сержанта.

— Рут, пошли во двор слушать рассказ о Женщине в белом. Еще одна тайна замка Эвелин!

Все трое удобно расположились на выступах крепостной стены, и сержант начал свой рассказ.

— В деревне говорят, что в замке поселилась Женщина в белом. Она очень красива, но тот, кто ее хоть раз увидел, обязательно умирает. Еще никому не удавалось выжить после встречи с ней, хотя иногда смерть наступает не сразу. Женщина появляется очень редко. Говорят, что это жена брата графа Эвелин, которая покончила с собой. Местные жители никогда не ходят в замок, боятся встретиться с Женщиной в белом. Кому охота умирать? Все здесь думают, что Диагат и его люди погибли после встречи с Женщиной в белом.

— И давно эта Женщина появляется в замке?— спросил Рут.

— Говорят, что очень давно, лет сто, а может, и больше, впрочем, может, врут, конечно.

Последние слова сержант сказал как-то неуверенно, видимо, только для того, чтобы поддержать свой авторитет несуетливого человека.

— Трактирщик рассказывал,— продолжал сержант,— что такой

случай был последний раз лет десять тому назад, а до этого при его жизни еще два раза было, только он уже не помнит точно, когда.

— А как она выглядит, эта Женщина в белом?— спросил Вент.

— А кто ж ее знает, кто ее видел — все поумирали. Кто сразу, кто через несколько дней. Говорят только, что очень красивая и вся в белом и волосы у нее белые.

— Странно, что я об этом ничего не слышал,— задумчиво, как бы про себя заметил Вент.— Это важная деталь следствия.

— Да они нас боятся, господин старший инспектор. Мне тоже сначала не говорили, все равно, мол, не поверишь.

— Ну и как, поверил?

— Да как вам сказать, и да и нет. Трое все-таки умерли. Факты, против них не попрешь. Если бы здесь бандит какой был или еще что в этом роде, ну тогда понятно, а то вдруг Женщина в белом. Да и места здесь спокойные, сколько лет здесь служу — ни одного серьезного преступления. А тут вдруг на тебе, три покойника сразу!

Разговор прервал возглас Рута:

— Смотри, Вент! Вот тебе еще одно чудо!

— Что же тут особенного, обычный громоотвод.

— Ничего себе обычный, это в тринадцатом-то веке!

— Черт возьми, а я об этом даже не подумал. Действительно странно.

— Да и какой громоотвод, сделан со знанием дела! Это целое сооружение, похожее скорее на антенну!

— А не вяжется ли это как-нибудь с сосудами в подвале?

— Я тоже об этом думаю. Связь здесь какая-то должна быть.

— Знаешь что, Рут, давай-ка отправимся в деревню и пообедаем, а то у меня от голода настроение портится. Там и обсудим все.

• •

•

Днем в трактире было пусто. Вент и Рут удобно расположились за столиком у окна и с удовольствием поглощали простой и сытный обед, поданный Ульдой. Утренняя прогулка сделала свое дело.

— У меня появляются некоторые идеи,— начал Рут, когда еду было отдано должное.— Постараемся мыслить логически. Комната с зеркалами, по-видимому, заключена в гигантскую катушку из медных шин, которые мы видели с тобой в подвале. Шины подсоединены к выводам из глиняных сосудов. Эти сосуды могут выполнять роль либо гальванических элементов, либо конденсато-

ров. Второе более вероятно, так как вряд ли есть смысл подключать катушку к гальваническим элементам.

Итак, катушка и батарея конденсаторов, а это уже не что иное, как колебательный контур. Если такой контур зарядить, то он будет какое-то время создавать переменное магнитное поле. Частота колебаний будет зависеть от емкости конденсаторов и индуктивности катушки. Поскольку зеркальная комната находится внутри катушки, то логично предположить, что работа с зеркалами требует действия мощного переменного магнитного поля.

— Логично, но каким образом заряжается колебательный контур?

— Пока не понятно, но, к счастью, сейчас контур не действует.

— Почему ты так думаешь?

— Потому, что если бы контур действовал, то мы не сидели бы здесь и не разговаривали с тобой.

— Что ты этим хочешь сказать?

— То, что людям находиться в высокочастотном поле далеко не безопасно.

— Постой, постой. А каковы последствия такого облучения?

— Вот в том-то и вся штука, что они сходны с лучевой болезнью, а при больших дозах смерть может наступить почти мгновенно!

— Значит, те трое погибли от действия контура?

— Похоже на это.

— Следовательно, контур все-таки действует?

— Судя по всему, не всегда, а только иногда. В определенный момент контур заряжается, и тогда находиться вблизи от него опасно. В первую очередь это относится к зеркальной комнате. Тем троим не повезло. Они находились в замке, когда контур был заряжен.

Рут задумался.

— Я, кажется, догадываюсь, когда это может происходить. Ты помнишь громоотвод на замке?

— Да, конечно.

— Это сооружение наталкивает меня на мысль, что оно и является средством зарядки контура. Другого объяснения я пока не нахожу. Тогда становится понятна периодичность работы системы, она будет зависеть от концентрации атмосферного электричества.

— Это похоже на правду. Помощники Диагата отправились в замок утром шестнадцатого июля, около 10 часов утра, а около 11 погода испортилась и разразилась сильная гроза. Видимо, они пережидали ее в замке. Это и привело к трагедии.

— Кое-что проясняется, но главное остается непонятным — каково назначение установки в замке? Бесспорно, что существует какая-то связь между контуром и зеркальной комнатой. Высокочастотное поле каким-то образом воздействовало на оптическую систему. Но как? Видимо, остается только один путь установить это.

— Какой?

— Дождаться грозы в зеркальной комнате.

— И отправиться на тот свет вслед за Диагатом и его товарищами?

— Нет, зачем же. От действия контура нетрудно защититься, для этого достаточно воспользоваться защитным металлическим экраном. Соорудить его несложно.

— Это другое дело. Что для этого нужно?

— Сейчас прикину.

Рут склонился над листом бумаги. Теперь многое становилось ясным. Оставалось поставить эксперимент, а это стихия Рута — физика-экспериментатора по профессии и призванию. Четкие линии чертежа, колонки цифр, формулы и опять линии чертежа. Все это должно воплотиться в металлические конструкции защитного экрана.

* * *

Дальнейшие обследования помещений замка не принесли ничего нового. В помещении над зеркальной комнатой были точно такие же сосуды, как и в подвале. Подтвердилась догадка Рута о связи колебательного контура с громоотводом. Теперь оставалось ожидать результатов эксперимента. По заказу Вента изготовлялся защитный экран, а Рут, не теряя времени, продумывал детали предстоящего опыта. Наконец экран был сделан и доставлен к воротам замка, и здесь возникло непредвиденное препятствие: рабочие отказались войти в ворота замка. Отказ вывел Вента из себя.

— В чем дело? Экран нужно занести на второй этаж замка.

— Вы уж извините нас, господин старший инспектор, но мы в замок не пойдем, — ответил за всех пожилой рабочий.

— Это почему же?

— Да нечистое это место. Тут и до беды недалеко.

— Да чего вы боитесь? Вот мы только что оттуда, и ничего.

— Так-то оно так, да только это до поры до времени. Вон те, что приезжали, тоже ходили, и ничего, а потом все трое того, сами знаете. Так что вы уж нас простите, вы уж тут как-нибудь сами.

— Вы зря беспокоитесь. Мы уже знаем, почему погибли те

трое. Здесь ничего необычного нет. В замке опасно находиться только во время грозы, а сейчас ничего случиться не может.

— Все это, может быть, и так, господин старший инспектор. Вам, конечно, виднее, но только в замок мы не пойдем.

— С этим народом ничего не поделаешь, Рут, придется нам, дружище, самим устанавливать экран.

Друзья принялись за работу. Им помогал, с явной неохотой, сержант. Служба есть служба. Наконец работа была закончена и экран водворен на место. Теперь можно было и отдохнуть.

— Я, кажется, разгадал еще одну загадку замка,— нарушил молчание Рут.— Ты помнишь отверстия в стенах комнат замка?

— Ну, помню.

— Ты догадался, что это такое?

— Нет.

— Это остатки крепления экрана, который защищал соседние помещения от действия контура. Поэтому контур был не опасен для обитателей замка. Граф Эвелин, не понимая назначения экрана, убрал его и тем подписал себе и своему окружению смертный приговор.

После установки экрана Вент и Рут приступили к подготовке эксперимента. В одном из флигелей замка они оборудовали комнату, где можно было коротать время в ожидании грозы. Вент раздобыл два телефонных аппарата и организовал прямую связь между комнатой во флигеле и зеркальной комнатой.

Было решено, что во время грозы Рут будет находиться в защитном экране в зеркальной комнате, а Вент — во флигеле. Теперь остановка была за погодой. Друзья с нетерпением изучали сводки погоды. И вот, наконец, долгожданный день! С утра погода хмурилась, тяжелые тучи обложили небо, как бы срезав вершины ближайших гор, но грозы не было. Вент и Рут решили отправиться в замок на ночь. Ночью может быть гроза. Пропустить такой случай нельзя.

Когда Чино и Ульда узнали о решении друзей, они пришли в ужас. Ночевать в замке Эвелин! Да это просто безумие! Весть молниеносно разнеслась по деревне. Вскоре таверна заполнилась любопытными. Всем хотелось посмотреть на смельчаков, отважившихся вступить в единоборство с Женщиной в белом. Это люди считали Вента и Рута самоубийцами.

Друзья ограничились только такой успокоительной мерой, как оплата всех счетов, после чего забрали с собой корзину с провизом и термосы с горячим кофе и отправились в путь, чтобы засветло успеть попасть в замок. Там уже все было подготовлено к эксперименту: свечи, электрические фонари, спальные мешки и другие необходимые вещи.

Рут и Вент стояли на площадке крепостной стены. Уже совсем стемнело. Далеко внизу весело светились окна, маня теплом и уютом. Слышался далекий лай собак, блеяние овец. Там внизу текла обычная размеренная жизнь. А здесь резким контрастом возвышалась темная, немая, таинственная громада замка. Она грозно застыла над долиной как посланник далекого чужого мира. Чьи руки возводили эти гранитные стены? Кто ходил по каменным плитам двора? Свидетелем каких трагедий были эти молчаливые стены?

Вдруг где-то вдали небо прорезала яркая вспышка. Гроза! Друзья с надеждой всматривались в черное небо. Но гроза еще далеко, даже раскаты грома не достигали замка. Мучительно медленно тянулось время. Прогрогнув, Вент и Рут прошли в комнату во флигеле, здесь было тепло и уютно. Можно выпить по чашке кофе, отогнать набегаящую дремоту.

Но вот послышались раскаты грома! Друзья выбежали на улицу, ожидание кончилось, гроза приближалась к замку! Подсвечивая себе дорогу фонариком, Рут побегал в зеркальную комнату, зажег свечи, установленные на подставках, и занял свое место в будке экрана. Где-то за стенами замка бушевала гроза, все ближе и ближе мощные раскаты грома. Запищал зуммер телефонного аппарата. В трубке — голос Вента.

— Ну как дела, старина?

— Все в порядке, жду. У меня все готово.

— Желаю удачи.

— Надеюсь. А гроза что надо.

Рут до боли в глазах всматривался в бесконечный коридор, но он по-прежнему был темен. Где-то совсем рядом раздался мощный удар грома, и в этот момент зеркала начали светиться слабым голубым светом! Яркость постепенно увеличивалась, создавалось впечатление, что голубоватое облако отделилось от зеркал и объемно заполнило пространство комнаты. По облаку пробежала легкая рябь, как по воде в спокойном пруду, и вдруг Рут ясно увидел женскую фигуру. Она выступала из облака, четко и рельефно вырисовывалась в пространстве. Это не было похоже на изображение на телевизионном экране или в кино. Создавалось впечатление, что живая женщина находилась в комнате, и достаточно протянуть руку, чтобы дотронуться до нее. Видна каждая складка ее одежды, каждая морщинка.

Женщина сидела в пол-оборота к Руту и смотрела куда-то в сторону. На вид ей было не более тридцати лет, длинные золотистые волосы мягкими волнами спадали на плечи. Правильное овальное лицо с высоким, немного выпуклым лбом, большие серые

глаза, прямой нос, тонкие волевые губы. Она была одета в белую одежду, свободно облегающую ее стройную фигуру.

Женщина была безусловно красива и вместе с тем необычна. Может быть, исключительной правильностью черт лица и форм, каким-то неземным совершенством. Так вот она какая, таинственная Женщина в белом!

Женщина повернула голову в сторону Рута и ее лицо выразило недоумение. Не было сомнения, она видела Рута! Ее губы что-то беззвучно произносили, она чего-то ждала от Рута, но чего? Рут пытался знаками выразить свое восхищение, но она, видимо, его не понимала. В руках у нее появилась прямоугольная карточка, величиной с большую книгу. Она показала ее Руту. На карточке были начертаны какие-то цветные значки, не похожие ни на один из известных на земле алфавитов. Женщина, по-видимому, ждала ответа, но Рут только развел руками, он ничего не смог понять.

Губы незнакомки вновь беззвучно зашевелились, теперь у нее в руках была другая карточка. На ней изображен чертеж Солнечной системы. Рут без труда различил Сатурн с его кольцом, Юпитер, Марс. Женщина указала пальцем на Землю, Рут утвердительно качнул головой.

Только сейчас Рут обратил внимание на настойчивый писк телефонного зуммера. Он схватил трубку и услышал голос Вента.

— Ты жив, старина?

— Да, жив, но очень занят.

— Что же ты делаешь?

— Разговариваю.

— С кем!? Не с Женщиной ли в белом?

— Потом все скажу, сейчас некогда, прости, дружище!

Пока Рут разговаривал по телефону, в руках у незнакомки появился глобус Земли. Он был необычен по оформлению, но Рут без труда нашел на нем знакомые очертания материков и морей. Женщина поворачивала глобус, скользя по нему пальцем, видимо, желая, чтобы Рут указал, где он находится. Вскоре это удалось и палец незнакомки нашел горы Таракузы. Она была явно удивлена. Опять беззвучно зашевелились ее губы, но на этот раз она обращалась к кому-то невидимому для Рута. Через мгновение в руках женщины появилась новая карточка, и когда она показала ее Руту, тот замер от удивления. На карточке был изображен замок Эвелин! Но не в его нынешнем виде, а таким, как он был, вероятно, несколько сот лет тому назад! Придя в себя, Рут утвердительно качнул головой. Наверное, у него был забавный вид, и на лице женщины появилась легкая улыбка.

В этот момент изображение начало постепенно меркнуть, вновь появилась голубоватая вуаль, которая поглотила изображение незнакомки. Облачко потускнело и исчезло. Контур разрядился, сеанс связи окончился. Только теперь Рут понял, что гроза давно уже прошла и раскаты грома доносились откуда-то издалека. Рут бросился к телефону.

— Вент, дружище, только что свершилось чудо! Я беседовал с Женщиной в белом! По всей вероятности, она инопланетянка!

— Брось шутить.

— Я не шучу, это правда. Сейчас я прибегу и расскажу тебе все подробно!

— Подожди, не торопись. Не известно, до конца ли разрядился контур. Давай выкладывай пока по телефону.

В эту ночь друзья не сомкнули глаз. Вент без конца заставлял Руту повторять рассказ о его встрече с незнакомкой, выспрашивая все новые и новые подробности. Когда первые страсти улеглись, друзья решили обсудить первые итоги эксперимента.

— Итак, Женщина в белом это не миф, а реальность,— резюмировал Рут.— И мне кажется, у нас нет оснований предполагать здесь наличия злой воли.

— Но почему тогда она стала причиной смерти стольких людей?

— Мне кажется, что это понятно. Она никого не хотела убивать, да, наверное, и не подозревает об этих трагедиях. Люди, случайно попавшие во время грозы в зону действия контура, становятся его жертвами. Она даже не видит их. Поэтому она удивилась, увидев меня.

— Но тебя-то она видела?

— Конечно.

— Так почему же она не могла видеть других?

— Это вполне закономерно. Мы создали в комнате оптимальные условия для сеанса, я находился на определенном месте, предназначенном для этой цели, наконец, я не пытался убежать при ее появлении. В других случаях все было иначе. Света было мало, люди находились не там где надо, возможно, сразу обращались в бегство при появлении изображения. Кроме того, при несоблюдении оптимальных условий изображение было расплывчатым и неясным. Отсюда легенды о привидениях, ну и, кроме того, роковые последствия от облучения.

— Правдоподобно. Но не понятно еще вот что. Легенды о Женщине в белом появились очень давно, во всяком случае в конце прошлого столетия, если не раньше. По твоему описанию, ей не более тридцати. Как увязать одно с другим?

— Здесь может быть несколько возможных вариантов. Во-первых, внешний вид еще ни о чем не говорит, мы не знаем, сколько лет живут инопланетяне и как при этом выглядят. Возможно, они разрешили проблему бессмертия или хотя бы продолжительность жизни у них исчисляется сотнями лет.

— Ну это ты уже чересчур.

— Почему? Старость это болезнь, с которой мы просто пока не умеем бороться. Но могут быть и другие варианты. Так, например, возможно, мы видели просто не ту женщину, которую наблюдали здесь десятки лет тому назад. Внешняя схожесть по очень бедным описаниям еще ни о чем не говорит. И, наконец, есть третья возможность — это перемещение во времени. Такое тоже исключать не приходится. Ведь время — это область, о которой мы ничего не знаем.

— Все это сложно и воспринимается с трудом. Ну а что ты думаешь о самой установке, для чего она создана и как действует? И откуда, наконец, эта прелестная незнакомка? С какой планеты?

Рут задумался.

— Ты задаешь очень сложные вопросы. Пока можно высказать только некоторые предположения по этому поводу.

— Ну хотя бы предположения, что ты думаешь обо всем этом?

— Что же, попробую. Современная физика знает, что при прохождении светового луча около мощных гравитационных масс происходит его искривление. Можно предположить, что подобное искривление луча происходит и под воздействием других полей, в том числе и электромагнитных. Однако мы подобного явления не наблюдаем, так как поля, с которыми мы имеем дело, слишком слабы и отклонение луча столь незначительно, что его не могут зафиксировать наши приборы. Для реализации этого эффекта есть два возможных пути. Один — это создать сверхмощные поля, другой — заставить световой луч многократно проходить в одном и том же поле и таким образом повысить эффективность его воздействия. Зеркальная система позволяет запереть луч бесконечной длины в ограниченном пространстве.

— Для этого и сооружена была зеркальная комната?

— По всей вероятности, да. Но этого мало. Если замкнутый в зеркальной системе луч поместить в поле, то воздействие последнего будет случайным и разнонаправленным, то есть результирующего эффекта может и не быть. Следовательно, очень важно правильно подобрать параметры оптической и электромагнитной систем. Видимо, такими качествами и обладает установка в замке. А это позволяет искривлять луч, и значительно.

— Ну и что из этого?

— По мнению некоторых физиков, искривление луча света отражает искривление нашего пространства в высших измерениях, а конечность скорости света определяется кривизной пространства.

— Что-то уж больно мудрено. Ты не можешь объяснить попроще?

— Короче говоря, параллельно могут существовать многие миры, не видя и не чувствуя друг друга. Все эти миры охватываются некоторым высшим измерением, недоступным нашему восприятию. Мы не ощущаем того, что выходит за пределы нашего мира, или, иначе говоря, наших измерений. Но при определенных условиях можно преодолеть барьер мерности и оказаться в соседнем мире, или через высшее измерение перенестись в любую точку нашего мира. Не исключено, что через высшие измерения возможно перемещение и во времени.

— Какая-то фантастика.

— Не совсем, просто ты не привык к таким вещам. Но продолжу цепь рассуждений. Преодоление барьера мерности можно ожидать при местном искривлении нашего пространства. Таким образом, установка в замке может быть именно таким устройством.

— Следовательно, установка в замке это окно в другой мир?

— Не исключено. Сегодняшнее свидание убеждает меня в реальности такой версии. Хотя возможно и другое. Установка позволяет через высшие измерения осуществлять связь на громадные, по нашим представлениям, расстояния в десятки и сотни световых лет.

— Значит, Женщина в белом это представительница другого мира, бесконечно удаленного от нас?

— Всякое понятие о расстояниях условно, все зависит от средств, которыми мы располагаем. Сейчас путешествие из Лондона в Токио занимает несколько часов, а наши предки тратили на такое путешествие месяцы и даже годы.

— Допустим, что все это так, но как тогда объяснить появление в XIII веке сооружения, которое по техническому совершенству превосходит то, что может создать техника второй половины XX века?

— Мы не знаем, кто создал это сооружение. Видимо, это дело рук не жителей Земли. Кто-то посещал нашу планету в ту далекую эпоху и соорудил это чудо техники.

Друзья еще долго обсуждали различные аспекты встречи с незнакомкой. Только под утро усталость взяла свое, и Рут и Вент заснули богатырским сном, забравшись в спальные мешки.

Возвращение друзей в Талону вызвало настоящую сенсацию. Никто из жителей деревушки не надеялся видеть их живыми. Несмотря на ранний час, таверна была заполнена народом. Все хотели услышать о том, что произошло этой ночью в замке. Но Вент и Рут не были словоохотливы и не упомянули даже о встрече с Женщиной в белом. Разве могли бы люди понять и поверить? Слишком сильны в них суеверия и предрассудки. В лучшем случае их подняли бы на смех и сочли бы ловкими врунами, но это в лучшем случае, а в худшем... не известно, как бы обернулись события.

Друзья решили следующую грозу встретить в зеркальной комнате вдвоем. Для этого пришлось расширить кабину. Кроме того, на кабине установили грифельную доску, чтобы облегчить, таким образом, общение с незнакомкой.

Опять начались дежурства в замке в ожидании грозы. В Талоне уже привыкли к этому и перестали обращать внимание на друзей. Наконец, наступил долгожданный момент — с севера на замок надвигалась громадная черная туча. Еще издали были видны вспышки молний. На этот раз все происходило днем. Вент и Рут зажгли свечи на подставках и заняли свой пост в зеркальной комнате.

Гроза подошла к замку. И вот снова появилось голубоватое облачко, оно становилось все ярче и ярче, легкая рябь пробежала по его поверхности. Как и в прошлый раз, женщина возникла из облачка объемно, рельефно. Для нее присутствие людей уже не было неожиданностью. Женщина приветливо улыбалась и сделала легкий знак рукой.

Незнакомка первая начала разговор. Она показала друзьям карточку, на которой, к великому их удивлению, был написан текст на их родном языке:

— Мы рады познакомиться с вами, но дальнейшая связь таким способом невозможна. Установка в замке должна быть уничтожена.

— Почему? — написал Рут на грифельной доске.

Женщина внимательно посмотрела на написанное, направила на текст какой-то прибор в виде коробочки, а потом провела этой коробочкой по карточке. На карточке появился новый текст:

— Человечество не подготовлено к получению такого средства связи, оно получит его позже, сейчас оно может принести вред.

— Можем ли мы сохранить связь с вами? — спросил Рут.

И опять появилась карточка с текстом:

— Да, можете, но только другим способом.

— Каким?

— Об этом мы сообщим вам позже. Сейчас у нас мало времени.

— Как вы нам об этом сообщите?

— Ждите нас, мы скоро дадим вам о себе знать. Будьте внимательны и терпеливы.

— Что мы должны сейчас сделать?

— Сразу же после сеанса покинуть замок. Остальное мы сделаем сами.

— Замок будет уничтожен?

— Нет, будет уничтожена только установка.

Женщина улынулась друзьям, она старалась подбодрить их. Вновь появилась карточка с текстом:

— Не горюйте, мы расстаемся с вами ненадолго. Уничтожение установки необходимость, кроме того, такой вид связи очень удобен и надежен. До скорой встречи!

Вент и Рут внимательно всматривались в черты лица незнакомки, стараясь запомнить их. Опять появилась карточка:

— До скорой встречи, друзья!

Изображение постепенно меркло, обволакивалось голубоватым облачком и наконец исчезло. Друзья долго молчали, не в силах произнести ни слова. Слишком сильное впечатление произвела на них эта встреча. С тяжелым чувством они покидали замок.

— Выше голову, старина, чего нос повесил!— нарушил молчание Вент.— Я верю, они найдут нас, и очень скоро. Если бы это было не так, то они бы уничтожили установку сразу после первого сеанса, а они ждали второй встречи с нами.

— Наверно, ты прав, и все-таки жалко расставаться с тайной замка Эвелин.

— Ты обратил внимание, что она просила быть нас внимательными и терпеливыми? Вдумайся в это. Отсюда следует, что мы не должны быть пассивными наблюдателями. Мы должны искать. Искать сами, а они нам помогут.

По скалистому уступу друзья спустились на равнину, остановились у подножья скалы и смотрели на замок, который гордо возвышался над ними. Вдруг раздался приглушенный рокот, центральная башня замка окуталась дымом и пылью, которые сползали вниз по склону горы медленно рассеиваясь.

Вновь наступила тишина и ничто не напоминало о случившемся, но чудо замка Эвелин перестало существовать.

М. Бубнова, В. Келасьев

БИОН

Вечерний обход лаборатории Николай Николаевич закончил в кабинете Биона.

Робот, во всем внешне напоминающий человека, сидел перед пультом управления и следил за происходящим на экране.

Едва взглянув на Николая Николаевича, Бсион повернул переключатель, и, подчиняясь его команде, автоматы в далеком виварии сразу же стали подавать нужные растворы и вещества и создавать необходимую атмосферу. Сейчас действовал разработанный им код восстановления — и в переменчивых и усложняющихся на глазах Николая Николаевича формах скоро уже угадывались очертания конечностей, длинного, переходящего в хвост туловища, головы с крупными челюстями. Уцелевшая часть скелета давно умершего животного с чужой планеты превращалась в крупную глыбу плоти. Скорее всего животное напоминало вымерших на Земле карнозавров. Оно поднялось на задних конечностях, сделало

несколько шагов, волоча за собой гигантский хвост, и оглянулось. В его глазах появилась тревога; оно не находило привычного для себя мира: ни выпестовавших его водоемов, ни дымящейся паром земли, ни бог весть чего еще из окружавшей его среды на затерянной где-то планете. Животное заметалось по огромному залу.

— Ничего интересного,— Бион посмотрел на Николая Николаевича.— Интеллект лишь в зародыше.

— Я доволен вашей работой,— уклоняясь от дискуссии, сказал Николай Николаевич.— Остальные сотрудники еще далеки от разработки кодов восстановления.

— Думаю, что и у них будет что-нибудь в этом роде.— Бион выключил экран.— В космосе нет ничего даже приближающегося по сложности к человеку. Мы должны воскрешать не этих тварей, а людей.

— Пока мы создаем лишь простейшие оживляющие устройства,— заметил Николай Николаевич.

— Да. Но можем гораздо большее.— Бион выжидательно посмотрел на Николая Николаевича своими зелеными глазами.— И на тех же принципах. Каждая живая клетка способна воссоздать целое — организм, частью которого когда-то была. Она помнит это целое в тысячах мельчайших и сложных подробностях. Дело лишь в усовершенствовании техники пробуждения памяти клетки. Я предлагаю выделить самостоятельную исследовательскую группу, свободную от текущих дел. Пусть она разрабатывает общую теорию восстановления органических структур и занимается воскрешателем.

— И включить в нее вас,— усмехнулся Николай Николаевич.— На создание такой группы мы пойти пока не можем. Лаборатория перегружена: на Землю возвращаются сотни экспедиций с разных планет. Они доставляют бесчисленное множество останков обитавших там форм. Мы едва справляемся с их оживлением. О группе, занимающейся только «воскрешателем» для людей или чистой теорией, сейчас не может быть и речи. Я говорю вам об этом и сам сожалею.

— И тем не менее вы запрещаете мне даже думать о воскрешателе?

— Отчего же,— Николай Николаевич держался по-прежнему ровно, уходя от ссоры.— Я не собираюсь использовать свои административные права. Но это не должно мешать вашим повседневным обязанностям.

Они попрощались.

Бион ушел в свою комнату, расположенную внутри лаборатории, а Николай Николаевич, постояв несколько минут в коридоре, направился в другой конец огромного здания.

Прошло несколько дней. Блон при каждом удобном случае заводил с Николаем Николаевичем разговор о воскресителе. Николай Николаевич, уставший от текущих дел, решил с ним обо всем откровенно поговорить. Дождавшись конца дня и видя, как выходит из рабочего кабинета Блон, направляясь к себе в комнату, Николай Николаевич последовал за ним.

Он постучал, и сразу же на него через верх матового стекла глянуло лицо Блона. На нем отразился испуг: видимо, он совсем не ожидал увидеть заведующего лабораторией у себя в это время. Губы его что-то произнесли, но прошло несколько минут, прежде чем он открыл дверь. В комнате царили следы наспех замаскированного беспорядка: к окну были сдвинуты несколько новеньких биологических анализаторов, из-за шкафа к ним вели провода, на столе вперемешку были разбросаны логические схемы, кодирующие устройства и еще множество других приборов, хорошо знакомых Николаю Николаевичу по практике оживления.

— Я к вам без особой необходимости,— чувствуя неловкость, начал Николай Николаевич.

— Проходите,— Блон пригласил его к комнате и предложил сесть на диван, служивший, по всей видимости, и постелью, потому что кроме кресла в комнате ничего больше не было.— Я знал, что вы появитесь.

— Вот как!— брови Николая Николаевича взметнулись.

— Вас тревожит воскреситель. Вы пришли сюда из-за опасения, как бы я не создал его один и не натворил с ним чего-то такого, за что с вас, как начальника лаборатории, спросят.

— Вы проницательны,— чувствуя, что разговора может не получиться, ответил Николай Николаевич.— Я здесь именно поэтому. Вы наделены огромной самостоятельностью. И, преследуя какие-то свои цели, стремитесь создать воскресителя. Естественно, что меня это тревожит и интересует.

— Больше тревожит,— заметил Блон.

— Пусть так,— сухо ответил Николай Николаевич.— Но постарайтесь взглянуть на все с моей точки зрения. Если бы вы действительно преследовали чисто научные цели, то не проявляли бы такой настойчивости. Вы буквально извели меня своими разговорами о необходимости работ над воскресителем. Что стоит вам подождать, внять моим доводам—ведь они самоочевидны. А сейчас я просто ошеломлен: то, что вижу у вас, может быть уже готовыми частями воскресителя, только разобранными, разъединенными—функциональная роль их слишком ясна. Я не предполагал, что вы зашли уже так далеко. Почему вы делаете все тайне от меня?

— Поверьте, я никогда не выйду за границы дозволенного. А говорить конкретно о своих целях я пока не могу.

— И внутри дозволенного есть много странного,— заметил Николай Николаевич.— Но я рад, что вы сказали наконец хотя бы часть правды.

После этого разговора несколько недель все шло внешне нормально: Николай Николаевич здоровался при встрече с Бионом, они подолгу говорили о текущих делах. Но однажды, справившись со своей задачей быстрее, чем обычно, Блон подошел к Николаю Николаевичу и попросил разрешения уйти к себе. Перегруженный делами Николай Николаевич непроизвольно кивнул, но едва Блон удалился, почувствовал какую-то смутную тревогу. Отложив дела, он последовал за роботом.

На его глазах за Бионом захлопнулась дверь. Подчиняясь внезапному чувству, Николай Николаевич несколько минут стоял неподвижно, потом прошел несколько десятков метров по огромному коридору, остановился и медленно пошел назад.

Услышав звук, он быстро обернулся: из комнаты Блона выходил человек. Николай Николаевич не раздумывая направился навстречу. Человек шел очень быстро, глядя прямо перед собой. Лицо его было бледным и сосредоточенным.

«Мало ли чудакон бывает у робота»,— подумал Николай Николаевич, но подойдя ближе, почувствовал: что-то резко выделяет этого человека. Что именно — он понять не мог. Николай Николаевич намеревался остановить его, спросить о чем-либо. Но человек явно избегал встречи с Николаем Николаевичем. Он быстро свернул на лестницу, ведущую к выходу из лаборатории, и исчез.

Прошло еще несколько дней. Образ человека не выходил у Николая Николаевича из головы. Отложив дела, он внимательно наблюдал теперь за Бионом. Неделя, вторая ему ничего не принесли, и он почувствовал, как начинает исчезать неясная ему самому тревога. Но однажды, стоя в конце коридора, он снова увидел, как из комнаты Блона вышел человек. Такой же сосредоточенный, торопящийся покинуть лабораторию. Он не входил в комнату Блона — Николай Николаевич был в этом уверен,— но выходил из нее, странный, будто вырванный из иного мира. Николай Николаевич едва не вскрикнул от внезапно поразившей его догадки.

Через несколько минут он был уже у психоаналитика лаборатории. Тот выслушал его сбивчивый поток слов и сухо заметил:

— Вы должны были выложить мне свои подозрения раньше.

Через несколько минут они были уже возле комнаты Биона. Психоналитик постучал, но им никто не ответил. Николай Николаевич постучал снова. И снова молчание.

— Откройте,— выкрикнул Николай Николаевич.— Вы не имеете на это права.

— Не берите на себя слишком много,— начал психоналитик.— Вы даже не человек.

Они слышали только торопливые шаги за стеной и мерный гул работающего аппарата.

— Откройте,— снова крикнул Николай Николаевич и ударил в дверь.— Нам все теперь ясно.

Шум работающего аппарата стих, снова слышались шаги и звуки разъединяемых частей металла.

Переглянувшись, Николай Николаевич и психоналитик начали взламывать дверь.

Когда она затрещала и уже совсем поддалась, раздался голос Биона:

— Я открою вам сам.

Бледный, но улыбающийся, он стоял на пороге и не торопился их пропускать. Они оттолкнули его и ворвались в комнату.

Воскреситель был еще на полу — Биону в спешке не удалось разобрать его на внешне безобидные блоки. Огромное, напоминающее эллипс тело пульсировало под давлением биологических масс. Бесчисленные вычислительные устройства, регуляторы биологических кодов — Николай Николаевич и психоналитик произвольно остановились перед этой машиной.

— Вы оживляете людей,— прошептал Николай Николаевич.— А со мной говорите о важности и необходимости этого.

Бيون ничего не ответил, он, видимо, понял, что возражать в такой ситуации бесполезно.

— Сколько же, я спрашиваю, лет вы этим занимаетесь, сколько лет ведете с нами игру?

— Игру?— Бيون посмотрел на Николая Николаевича.

— Да. Потому что из этой машины выходили не люди. С человеческой оболочкой, но не люди. Законы восстановления тонких человеческих структур непостижимы пока по своей сложности. И нужно много лет, чтобы их выяснить...

— Я все уже выяснил,— оборвал его Бيون.— Пока такие, как вы, рассуждали о сложности.

— Что вы брали для восстановления?— спросил Николай Николаевич.

— Части черепа. По моим расчетам, они лучше всего подходят для реконструкции.

— Почему воскрешенные избегали меня?

— Потому что я им это внушил. Они избегают людей вообще, а не только вас. Им нужно сначала привыкнуть к людям.

— Вы разработали и программу приспособления воскрешенных к жизни?— спросил психоаналитик.

— Да,— ответил Бион.— Я вынужден был это сделать. Их действия пока безотчетны, у них нет еще личности. Их поведение попросту управляется набором заложенных мной программ, не более. Но это фаза подготовки к скачку в жизнь. Скоро им будет казаться, что у них было детство, прошлое, что они обыкновенные люди. Я работал над этим не меньше, чем над самим воскрешителем и, поверьте, кое-чему научился.

— Механический авантюрист,— процедил Николай Николаевич.— Нам еще неизвестны ваши мотивы. Даже если и оставить это в стороне, то где гарантия, что эти люди сумеют войти в нашу жизнь, что они не будут раздавлены, уничтожены изменениями, которые в ней произошли? Почему вы считаете, что право решать судьбу этих людей принадлежит только вам? Какое имели право давать им вторую жизнь — наш мир в конце концов просто не рассчитан на это! Понимаете ли вы, сколько проблем решили сразу за человека? Самостоятельно, без всякого на то права.

— Я попытаюсь все объяснить,— пробормотал Бион.

— Это вы сделаете потом,— оборвал его Николай Николаевич.— А сейчас скажите — кто эти люди?

— Не могу,— Бион выглядел жалко.— Не могу, поверьте. Этого нельзя делать сейчас.

— Не вам об этом судить,— произнес психоаналитик.— Вы обязаны нам подчиняться.

— Да. Но только когда это приносит пользу.

— Мы возьмем судьбу этих людей в свои руки,— сказал Николай Николаевич.— А для этого должны знать, как они вошли в нашу жизнь, кем стали теперь. Какая у них биологическая структура, в чем отклонение психики от нормы — поверить в то, что они здоровы и биологически, и психически я не могу.

— Вы не должны сейчас ничего требовать от меня,— вскрикнул Бион.— Вы только все разрушите...

— Вы не можете ослушаться,— психоаналитик холодно и властно смотрел на Биона.

Тот несколько минут боролся со взглядом психоаналитика, а потом произнес:

— Вы слишком многого не понимаете в сложившейся ситуации — были бессильны в свое время перед техническими пробле-

мами воскресителя, бессильны сейчас и перед психологическими и моральными. Прошу вас, не мешайте мне.

— Вы попросту вышли из-под контроля,— произнес Николай Николаевич.— Идея служения человеку в лаборатории по восстановлению живых форм вылилась у вас в идею воскресителя. Вы уже заражены ей, жить для вас — значит воскрешать. Вы будете воскрешать, пока будете существовать. Вы насильственно вталкиваете человека во вторую жизнь и говорите: живи. И не знаете, благо это для человека или зло. Ваше изобретение преждевременно. А может быть, и не нужно. Человек рассчитан только на одну жизнь, и вы не имеете право решать за него, сколько ему нужно жизней. Никто перед вами такой цели не ставил. Ваше существование сейчас просто бессмысленно.

— Вы собираетесь лишить меня этого права?— тихо спросил Бион.

— Да,— твердо ответил Николай Николаевич.— В сложившейся ситуации иного выхода я не представляю. Инструкция на этот счет достаточно определена. Вы понимаете, чего я от вас хочу?— Николай Николаевич посмотрел на психоаналитика.

Чем был для них Бион? Он должен был расплатиться сейчас за то, что понимал добро не так, как они. Завтра его должен был сменить другой робот, никогда не ставящий себе целей. Он был просто испорчен, «заражен», что из того, что идеей? И потерял свой функциональный смысл.

Психоаналитик несколько минут медлил, но потом все же подчинился воле начальника лаборатории.

И сразу же по нервной системе Биона ударил пучок разрушающих импульсов. Чтобы не причинять Биону боли, Николай Николаевич подошел к нему и отключил сознание. Остальное было делом часа. Они делали все быстро, заученными движениями, разбирая бесчисленные узлы и схемы.

И вот перед ними вместо Биона простые электронные блоки.

Николай Николаевич и психоаналитик несколько мгновений смотрели на них — может быть, в их взглядах и проскользнуло сожаление. Но в следующую минуту они уже искали то, что должны были искать, — списки воскрешенных Бионом людей. Они должны были быть в его комнате, Бион не мог не предвидеть случившегося и не подумать о том, чтобы списки попали в руки людей.

— Никогда не приходилось раньше исправлять авантюризм машины,— заметил Николай Николаевич.— Мы теперь обречены возиться с этими людьми до конца своих дней. Найти их, потом ввести в нашу жизнь, адаптировать психику и биологию — задачам я не вижу конца.

Он говорил что-то еще, но психоаналитик молчал. Вдвоем они перерыли все в комнате Биона, ничего не найдя, пока, наконец, Николай Николаевич не взял в руки одну из тетрадей. Открыв первую страницу, он увидел ровный почерк Биона. В следующее мгновение он почувствовал себя маленькой точкой, затерянной в безграничных пространствах: на странице были его имя, фамилия, место работы — первым воскрешенным человеком был ОН САМ.

— Но как? — прошептал он, чувствуя, что все в следующее мгновение для него остановилось: и собственное сердце, и далекие звезды, и жалкая улыбка на лице психоаналитика, вырвавшего у него из рук тетрадку. — Как можно все объяснить? И возразить. Выходит, он оберегал меня от правды, боясь травмировать мою душу. Сделал так, что я ежедневно, ежечасно наблюдал восстановление живых форм — и этим готовил меня к случившемуся. Ни о чем не подозревая, я жил подаренной им жизнью, но отнял у него единственную.

Николай Николаевич наклонился к грудке блоков, схватил несколько из них и лихорадочно попытался соединить. Он знал, что это бессмысленно, что никакая сила не оживит уже Биона, но делал это с настойчивостью маньяка. И чудилось ему, что его усилия высекают искорки жизни.

О. Николаев

КВАРТИРА ЧУДЕС

— Хочешь поехать вечером в «Фантазиум»? — предложил мне давний мой приятель Никита Паромов.

Слухи о существовании в городе подозрительного места, где совершались загадочные события, уже несколько раз доходили до меня из разных источников.

И вот мы стоим перед дверью, плотно обтянутой бурой, ско-стенелой от древности кожей, в старинном каменном доме на маго-освещенной улице с палисадниками. Пока Никита вызванивал хитроумный код, я на всякий случай посмотрел на часы. Было без четверти девять.

Долго никто не отзывался на наши сигналы. Изнутри не доно-силась ни звука.

— Может, ошибся? — бормотал приятель. — Не так позвонишь — не туда и угораздишь. Однажды мне открыл — представь только! — старый японец.

Заметив мое недоумение, Паромов добавил:

— Когда несколько квартир совмещены в пространстве...

Дверь бесшумно распахнулась. Широкоплечий гигант с черной окладистой бородой и пронзительными, но добрыми глазами кивнул Никите:

— Давно, брат, пора.

— Будьте любезны, здесь живет... ох, эти дома без лифтов!

— Профессор Ахад-Березов, — раздался за моей спиной модулирующий бархатный голос. Таким обладают люди с прочным положением и сильно развитым чувством собственной значимости. Повернувшись, я разглядел при тусклом свете человека с широкими ушами. Он несколько задохнулся, поднимаясь на третий этаж, и теперь ловил воздух ртом.

— Виктор Маркелович Толченев, кандидат ...ских наук? — то ли вопрошая незнакомца, то ли представляя его нам произнес чернобородый.

— Справедливо-с! Я получил ваше послание, где вы упоминаете о моей книге «Реальная Вселенная и фантастические спекуляции». Ваше неожиданное приглашение...

— Прошу, — властно сказал гигант.

Мы очутились в длиннейшем коридоре. Дверь сама захлопнулась за нами.

С недоумением я осмотрелся. Рассеянный свет, похожий на лунное сияние, струился неведомо откуда. Источника, сколько ни пытался я разглядеть, не было видно. Мой приятель и чернобородый куда-то исчезли. Мы остались в сумрачном коридоре вдвоем с Виктором Маркеловичем.

— Скажите, вы тоже...гм...на совещание? — обратился он ко мне, а сам беспокойно оглядывался, и на его гладком лице отобразилась тревога.

— На совещание? С каких пор на частных квартирах...

Как бы из воздуха перед нами возник Ахад-Березов. Учтиво обхватив Толченова за талию, он дружески повлек его через коридор. В дальнем конце мелькнул зеленоватый свет — и оба скрылись. Мною никто не интересовался. Это меня немного обидело, и я решил, что имею право действовать самостоятельно.

Проходя по непомерно длинному коридору (странный дом, весьма неэкономная планировка!), я вскоре заметил справа и слева ряд дверей, смутно проступавших на фоне стен, испещренных фосфоресцирующими спиралями, сферами, треугольниками и более сложными фигурами из геометрии и астрономии. Призрачно мерцающая, загадочные символы красовались на каждой двери.

За некоторыми из них царила настороженная тишина. Но едва

я задержался возле низкой серебряной дверцы, мне почудилась тонкая музыка, от которой начала кружиться голова. Вокруг замелькали прозрачные феи; играя на маленьких арфах, они хоро- водом вились около меня и манили вдаль таинственными очами. Поспешно я отошел прочь от коварного места.

Кое-где с изумлением я слышал (или мне казалось?) щебе- тание птиц, приглушенный рев неведомых чудовищ, грохот морско- го прибора. Были и другие, невероятные в данной ситуации, звуки и шумы. Однажды я различил далекое ржание и топот коней, лязг оружия и крики сражающихся. А из-за выпуклой, полыхающей пур- пуром двери явственно прозвучали ликующие возгласы тысяч людей...

Не удержавшись от соблазна, я нажал на ручку лучшей из изумрудных сияний дверцы. Она тихо приоткрылась.

Передо мной расстилалась (поверить ли глазам!) веселая лу- жайка, с ромашками и колокольчиками. Дальше — шелестела дубо- выми и березовыми кронами роща, светлая и нарядная, насквозь пронизанная зеленоватыми лучами солнца, сиявшего с неоглядного фиолетового неба. Слева я заметил изгиб реки и плывущую по ней ладью под парусами.

Вблизи на лужайке находились несколько человек — взрослых и детей. Одни играли большим оранжевым мячом, подбрасывая его так, что он уменьшался в точку, да и сами игроки часто как бы плавали в воздухе, непринужденно и ловко; некоторые прогули- вались в роще, неторопливо беседуя; иные дремали в креслах- качалках, похожих на фантастические летательные аппараты.

Ошеломленный, я ничего не мог понять. Тут ко мне подошел быстрыми упругими шагами курчавый бородач, юный и могучий, как олимпийский бог, в алом костюме, с ракеткой в руке, и строго спросил:

— Вы к кому?

Я пробормотал, что профессор Ахад-Березов пригласил меня с Паромовым... Вдруг я разглядел, что бог, стоявший передо мной на ступеньке из зеленого камня, и есть сам Ахад-Березов, только значительно помолодевший, бронзово-загорелый.

— А, вы пришли с Никитой, но это не сюда, а в «Дискуссий», в конце коридора, — любезно сказал Ахад.

Пролетев извинения, я захлопнул дверь и, вытирая пот со лба, прислонился к стене. Ну и квартирка у профессора! Уж не подпольный ли он миллионер? — отгрохать этаким зимний сад! Та- кого не имела, наверное, Семирамида. Но как же, однако, река? Откуда желто-салатные облака в высоком небе? И солнце — зеле-

новатое, не знойное, а ласково-теплое? А на часах моих — без малого девять вечера...

Постояв в коридоре, где по углам и за полками с вереницами книг суетилось мышинное племя, я побрел дальше. Но через несколько шагов снова, не утерпев, подкрался на цыпочках к бронзовой двери в проеме между полками и надавил на нее.

У моих ног, далеко внизу, лежала необозримая горная страна, вырванная из тьмы скупым сиянием папельно-серого небесного тела, в десятки раз большего нашей Луны. Остроконечные угрюмые скалы вздымались причудливыми шпильями, нависая над пропастью. То был безмолвный, застывший в миллиардолетней неподвижности мир. Он едва угадывался в пепельном свете близкого спутника и безнадежно далеких звезд.

Рискуя свалиться, от нахлынувшей слабости и головокружения, с порога в этот дикий мир, я отчаянно уцепился левой рукой за дверной косяк, а правой что было сил потянул дверь на себя. Угрюмая планета исчезла.

Безотчетный страх овладел мною. Я ринулся по коридору в ту сторону, куда Ахад-Березов увел Виктора Маркеловича. И новая необъяснимая странность! Чем быстрее я бежал, тем длиннее становился коридор впереди, тем чаще мелькали украшенные символами двери по сторонам. Я миновал их, должно быть, не меньше сотни, а может, и тысячи. Наконец ноги мои подкосились. Случайно рядом оказался дряхлый венский стул.

Не успел я перевести дыхание, тоскливо оглядывая нескончаемый коридор, откуда-то мне на плечо прыгнул черный попугай величиной с доброго петуха, развернул веером крылья и басовито захохотал.

— Рад пр-р-иветствовать! — крикнул он браво. — Га-га! Тоже р-ре-шили вступить на тр-ро-пу, ведущую в Тер-ра Инкогнита?..

Смахнув попугая с плеча, я вновь припустил по коридору. Мяуханье, пронзительный писк, птичий гомон, нечеловеческий хохот и рык преследовали меня. Над головой проносились длинноносые серые тени. Я заторопился, чествуя на все корки Никиту Паромова, свергнувшего меня в колдовской притон.

На этот раз я бежал недолго — и с размаха налетел на незамеченную мною дверь, которая ограничивала коридор. Она открылась.

...— мы собираемся в «Дискуссии», чтобы не будучи стесненными этикетом официальности и традиций...

В гостиной, озаренной светом настольной лампы под солнцеподобным абажуром, с подставкой, изображавшей огнедышащего дракона, сидело вокруг резного стола на низких ковровых диванах

десятка даа людей. По углам в громадных аквариумах под финиковыми пальмами неторопливо плавали стаи рыб невиданных форм и расцветок. Мелодично зашел миниаюрный водопад, сбегая по скалистым уступам в одном из углов.

Стены, пол и потолок были необычны. Они сияли, мерцали, пульсировали янтарными фигурками, вроде тех, что я видел в коридоре. Здесь, однако, фигуры, казалось, жили и двигались. Вглядываясь в некоторые из них, я заметил, что они все время меняли очертания. Среди дышащих золотистым светом фигур я видел древние знаки зодиака, спирали, огнистые шары галактик. Они тоже поминутно изменяли свое местоположение и контуры. Такой роскоши, как эта облицовка стен и потолка, как этот волшебный живой паркет, я не встречал ни в одном музее! Индийские раджи могли бы умереть от зависти при виде здесьнего великолепия.

Говорил Ахад-Березов. Непостижимо, каким образом он из-за двери с лугом и рощей успел пройти сюда, обогнав меня и вновь переодевшись в вечерний костюм. На меня никто не обращал внимания, только Никита протянул руку, указывая свободное место. Я вызывающе пересек комнату и расположился в кресле.

Через стол, уставленный как бы только что сорванными алыми, рубиновыми, ярко-желтыми плодами в затейливых вазах, похожих на застывшие струи фонтанов, восседал с хмурым достоинством Виктор Маркелович Толченое. Кое-кто из собравшихся в «Дискуссии» после внимательного рассмотрения тоже показалея мне знакомым. Было здесь несколько женщин.

...— правильное понимание характера и смысла Вселенной необходимо земному человеку, как воздух...

Чудак этот Ахад! Без понимания, что такое Вселенная, любой обойдется прелотлично. Я встречал много людей, для которых мир выглядит удобным, когда ограничивается плоскими, в розовых цветках обоев, стенами их квартир да двумя-тремя улицами, по которым эти люди спешат на службу, в магазин или кино. Взгляните на рыб в аквариуме: вселенная — их жалкий стеклянный ящик, наполненный давно обжитым ведром воды. То, что смутно вырисовывается по другую сторону стекол, — столь «нереально», что почти никак не воспринимается. Слово бы и нет того «потустороннего» мира. «Аквариум» многих людей лишь в какой-то мере обширнее, зато далеко не так живописен, как рыбий. И вот Ахад зовет нас «заглянуть за иллюзорные стенки аквариума»...

...— если бы знали они, как многосложен мир, среди которого они существуют, сколько не похожих на нашу вселенную соседствуют с нею!..

«Кажется, угодил на лекцию по фантастической философии», — подумал я с досадой и опять глянул через стол, на Толченова. Его лицо было непроницаемо-высокомерным, руки скрещены на округлом в меру животике, губы решительно сжаты. Всем видом своим он бросал вызов профессору: «Кто-кто, а уж мы знаем, что такое Вселенная! Ученого учить — только воду мутить...»

Ахад, наконец, завершил речь — и тотчас в гостиной все зашумело и зашумелось. Каждый торопился высказать свое особое мнение соседу. Было заметно, что здесь сколько голов, столько и мнений. Тем не менее я уловил, что собравшиеся в «Дискуссию» исходили из концепции мироздания, философские контуры которого начертал профессор.

— Он прав: Вселенная расположена на ряде мировых уровней! Мы видим и воспринимаем лишь один из них, — возбужденно шептал мне Паромов. — Подумай, какая бездна граней Большого Космоса остается для нас непостигнутой! Мы — словно рыбы в аквариуме...

«Не хватало, чтобы читали мои мысли», — подумал я, хмуро разглядывая пульсирующие фигурки на полу.

— Па-звольте, драгоценный Никита Степанович! — вцепился в Паромова, как клещ, сморщенный старичок.

— Па-звольте возразить: если Вселенная многопланова, стало быть, и все сущее в ней так же многопланово. Значит, и человек, в совокупности своей, складывается из материи нескольких мировых уровней. И каждый суб-человек постигает мир лишь в своей собственной «плоскости»...

Они схватились насчет того, что должен воспринимать «совокупный человек», состоящий из вселенской цепи суб-людей, сосуществующих в разных суб-мирах, и может ли «нижерасположенное» суб-«я» знать и воспринимать то, что знает и воспринимает его более совершенное «я», и если — да, то не приходит ли это знание из таинственной области над сознанием, как смутное интуитивное знание...

Я отодвинулся от Паромова и въедливого старичка и стал оглядывать гостиную. Дебатировали все, включая женщин. Мужчины, сверкая взорами и едва не пронзая друг друга пальцами, словно рыцари на турнире, выкрикивали философские послышки, контраргументы, тезисы... Во всем «Дискуссии», кроме меня, лишь двое хранили спокойствие — Ахад-Березов, неподвижно восседавший на председательском месте, и Толченов.

... — и тогда к чему звездолеты — фотонные, конные, мезонные и прочие? Кому будет нужна технистическая чепуха, эти, в сущности жалкие, попытки познавать Вселенную с помощью усложняю-

щегося формотворчества материи? — ожесточенно восклицал полный толстощекий мужчина с жидкими растрепанными волосами и уползшим под мышку галстуком. — Пришельцы свободно могут являться к нам из любого иного уровенного пространства — и они являются! Понятно, они предпочитают делать это незаметно для нас, чтобы не смущать подавленный тьмой вековых предрассудков ум земного человека поразительным феноменом перехода существ из одной суб-вселенной в другую...

...— все сущее проникает друг друга, оставаясь вместе с тем на своих уровнях материальности. Вот почему даже наиболее отдаленные галактики присутствуют, в иных проявлениях, также здесь и там — всюду!..

...— нет и нет, милочка! «Я» человека не в состоянии расслаиваться на ряд суб-«я» по первому его желанию. На это способны из земных людей очень немногие — взгляните на Ахада и вы поймете. Надобно выработать в себе столь мощно-целеустремленную волю, чтобы ее импульс был способен...

Тут в гостиной раздался сильный шум, хлопанье крыльев и резкие возгласы:

— Истор-р-рию! Истор-р-рию!..

Оглядевшись, я увидел, что кричит попугай, примостившийся на пальме над аквариумом. Не тот попугай, что встретил меня в коридоре, а другой — поменьше, ярко-пестрый, словно осколок радуги, похищенный с неба каким-нибудь искусным магом. Женщины первые обратили внимание на истошные вопли попугая и, захлопав в ладоши, поддерживали его:

— В самом деле — историю! Чья сегодня очередь?

— Да-да, время послушать историю! — подхватили все собравшиеся. — Никита Степанович, что ж вы уклоняетесь, ведь сегодня ваша очередь!

Взоры обратились на моего приятеля. Он смутился, искоса взглянул на меня, затем кое-как овладел собой.

— Что ж, если уважаемые члены «Дискуссия» хотят... Я готовился. Прошу учесть, что я новичок и никогда еще не сочинял историй. Тут присутствуют люди, которые гораздо опытней и пишут книжки...

При этих словах он снова взглянул на меня, как мне показалось, умоляюще. Но я возмущенно фыркнул и плотнее забился в угол. «Сам влип в историю и меня туда же тянет — хорош приятель! Вот для чего он затащил меня в «Дискуссию»: чтобы я отдувался вместо него. Нет, пусть сам и выпутывается, а меня с кресла даже автокраном не поднимут», — с холодной решимостью подумав, я, вцепясь в подлокотники, Паромов обреченно вздохнул. Отлив

из стакана, который протянула ему одна из женщин, он сказал хриплым голосом:

— Тут спорили о космических путешествиях: понадобятся ли в будущем звездолеты? Я думаю, без них люди не обойдутся. Далекие миры всегда будут притягивать к себе воображение человека космической эры. И он не успокоится, пока, как говорят фантасты, не потрогает их рукой...

— Верно!— воскликнула молодая женщина, наградив моего приятеля нежной улыбкой. Я подумал, что слова, которые говорит Паромов, мне почему-то очень знакомы. Никита галантно поклонился слушательнице и, осмелев, продолжал:

— Но осторожные ученые указывают, что даже на фотонных звездолетах человек не смог бы улететь настолько далеко, чтобы достичь центра Галактики, тем более — удалиться за ее пределы. Препятствие — в недостатке энергии. Кроме того, даже скорость в 300 тысяч километров в секунду (в масштабах космоса) является черепахой. Эффект замедления времени в быстро движущемся корабле — небольшое утешение. Ведь подвиг, на который пойдут космолетчики, им захочется совершить прежде всего для людей своего поколения. Мы читали немало грустных фантастических историй про астронавтов, которым из дальних полетов приходилось возвращаться в чужие эпохи, во времена далекого будущего. Люди прилетят на Землю спустя тысячелетия, когда результаты их экспедиций никого не могут удивить и не дадут ничего нового. Стоит ли целую жизнь тратить на один полет, добровольно заточая себя в корабле? Значит скептически настроенные ученые правы? Человечеству надо отказаться от мечты о полетах к далеким звездам?

Паромов окинул взглядом аудиторию. Все сидели, задумавшись. Даже попугай притих на ветке, кося на рассказчика черным глазом. Один только Виктор Маркелович самодовольно усмехнулся и гордо вздернул голову.

— Но, может быть, дела не так плохи и выход будет найден? Ведь в бесконечной Вселенной возможности познания ее, надо полагать, тоже бесконечны. Уже давно некоторые фантасты поговаривали, что можно передвигаться в пространстве со скоростями, намного превосходящими световую. В последнее время эту мысль начали всерьез обсуждать и передовые ученые.

— Че-пуха, абсурд...— вятно пробормотал Толченев, скривясь, как от зубной боли.— Детские сказочки...

Паромов пожал плечами.

— Тут говорили, что Вселенная многопланова, то есть складывается из ряда суб-вселенных, проникающих одна сквозь другую. Мы,

земные люди, обитаем в физической суб-вселенной, на одном из сгущений физического мирового плана. (Планета — это, видимо, и есть локальное сгущение данного плана в пространстве.) Но если предположить, что Вселенная многопланова, то и любое существующее в ней тело — многопланово. Оно состоит из субтел. Значит, можно путешествовать в пространстве не только с помощью космических кораблей, но и научившись переходить из одной суб-вселенной в другую. То-есть — «переключая» самого себя (или хотя бы свое сознание и психику) с одного мирового плана на другой. Примерно так, как мы переключаем радиоприемник с длинноволнового диапазона на средневолновой, коротковолновой и так далее.

Тут Виктор Маркелович воздел руки и простонал от возмущения, ища у окружающих сочувствия своим душевным мукам. Однако никто не обратил на него внимания. Напротив, многие одобрительно кивали головами, обсуждая сказанное Паромовым.

— Препотлично, достопочтенный Никита Степанович! Идеи, высказанные вами, знакомы нам, — подал голос въедливый старикан. — Но где же история?

— Да, где история? — подхватили другие. — Мы ждем.

— Так я почти того... подошел к истории, — снова стужавшись, пролепетал Паромов. Затем умоляюще посмотрел на меня.

— История не очень... того, поскольку автор — из начинающих. Поэтому будьте снисходительны...

ЛЕГЕНДА О КОСМИЧЕСКОМ СТРАННИКЕ, —

провозгласил он деревянным голосом. Я подпрыгнул в кресле. Такого коварства я от Никиты не ожидал! Три дня назад по его просьбе показал я ему фантастическую новеллу, которую считал одной из наиболее удавшихся. Она так и называлась — «Легенда о Космическом Страннике». Паромов выпросил ее у меня, чтобы «почитать на досуге». И вот теперь выдает за свое произведение да еще при авторе! И тут же замечает, что «история не очень — того»!..

Я решительно кашлянул, выпрямился и... поудобнее устроился в кресле. Пусть занимается плагиатом на глазах у автора. Ничего. Потом я выскажу Никите все, что думаю о нем...

* * *

...Капитан Мак-Карти скептически посмотрел на Эллино, смерил взглядом от жалкого вихра на макушке до пят его тщедушное тело и, покачав головой, ответил:

— Нет, молодой человек! Вы не подходите для полета на «Грозе пространства».

Эллино умоляюще прижал худые руки к груди. Неужели лопнет последняя надежда?..

— Капитан, я буду делать все, что прикажете! Самую черную работу. Я так люблю звезды!

— На «Грозе» нет черных работ,— сухо возразил Мак-Карти.— У нас все работы белые. Вы, должно быть, забыли, какой нынче век на дворе. Кроме того, медкомиссия вас не пропустит. Может, я и хотел бы помочь...

— А если зайцем?— наивно спросил Эллино.— Запишите меня в какую-нибудь дыру. Много места я не займу...

Он осекся: в глазах Мак-Карти вспыхнули молнии.

— Как вы осмелились предложить мне такое!— взревел капитан, и глубокие шрамы на его лице побелели от гнева. Эллино покорно пошел из каюты. Его опущенные плечи вздрагивали. У двери он порывисто обернулся.

— Все равно я буду на белой планете! И попаду туда прежде вас, вот увидите!— воскликнул он скрывающимся фальцетом и скрылся за бронированной дверью. Капитан усмехнулся. Его гнев пропал. «Связался с помешанным,— подумал он.— Почему они еще не перевелись в нашу Эпоху Всеобщей Гармонии?»

А Эллино, выбежав из лифта корабля на огромное поле, выложенное сиреневыми плитами нейтронно-протонного бетонометалла, опрометью кинулся к такси-антиграву. До отхода ближайшего лайнера «Луна—Земля» оставалось три с половиной минуты. Он едва успел к последнему трапу. Всю дорогу до околоземной пересадочной станции Эллино метался по безлюдной верхней палубе, среди экзотических зарослей березо-лиан, персиковых роз и звкалиптовых тюльпанов, выведенных космическими селекционерами, и негодуяще бормотал:

— Закрывать человеку дорогу к звездам — разве справедливо? Никто не вправе делать этого, никакие медкомиссии! Никакие там Советы целесообразности и форумы этики! Если человек стремится к далеким мирам — кто может его остановить?

В аллее показался высокий человек, по-восточному смуглый, в белой чалме. Подойдя к Эллино, он приветствовал его, приложив руку к сердцу.

— Извините за вмешательство в ваши раздумья. Проходя неподалеку, я уловил, что вы страдаете. Могу ли я помочь?

— Мне никто не в состоянии помочь!— горько воскликнул юноша, ломая руки.— Я отверженный.

— Отверженный?— изумился незнакомец.— Кто же и от чего отверг вас?

— Меня отвергли от звезд,— отвечая Эллино.— Врачи, этики, моралисты преградили мне путь в Большой Космос! Я обречен умереть от презренной звездной ностальгии...

— Вы стремитесь к звездам?— спросил неизвестный.

— О!..— только и мог ответить Эллино, простирая руки к созвездиям. В глазах его сверкнули слезы. Подавив приступ острой тоски, он добавил:

— Если б люди знали, как я жажду побывать там, в безмерной дали, на каждом из бесчисленных миров Вселенной! Когда я долго смотрю на созвездия, мне кажется, что я растворяюсь, становлюсь необъятным, заполняя собой мироздание...

— Понятно,— кивнул незнакомец.— Вам поможет только одно. Поступите в Университет высшей психики.

Он извлек из воздуха перед собой светящийся квадратик и вручил юноше.

— Явитесь по этому адресу через неделю.

Дрожащей рукой Эллино схватил визитную телекарточку и прижал ее к груди.

— Вы полагаете, что?..— начал он, но обнаружил, что незнакомец исчез.

Прошло 26 лет. Отшумели всепланетные торжества по случаю возвращения «Грозы пространства» из экспедиции. Впервые в истории астронавтики корабль совершил полет через обнаруженную физиками складку в искривленном пространстве. Это в тысячи раз сократило путь и позволило избежать досадный парадокс времени. Ученые ликовали.

Однажды Мак-Карти отдыхал на увитой лаврами веранде своей виллы на тропическом побережье Северной Гренландии. Вошла дочь знаменитости. Нежно поцеловав астронавта в иссеченный морщинами лоб, она сказала:

— К тебе гость, папа. Он уверяет, что вы давние знакомые.

— Пусть войдет,— радушно отвечал капитан.— Сердце старинный Мак-Карти открыто друзьям.

На веранде показался стройный мужчина с худощавым лицом и пылающими глазами, в которых нельзя было не прочесть о стальной воле этого человека.

— Узнаете?

Мак-Карти долго всматривался в неожиданного посетителя.

— Вы? Тот сумас... простите, я хотел сказать — страдавший звездной болезнью; что был у меня на «Грозе» перед полетом?

— С благополучным возвращением, капитан!

— Садитесь, дружище. Рад видеть вас излечившимся от своего недуга. Надеюсь, вы нашли занятие по душе на уютной старушке Земле?

— Почти все время я путешествую в Космосе,— отвечал Эллино.— Я сдержал слово: на Белой я был раньше вас. Встречал там ваших ребят.

— Вот как?— сокрушенно произнес Мак-Карти и отодвинулся от гостя.— Мне жаль...

— Да, вы были там лишь вторым,— по-детски улыбаясь, подтвердил гость.— Но не тревожьтесь: я никому не собираюсь рассказывать об этом, кроме вас. Пусть считают, что вы — первый. Что мне за дело! Ведь я бывал и на мирах, в миллионы раз более далеких, чем Белая. Безграничный Космос открыт для меня. Куда пожелаю — туда и лечу, свободный и быстрый, как мысль.

— Гм... Что же вы видели на Белой?— осторожно спросил Мак-Карти.

— То же, что и вы. И даже гораздо больше.

— Любопытно,— усмехнулся астронавт.— Что же, например?

— Вы обследовали Белую в нескольких местах и пришли к выводу, что на ней нет высокоразвитой жизни, не так ли?

— Безусловно. Младенческий мир. Мыши и зайцы — самое большее, до чего он смог пока дотянуться.

— А как вы объясните исчезновение одного из ваших разведывательных планетолетов в горах Кибальчища? Ведь вашим парням пришлось вызывать тогда аварийный антиграв.

— М-да... В самом деле, то был загадочный случай. Не успели ребята отвернуться — аппарат исчез. Как сквозь землю провалился. Но — дюжину метеоров вам в ребро! — откуда вы знаете? Ведь мы передали об этом Академии наук по секретному каналу.

— Я знаю не только это,— усмехнулся Эллино.— Мне известно, как трое ваших космобиологов спасались от «прыгающих камней» в долине реки Алмазной. Как в пещерах хребта Гераклита Эфесского одна из экспедиционных партий неделю гонялась за «поющими невидимками»...

— Чтоб мне свергнуться в гравитационный коллапс вместе с потрохами! — взревел пораженный Мак-Карти, откидываясь в калчке.— Откуда вы, молодой человек, обо всем этом?..

— А помните, капитан, как однажды у входа в верхнюю обсерваторию «Грозы», на лифтовой площадке, вы увидели Тень?— Эллино лукаво улыбнулся.— Вы тогда попятились и дернули себя за нос, вот так. А Тень «похлопала» вас по плечу, подмигнула и пропала, пройдя сквозь нейтронно-мезонный корпус звездолета...

— Так это были?..

— Да, капитан,— просто отвечал Эллино.— Я хотел вас тогда подбодрить. Вы тяжело переживали катастрофу на Плато каменных деревьев...

— Кто вы такой, сто Пляд вам в печенку!— завопил Мак-Курти, вскакивая.

— Не беспокойтесь, капитан,— остановил его Эллино.— Я не стану докучать вам визитами. Я— Космический Странник и хотел только напомнить вам, что сдержал слово. Прощайте.

Эллино исчез в сумеречных зарослях тропического сада. Долго потрясенный астронавт метался по веранде, жуя в растерянности седой ус. На рассвете Мак-Курти вызвал к экрану своего друга— директора Института космической психиатрии— и рассказал ему о вчерашнем происшествии. Маститый ученый с минуту размышлял, устремив невидящий взор в окно, на шумящую апельсиновыми рощами марсианскую равнину, где размещался институт. Затем, подавленно вздохнув, прошептал:

— Это люди из Ассоциации транскосмической психики!.. Они никак не хотят подчиниться требованиям здравого разума эпохи. Увы, друг мой, я не в состоянии их урезонить...

* * *

Как я вытерпел такое насилие над своим литературным детищем? Уверю вас: Паромов все искажил! У меня текст выдержан в серьезном тоне— Никита же посмеялся над моими героями. И вдобавок приплел какую-то Ассоциацию психики. Мой Эллино летал в Космосе на крыльях мечты, а за экспедицией Мак-Курти следил с помощью телеустройства внепространственной связи. Паромов заставил героя странствовать по Вселенной «в одном из тонких суб-тел». Перед лицом читателей я категорически отрекаюсь от паромовского варианта моей новеллы! Если кто-нибудь из вас даст себе труд сравнить оба текста «Космического Странника», он тотчас обнаружит подделку.

Пока собрание, смеясь и восклицая, аплодировало Никите, я угрюмо раздумывал о коварстве друзей и о том, не отравить ли мне Паромову триумф. Но тут встал Ахад-Березов.

— Мы признательны нашему другу за несколько минут веселья. Но я замечаю, что наш высокочтимый гость (Ахад повернулся к Толченову) давно сдерживает чувства. По-видимому, он не согласен со многим из того, о чем тут сегодня говорилось. Попросим Виктора Маркеловича высказать свое мнение.

Толченков поднялся и с достоинством слегка поклонился.

— Признаться, я удивлен случаю оказаться на столь необъяснимом... э-э-э... заседании. Лишь из уважения к профессору... м-м-м... Отдавая дань его идеям (вновь — легкий поклон в сторону Ахада), я вынужден не согласиться с ним кое в каких пунктах, а заодно отметить полную некомпетентность, дилетантство и безграмотность большинства присутствующих в философских и астрономических вопросах космологии и распространенности жизни во Вселенной.

Публика молчала, внимательно разглядывая оратора. Так смотрят на какого-нибудь жука, посаженного на булавку. — Жук не успел об этом сообразить, а его уже исследуют сивозь увеличительное стекло.

...— следовательно, можно вполне определенно сказать, что, исключая жителей Земли, в пределах Солнечной системы нет интеллектуальных существ, которые...

Толченков вещал плавно, уверенно; прочная начитанность чувствовалась в его словах. Он снисходительно изрекал, просвещая невежд. Я глянул на Ахада — и мне почудилось, что гигант затаил в своей бороде зловеще-веселую ухмылку.

— Итак, следует признать, что в ближайших к нам областях Галактики тоже нет обжитых космических объектов. Поэтому идеи о том, что в недавнем прошлом (тем более — сегодня) наблюдались посещения Земли посланцами с иных космических тел, якобы вступавших в контакты с населением нашей планеты, представляются полностью необоснованными и противоречащими данным современной науки.

Что-то заставило меня вновь осмотреться. Стены, пол, потолок гостиной полихали яростным золотистым пламенем. Фигуры мелькали и изменялись на глазах. Некое напряженное состояние пронизало атмосферу в «Дискуссии».

— Что же касается фантастических идей о характере Вселенной и «способах» ее освоения, услышанных нами в этой комнате, — они, разумеется, ниже всякой критики. Вряд ли имеет смысл пускаться в обсуждение столь невежественных спекуляций. В лучшем случае их можно принять как неуклюжую детскую шутку.

Толченков аккуратно вытер платочком пухлые губы и сел. Наполеоновское величие исторгалось каждой порой его существа.

— Типичный самогипноз! С внушением себе мысли о невозможности ничего принципиально нового, — внятно произнес некто.

— Биологический автоматизм, — послышался другой диагноз. — Система, замкнувшаяся в сфере непомерно выпученного и окоченелого интеллекта...

— Временная утрата эволюционных стимулов под влиянием...

И вновь заговорили все, стараясь точнее определить симптомы духовного заболевания Толченова. Ахад, прервав дебаты, обратился к недоуменно озиравшемуся гостю.

— Вы отвергаете многоплановость материального мира, полагая, что Вселенная существует лишь в той плоскости, в которой находитесь вы сами. Но сегодня далеко не все ученые думают подобно вам. Известно ли вам, например, о новых работах физиков в Серпухове, доказавших прозрачность микрочастиц их способность проникать друг сквозь друга? * Почему же вам не допустить, что, подобно этому, проникают одна сквозь другую и суб-вселенные? На Международном Бюраканском симпозиуме, посвященном проблеме связи с внеземными цивилизациями ** была высказана идея о существовании в космосе так называемых «черных дыр» — своего рода тоннелей, соединяющих разные пространственно-временные планы. Предполагается, что космонавты, совершившие полет в область такой «черной дыры», «могут долететь до центра массы звезды и «вынырнуть» в другом пространственно-временном мире. Оставаясь неподвижными для внешнего наблюдателя, они смогут путешествовать в будущее, переходя из одного пространственно-временного мира в другой. Не исключено, что в одном из таких миров космонавты встретят цивилизации, которые принципиально не могут быть замечены земными наблюдателями. «более того, известно, что астрофизики обнаружили в космосе объекты, весьма похожие на гипотетические пока «черные дыры».

Оглянитесь, наконец, внимательней кругом себя!

Тут Ахад широко повел руками. Я заметил, что гостиная наполняется мерцающим голубоватым сиянием. Вместе с тем контуры находящихся в ней вещей, стен и потолка начинают смазываться и расплываться. Затем я обнаружил, что сижу на камне, посреди лужайки, на которую прежде невзначай заглянул из коридора. Ахад, вновь помолодевший, в алом костюме, играет с двумя красивыми девушками в теннис; в роще и на опушке прогуливаются группы людей. В них теперь без труда можно было узнать сегодняшних гостей Ахада. Я поискал глазами Толченова — и увидел его, мечущегося в панике по роще, спотыкающегося о кочки и пни.

Видение быстро сменилось иным. На нас наплывал берег опалового моря: прозрачные волны почти бесшумно катились на

---

* См. информацию «Возможна ли субсветовая скорость?», — «Московская правда», 1970, 3 сентября.

** «Алло, Аэлита!», — «Наука и жизнь», 1972, № 3, с. 56—65. Репортаж — Р. Сворень.

бледно-желтый песок. Синее солнце пылало среди зеленого неба, украшенного полосками цветистых облаков. Высокие смуглые люди прохаживались вдоль берега или, любуясь морем, стояли на белых ступенях, поднимавшихся среди скал далеко вверх, где на пальмовом плато устремились в зенит спиральные сооружения.

— Кара-ул!..

По ступеням, вилая, как заяц, прыгал маленький плюгавый человечек. В нем едва угадывался земной Виктор Маркелович. Прижав к груди пухлую кожаную сумку, он проскакал мимо нас вверх, но задел за ступеньку и проехался носом по камню.

Море, лестница, город исчезли. Парад нами открылся новый мир — почти нереальный, дрожащий, эфемерный. Необозримая равнина лежала кругом. Фантастическая растительность покрывала ее от края до края. Зеленовато-голубые, оранжевые, сиреневые деревья-пирамиды и фосфорические деревья-лианы вздымались над радужными потоками в невероятную почву.

Человекоподобные существа кружились в воздухе среди буйных кущ. Мелодичные звуки пронизывали пространство. И сам я, как бы паря в воздухе, видел этот изумительный, сотканный из разноцветного эфира пейзаж — то почти у самой земли, то — легко взмывая к небосводу....

А затем картины стали мелькать с калейдоскопической быстротой. Казалось, вся Вселенная, стремительно выявлялась неисчислимым разнообразием форм, красок, звуков, разворачивалась вокруг новыми и новыми аспектами и гранями — от самых грубых, плотных и тяжелых до наиболее призрачных, почти не различимых физическим зрением.

...— и каждый человек, будучи одним из проявлений мироздания, вмещает в себя всю Вселенную,— услышал я далекий, рокочущий бас Ахада. Голос его приближался — и вот снова убыстряющуюся смену видений стали проступать контуры «Дискуссия». Дальние миры растаяли за пределами стен. Стул Толченова пустовал. Потом я увидел Виктора Маркеловича в углу за шкафом. Стоя на коленях, избитых о камни чужих планет, он крепко обнимал портфель и тихо рыдал. Ахад посмотрел на него укоризненно.

— Стыдитесь, вы же мужчина...

Толченков оглянулся, проворно вскочил и с воплем бросился и проступившей в янтарной стене узкой двери.

— Я жаловаться буду!.. В милицию, прокурору!.. Хулиганы! — взвизгнул он на пороге и юркнул в коридор. Через полминуты вдалеке грохнула входная дверь. Ахад, добродушно усмехаясь, развел руками. Собрание хохотало.

Покинув квартиру Ахада, я прежде всего посмотрел на часы.

Было девять вечера! Я пробыл у профессора всего 15 минут, успев за то время облететь чуть ли не всю Вселенную! Ночью я не мог заснуть, а утром встал с таким чувством, будто меня вывернули наизнанку. Увиденное в «Фантазуме» представлялось мне настолько реальным, что я не мог понять, было ли путешествие по суб-вселенным на самом деле. Телефон Паромова безмолствовал в ответ на мои звонки. Тогда я решил самостоятельно разыскать квартиру Ахад-Березова. Мне хотелось задать ему несколько вопросов.

Добравшись до улицы с палисадником, я не смог определить, в каком доме побывал вчера. Его вид выпал из моей памяти. Долго я бродил, расспрашивая местных жителей о чернобородом профессоре, но никто не видел здесь такого человека. Проходя мимо ЖЭК микрорайона, я собрался войти в контору, чтобы справиться об Ахаде по домово́й книге,— как вдруг дверь распахнулась — и я чуть не столкнулся с Виктором Маркеловичем. Лицо его было свекольно-красным, а на носу красовалась багровая нашлапка с двухкопеечную монету.

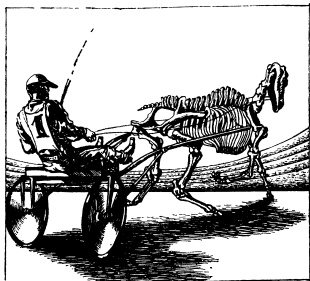
Заметив меня, Толченов попятился, как от привидения. Потом с торжествующим криком кинулся ловить меня, растопырив руки.

— Вот... вот один из тех опасных мошенников! Держите его!..

Возникла драматическая ситуация. Мне не хотелось отвечать перед правосудием за ловких фокусников и факиров. Уклоняясь от объятий Толченова, я рванул в переулок. Проскочив его в три гигантских прыжка, я влетел в шумный пивной бар, оказавшийся на углу соседней улицы. Оттуда затем удачно выскользнул через служебный ход.

Из окна троллейбуса мне представилась развязка той грустной истории. Милиционер и дружинник под руки выводили из бара Виктора Маркеловича. Он был вне себя и яростно размахивал портфелем, задевая прохожих. Подозреваю, что в следующие 15 суток у бедняги оказалось достаточно времени, чтобы поразмыслить о своем заключении.

Ахад-Березова я встретил позже и убедился, что человек он в самом деле незаурядный. Но к данной истории это не относится.

И. Калиновский

КОРОЛЕВА БОЛЬШОГО ДЕРБИ

Да, сэр, я и Джо пережили несравненный, блистательный успех, который от начала до конца создали своими руками. Вот только бедняга Джо в зените нашей славы умчался, как вихрь, в неизвестность.

Я не боюсь раскрыть карты, потому что сцена опустела, огни погасли и занавесь опущен.

Да и кому сейчас придет на ум предъявлять претензии к простому созвучию Электра, под которым скрывалась наша гениальная затея.

Должен сказать, сэр, что сама жизнь, как нарочно, приготовила нас для этой роли: я пятнадцать лет был сначала ученым, а потом препаратором отдела непарнокопытных млекопитающих Королевского Британского музея. Моя специальность — набивка чучел.

А Джо прямо родился механиком и начал играть зубчатыми колесами от старых сломанных часов еще в люльке. С детства он

делал одно и то же: разбирал, чинил и собирал всякие механизмы. Позже Джо стал владельцем ремонтно-механической мастерской, в которой, кроме него, не было ни одного работника. Чинил же он все — от электрической бритвы до электронной счетной машины.

Наша детская дружба с Джо уже таила в себе семена будущего произведения человеческого гения. Даже жизненные невзгоды, выпавшие на нашу долю в виде полосы безработицы, застоя в делах мастерской, в конечном счете пошли нам на пользу.

Я работал тогда два дня в неделю, подновляя главным образом старые, выеденные молью чучела ослов и зебр. В отделе рядом с доисторическим трехпалым Гиппарионом стоял великолепный костяк современного английского рысака.

Вот этот-то скелет и привлек любознательный взгляд Джо, зашедшего ко мне в обеденный час.

— Здорово сделано! — сказал он, поглядывая на скаковые сочленение ног и упругую линию спинного хребта лошади. — Знаешь, Майкл, я раньше не обращал внимания на то, как природа сработала эдакое вот замечательное шасси да еще из такого второсортного материала!

Пока я мыл руки, Джо развернул газету.

— Двадцать тысяч фунтов стерлингов — большой приз национального дерби! — воскликнул он. — Возьмет же кто-нибудь этот приз, Майкл, и не будет ждать, пока к нему обратятся с ремонтом велосипеда или примуса. Быть владельцем такого рысака — это ведь все равно что иметь фабрику денег!

Тут, очевидно, и пришла в голову Джо гениальная мысль, над осуществлением которой мы стали позднее трудиться.

Именно с этого момента Джо стал задумчив и рассеян. Он отвечал невпопад и после завтрака не пошел к себе в мастерскую, а вернулся со мной в музей. До позднего вечера Джо изучал скелет лошади, делал какие-то измерения и наносил их на бумагу в виде чертежа. При этом он бормотал всякие слова, вроде: «шарнир Гока», «гибкое сочленение», «рычаг», и тому подобное.

Я смотрел на кусок бумаги, который он держал в руке, и спросил, что все это значит.

— Это, Майкл, кинематическая схема, а для чего она нужна, узнаешь потом! — ответил он тогда.

После этого он довольно долго не появлялся, и я выбрал время зайти к нему. Дверь в мастерскую была закрыта, я постучал, но никто не открыл. Пришлось пробираться со двора через запасной выход.

Джо оказался в мастерской, он сидел ко мне спиной перед занавеской, за которой было, очевидно, что-то скрыто. Я разозлился, что он так долго не открывал дверь, видно, не хотел меня впускать. Но Джо, словно просыпаясь, смотрел на меня каким-то отсутствующим взглядом. Я спросил, что с ним случилось.

Вместо ответа Джо молча потянул за один конец занавески, и она сползла в сторону: на фоне знакомой мне кирпичной стены стоял такой же точно, как в музее, скелет лошади, но только не костяной, а металлической, и все его части были довольно густо смазаны машинным маслом.

— Каково? — спросил Джо.

Я глядел на эту металлическую штуку, не понимая, зачем Джо вздумал воспроизвести музейный экспонат в другом материале.

Очевидно, Джо прочел на моем лице недоумение.

— Я вижу, тебе не понравилась моя работа, Майкл. А я хочу пригласить тебя компаньоном в одно дельце.

Тут он начал объяснять мне свою идею, и постепенно у меня с глаз спадала пелена.

— Твоя часть — это оперение всей штуки, Майкл. Ты должен проявить все свое умение и сделать так, чтобы комар носа не подточил. Материал мы будем употреблять первосортный, — естественный, но, конечно, надлежащей выделки. Ты должен, Майкл, достать или содрать первосортную шкуру подобрать превосходные копыта и все прочее и выделывать шкуру так, чтобы под ней играла каждая пластмассовая жилка, — требовал Джо.

Так началось мое участие в этом замечательном предприятии. У владельца конного двора Билла Суджента я достал совершенно свежую гнедую шкуру, добыл и все остальное: замечательный хвост, смонтированный, как кисть живописца, на великолепном резиновом стержне, гриву, заделанную в ленту из пластмассы, покрытую тончайшей замшей, и, главное, глаза, сохранившие всю прелесть влажных кобылиных глаз. Они были изготовлены для музея, и я просто прикармливал их. Венцом всего были копыта — это были лучшие копыта, которые я сам отобрал на складе фабрики костяных изделий. Мне пришлось немало повозиться — у меня была уйма работы по части всего оформления, которое нужно было подогнать, как мундир королевского гвардейца. Но зато получилось все на славу.

О том, какой я мастер, можете судить по тому, что спустя два месяца, когда мы, наконец, обрядили машину Джо в мой наряд, увидевший ее случайно жеребец дико заржал и перестал слушаться хозяина.

Впрочем, нам предстояло еще испытать нашу машину в работе и узнать ее возможности в части скоростей.

— Понимаешь ли, — как-то сказал Джо, — чтобы все это закончить, нужно наладить регулировку. Необходимо подыскать подходящий пустырь, где бы за нами не мог подсмотреть ни один черт. Я хочу испробовать ее на большом круге, в условиях, близких к тем, с которыми мы столкнемся на деле. И все это нужно проделать, пока мы еще не надели на нее шкуру и прочее.

Как-то вечером, возвращаясь с поисков деталей для туалета нашей будущей дебютантки, я пошел через железнодорожные пути и тут-то наткнулся на пустырь. Это было недалеко от города, и просто удивительно, что такое место никто не использовал. Очевидно, пустырь и предназначался для будущего развития путей железной дороги.

В тот вечер мы погрузили металлическое шасси-скелет на старый грузовик Джо, прикрыв от любопытных взоров брезентовым чехлом. Мы совсем не думали, что может произойти какой-либо скандал. Поначалу все шло как по маслу: мы подъехали к пустырю между путями, разгрузились и стали намечать трассу, чтобы запустить нашу машину на полный ход.

Джо долго возился под попоной-чехлом, которым мы прикрыли нашу будущую Электру. Он поставил ее на большой круг, то есть отрегулировал движение ног для бега по замкнутой кривой. Регулировка могла производиться как заранее, так и на ходу.

Когда мой друг закончил свои дела, наступила ночь, и мы, подкрепившись стаканчиком бренди, решили начать пробу. Стоявшие вдоль ближайшего участка железнодорожной линии фонари давали достаточно света, чтобы следить за бегом Электры по пустырю.

Я забыл сказать, что вместе с Электрой мой друг смастерил в своей мастерской такую коляску, перед которой любая «американка» казалась допотопной колымагой. В коляску были вмонтированы запасные аккумуляторы, которые включались в питание в случае истощения основных, запрятанных в межреберном пространстве лошадиного каркаса.

Движение ног осуществлялось с помощью сильных электромагнитов по принципу нормального бега: правая передняя — левая задняя и наоборот. Другими словами, ноги то притягивались друг к другу, то отталкивались, и это выходило ничуть не хуже, чем у настоящего рысака.

Нужно сознаться, что бренди прибавило нам решительности, и Джо, раскрыв пластмассовые челюсти Электры, поставил зубрегулятор на малый ход, а потом дернул кобылу за хвост, который замкнул контакт.

Тотчас же металлические ноги скелета лошади пришли в плавное движение — и удивительная запряжка понеслась по пустыню, описывая удлинённый круг и набирая заданную скорость.

Все шло нормально, и Джо сиял, как новенькая десятипенсовая монета, поворачивая голову вслед за Электрой.

Вот тут-то и случилась сначала одна, а за ней другая неприятность, чуть не сорвавшие всю нашу затею.

Дернуло в этот час какого-то викария пойти через пустырь. Мы его заметили лишь в тот момент, когда мимо него пронёсся запряжённый в тележку скелет лошади, а служитель церкви как подкошенный упал на землю, потеряв свою шляпу. Я бросился к нему, но он лежал в глубоком обмороке.

В этот же момент из-за каменного забора вылетел пассажирский поезд, освещая пространство лучами прожектора. Было видно, как машинист высунулся из будки и пристально смотрел вперед.

Рядом с поездом с огромной скоростью неслась наша Электра, белая пластмассовым черепом и выбрасывая вперед сочленения ног.

Увидя это необычайное зрелище, машинист резко затормозил, раздался скрежет и треск ломающихся буферов.

Мы с Джо успели остановить Электру, торопливо погрузили на грузовик и, кое-как вырвав на ближайшую улицу, умчались восвояси.

В газетах потом писали о поразительном совпадении галлюцинаций машиниста и викария. Оба они утверждали, что видели бегущую мертвую лошадь.

Для нас с Джо это был хороший урок, и мы больше не повторяли своего опыта.

Наступала самая хлопотливая пора завершающей отделки Электры. Мы дошли даже до того, что поставили внутри Электры чудесный репродуктор, снабженный магнитофонной записью мелодичного ржания.

Наконец Джо заявил на ипподроме о намерении принять участие в состязании четырехлеток. Правда, администрация потребовала родословную Электры, но к тому времени мы уже обзавелись таким документом, получив его всего за десять фунтов от владельца кровной кобылы, которая незадолго до того сдохла.

Первый дебют принес нам давно ожидаемый успех: для начала Электра опередила своих соперников на полкруга и взяла первый приз.

Это было только началом. Уже в середине сезона об Электре заговорила вся мировая печать. Электра, Джо и я фигурировали на тысячах фотоснимков в газетах и журналах.

Деньги повалили к нам сами собой, и мы только успевали относить их на банковский счет.

Нам пришлось снять специальное помещение для конюшни и приобрести новую машину и прицепной трейлер-вагон для перевозки Электры к месту состязаний.

Уход за нашей «золотой» кобылой мы, по понятным причинам, осуществляли сами, не доверяя другим. Вместо овса мы заправляли нашу Электру превосходным авиационным маслом и ставили ее под зарядку от городской сети. Больше всего мы заботились об охране нашей конюшни и завели для этой цели целую свору бульдогов.

Приближалось большое дерби, и с ним — большой приз сезона. Нам нечего было готовиться, но мы для отвода глаз каждый день устраивали рядом с конюшней тренинг, поочередно «объезжая» нашу несравненную Электру. Мы оба хорошо почувствовали, что вступили на тесную дорожку, в конце которой маячил заманчивый приз.

Прежде всего, нас попытались купить, или точнее — получить наше согласие на обгон. Владельцы скаковых конюшен и их агенты сначала искали пути наладить с нами отношения на коммерческих началах, но, убедившись в нашей непоколебимости, перешли к войне из-за угла.

Джо как-то выбросил курам очередную порцию овса, который мы для отвода глаз покупали для корма Электры. Когда через полчаса я выглянул на улицу, великолепные плимутроки, лежали мертвыми.

— Эге! — присвистнул Джо, — хорошо, что наша Электра не чувствительна к таким средствам.

Мы тут же проверили воду, поступающую в конюшню из водопровода, — в ней содержалась смертельная доза цианистого калия. Хорошо, что мы не пили воду, а употребляли ее только для мойки. Осмотр нашего участка труб показал, что в одном месте совсем недавно был установлен дозатор, который с механической точностью подмешивал яд в воду.

Каждый день мы находили на нашей беговой дорожке острые металлические шипы, волчьи капканы и даже небольшие пехотные мины. Перед каждым выездом мы тщательно обследовали путь с помощью миноискателей и специальной брони, которую толкал перед собой наш грузовик.

К концу месяца нам пришлось приобрести еще пару бульдогов, установить скрытую сигнализацию и окружить конюшню изгородью из обнаженных проводов, сквозь которую проходил ток высокого напряжения.

Наши конкуренты тоже не дремали: они объединились в импровизированный союз и решили еще раз припугнуть нас.

— Хелло!.. Намерены ли вы пойти на уступку или предпочитаете превратиться вместе с вашей клячей в вонючую падалу?— так начал переговоры их представитель Вилли Сломанный Нос, подойдя к нашей конюшне на револьверный выстрел.

— Передайте своим ребятам, что они могут спокойно продать своих одров на собачью колбасу,— хладнокровно ответил Джо.

После этих коротких и выразительных переговоров были прекращены всякие отношения сторон. До большого дерби оставались считанные дни. Это время я вспоминаю как одно короткое мгновение — так мы были заняты подготовкой к состязанию.

Наконец наступил день.

Вы видели когда-нибудь большое лондонское дерби? Это море автомашин, океан людей и поток людских страстей!

Разыгрывался большой приз сезона.

Мы с Джо бесшумно дежурили у ипподромной конюшни, откуда должны были выезжать участники бега.

Разве у нашей Электры могли быть конкуренты? Она все время работала на ничтожной части своей мощности.

Весь этот набор прошлогодних победителей и чемпионов, кончая Гладиятором и Кометой, в лучшем случае мог рассчитывать на полкруга при трех одновременных полных кругах Электры, которая даже при малой скорости проходила полную дистанцию за тридцать секунд. Но нам нельзя было показывать даже и эту малую скорость, и Джо регулировал Электру на самый тихий ход, то есть с опережением соперников на один неполный круг. Так было разумнее и не вызывало подозрений.

Когда начался первый заезд, я сидел на трибуне и видел, как Джо нарочно для начала отстал, и лишь когда противники обогнали его на полкруга, увеличил ход Электры. В ближайшие десять-пятнадцать секунд она обошла своих живых соперников, а потом вынеслась вперед и пришла к финишу, опередив всех остальных ровно на полкруга.

На трибунах бушевала буря, а Джо, покачиваясь в коляске, как триумфатор обходил круг победителя по сплошному ковру из цветов, которые набросала восторженная публика.

Мы еле вырвались из толпы репортеров и любителей конного спорта. Электру гладили по голове и шее, а некоторые поклонники и поклонницы целовали ее ноздри. Удивительно, но никто не заподозрил обмана: так хорошо была сделана покрывка, и я горжусь этим.

Лорд Сольсбери предложил нам за Электру пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, а какой-то рыжий американец, подмигнув, на-

звал полмиллиона долларов. Но мы тут же удалились к себе в конюшню и спустили с цепей своих бульдогов.

Нам предстояло участвовать в состязаниях в Париже и Риме, а затем ехать в Америку. Переезд стоил бешеных денег, но все окупалось заранее гарантированной прибылью.

В Париже, точнее в его окрестностях, нам пришлось прикупить еще десяток новых собак-мастифов и установить около конюшни две зоны с проволочным ограждением.

Пожав легкие лавры в Париже, мы отправились в Рим, а затем заторопились за океан. Газеты всего света заранее трубили о будущем триумфе Электры. Мы переплыли океан с целой свитой представителей прессы, кинооператоров и богатых спортсменов-любителей, желавших своими глазами увидеть триумф нашей Электры.

Я могу сказать, что в эти дни наша тройка была сенсацией Нового Света.

Нашу красавицу уже прозвали «Королевой большого дерби», и вся пресса была заполнена описаниями необыкновенной лошади-чемпиона и ее владельца, а главное — прогнозами результатов предстоящего дерби.

Янки готовили к предстоящему состязанию всех своих четвероногих чемпионов. Но мог ли заатлантический континент выставить что-либо подобное Электре? Конечно, нет! Ведь для этого нужно было, помимо техники, быть художником или, точнее, скульптором-анималистом. Нет, янки не могли создать ничего похожего! Они даже не догадывались о механической природе нашей красавицы.

С явной тревогой пресса Штатов комментировала перспективы будущего дерби. Городской ипподром не удовлетворял требованиям международного состязания, и хозяева-распорядители приспособили огромное пространство пляжа на атлантическом побережье континента. Береговая терраса была преобразована в сплошную трибуну, а изумительный естественный трек, обработанный дорожными машинами, превратился в первоклассную беговую дорожку.

Как сейчас помню роковой день состязаний, когда среди бури аплодисментов и возгласов миллионной толпы на линию старта вынеслась, как легкокрылая птица, гнедая тонконогая Электра. Огромная толпа бушевала, как шторм.

Шесть лучших рысаков страны должны были оспаривать триумф Электры.

Джо был облачен в традиционные цвета британского жокея: красную куртку и кепи, белоснежные бриджи и желтые щегольские сапожки. Руки в замшевых перчатках с большими крагами

крепко держали натянутые вожжи с вплетенными в них проводниками.

Сигнал — и семь запряжек стрелой понеслись по беговой дорожке. Но это продолжалось только первые десять секунд, затем Электра вырвалась вперед, а ее соперники как бы приросли к месту и, казалось, совсем не двигались. Это было недалеко от середины трибун, где я удобно устроился, прислонившись к арке прохода.

Джо заметил меня и кивнул головой в знак того, что все идет благополучно. Но неожиданно Электра произвольно прибавила ход, а Джо, я это ясно заметил, попытался отключить питание, стараясь разорвать провод. Тут мне стало ясно, что регулировка расстроилась, и Джо не может ничего исправить.

В эту минуту я в последний раз увидел Электру на полном ходу: ноги ее совершенно слились в тумане чудовищной скорости, как это бывает с пропеллером самолета, а грудь со свистом резала воздух.

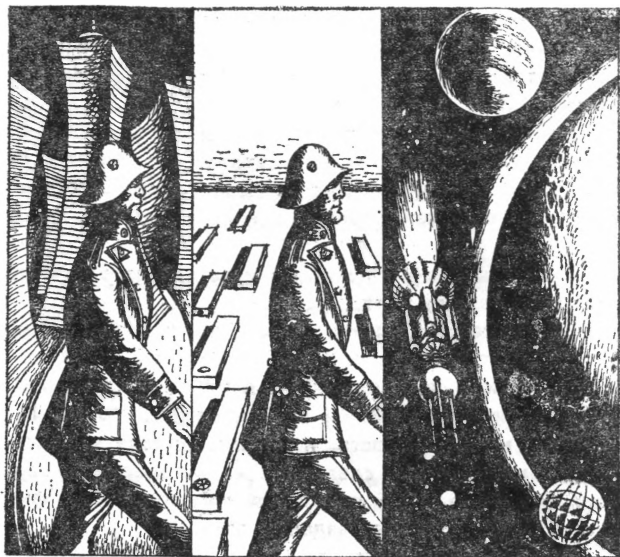
Лошадь с коляской, в которой все еще сидел Джо, понеслась вперед со скоростью реактивного самолета и через несколько секунд сначала превратилась в точку, а потом совсем исчезла в глубокой дымке далекого горизонта.

Наступила мгновенная и всеобщая тишина. Все посетители ипподрома продолжали безмолвно глядеть вдаль, разинув рты и дожидаясь какого-нибудь объяснения необычного происшествия.

Что мне оставалось делать? Я тихонько отошел от столба и направился к выходу.

Все это случилось в 12.30 дня, а в 12.50, то есть через 20 минут, в полтораста с лишним километрах от места состязаний на побережье был начисто снесен фанерный киоск вместе с его владельцем, от которого остались только оправа очков и фетровая шляпа с черной лентой. Что случилось с Электрой и ее хозяином, так никому и не удалось узнать. А я, как вы, очевидно, могли понять, вернулся домой, чтобы вспоминать о бывших триумфах «Королевы большого дерби».

Остается добавить, что история с последним дебютом Электры превратилась в легенду, и один из представителей святой церкви утверждал, что Джо вознесен на беговой колеснице прямо к престолу всевышнего.

Владимир Михановский

БЕГЛЕЦЫ

Нырря в глубокий космос, корабли землян, как правило, обходили систему Сириуса. Дело было не в мощности пульсолетов: звездолеты Свободной Земли давно уже научились покорять пространство.

Сириус, однако, оставался в стороне, поскольку был признан малоперспективным с точки зрения одной из основных целей космических полетов — обнаружения в пространстве разумной жизни. Лишь сравнительно недавно один корабль по чистой случайности оказался в районе далекого гиганта.

Капитан решил воспользоваться случаем и превратить нужду в добродетель, занявшись исследованием вопроса: в самом ли деле справедлива устоявшаяся гипотеза об отсутствии разумной жизни в районе Сириуса?

Поначалу похоже было, что затея капитана бесплодна. Вокруг Сириуса не обращалась ни одна планета, на которой могла бы расцвести жизнь.

Только когда восстановивший запасы энергии звездолет готовился уже совершить обратный прыжок к Солнцу, была сделана странная находка, которую сначала никто по достоинству оценить не смог.

Локаторы корабля обнаружили в поясе астероидов, окольцовывающих Сиркус, загадочное образование. Это был геометрически правильные шар небольших размеров. Форма небесного тела, несомненно, свидетельствовала в пользу его искусственного происхождения.

Крохотный шар с помощью направленного силового поля пленили и подняли на борт.

На Земле тело исследовали. Шар оказался полым — еще один аргумент в пользу его искусственного происхождения. Но главным в этом смысле доводом оказался предмет, обнаруженный внутри. Это был плоский тяжелый прямоугольник, похожий на блокнот. Предмет, как выяснилось, и впрямь состоял из листов. Правда, отдельные страницы, сделанные из неизвестного вещества, слиплись, вероятнее всего от высокой температуры, и физикам Земли стоило большого труда разделить их.

Работа ученых окупилась: страницы оказались испещренными неизвестными письменами.

Машинная расшифровка текста длилась несколько лет и увенчалась успехом. Многие понятия в тексте, правда, оставались неясными. Их перевели предположительно, заменив по смыслу на похожие земные понятия. Например, русло, по которому течет метан, заменено было в переводе словом «река», а сам метан — термином «вода», ибо на планете Тегла, где разыгрывались события, описанные в расшифрованном тексте, роль воды, по-видимому, выполнял метан.

Точно так же разумные существа, которые там действуют, названы в переводе «людьми»; большая совокупность туземных особей, живущих единой общиной, определена словом «республика», а глава республики — «президентом».

Список этот можно продолжить, но основной принцип, которым руководствовались переводчики-дешифраторы, и без того, думается, ясен.

Хотя расшифрованный текст был опубликован и вызвал многочисленные отклики, многое в нем осталось неясным. Что, например, представляет или представляла собой планета Тегла, описанная неизвестным автором? В окрестностях Сиркуса не было обнаружено планеты, сходной по описанию с Теглой.

Быть может, Тегла погибла, разлетелась на осколки! В пользу этой гипотезы говорит астероидный пояс, открытый земными зве-

здолетчиками в районе Сириуса. Но опять-таки: если Тегла погибла, то от чего? Какие причины могли вызвать столь страшную катастрофу? И какая судьба постигла тамошних людей, населявших планету?

Ответ на эти вопросы — дело будущих исследователей.

Работа, несомненно, предстоит немалая. И подспорьем в ней должен послужить текст, приводимый ниже. Он представляет собой расшифровку листов, обнаруженных земным капитаном в небольшом шаре, который свободно плавал в окрестностях Сириуса.

Свен свернул на набережную. В этот вечер, выйдя из Центра, он почувствовал себя чужаком, желающим пройтись пешком. Поставив немного, Свен подошел к парапету. Деготь реки тускло поблескивал.

Грузиный Свен, пройдя квартал, присел на гранит, еще хранящий дневное тепло.

Усталость сковала, казалось, каждую клеточку тела. Измотался за последние дни. Вызовов масса. «Шпур не принадлежит себе», — выплыли в памяти слова Харви. Глубоко ошибается думающий, что хлеб шпура легок. Платят прилично, это верно. Но зато шпур окружен всеобщей неприязнью.

А за что? Не Свен, так другой...

Свен покосился на маленький значок, поблескивающий на лацкане. Правда, этот треугольничек с профилем президента открывает ему любимые двери. Но зато, того и гляди, кто-нибудь пристукнет из-за угла.

Что может быть опаснее работы шпура, особенно в новых условиях? Теперь шпур — не только страж порядка. Недаром президент сказал, что ныне шпур — спаситель нации.

Да, спаситель... Если в ближайшее время не произойдет перелома, спасителей будет больше, чем спасаемых. Чем это может кончиться?

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, Свен стал смотреть на воду. И вдруг... он протер глаза. Посреди реки, ритмично покачиваясь, неспеша двигалась лодка с двумя силуэтами — мужским и женским. Она сидела на корме, обхватив колени. А он... Да, без сомнения, он греб! Это были весла, настоящие весла. Точно такие он видел в Историческом, когда они разыскивали там очередного беглеца — пропавшего нумизмата.

Лодка шла лениво, даже небрежно как-то, толчками, а лайдеры, похожие на плавающие аквариумы, и юркие стрелы с гирляндами бортовых огней обгоняли ее, оставляя на воде крутой поблескивающий след.

Свену вдруг безумно захотелось туда, третьим. Чертовски приятное, должно быть, ощущение — грести! Лодка скрылась за поворотом, а он все смотрел вслед.

А вести самому машину? Тоже, наверно, неплохо. Взять молоток и разбить проклятый принудительный автоводитель, а потом сесть и покатить, куда глаза глядят... Куда-нибудь далеко-далеко. Например в горы, Харви говорит, там заповедник. Свен настолько явственно ощутил в руке тяжелый молоток, что испуганно оглянулся: не подслушал ли кто-нибудь его мысли? Но желающих ходить пешком вдоль специально для этого отведенной набережной сегодня, по обыкновению, почти не было. Только вдали уныло вышагивала долговязая фигура. «Длинноухий», — с неожиданной неприязнью определил Свен своего собрата по коротко блеснувшему значку.

Прозвище у шпуров неслестное, но в меткости ему не откажешь.

Надо расслабить мышцы и не думать ни о чем. Главное — не думать. И дышать так, как учит тренер по пешей ходьбе, который также преподает шпурам приемы вольной борьбы.

Через несколько минут Свен почувствовал себя отдохнувшим. До Харви из Центра добираться было недалеко, но все равно пришлось делать остановку, чтобы отдохнуть. Связаться с Харви из Центра не удалось — видеозор приятеля не отвечал. «Тем лучше», — решил Свен, шагая по черному зеркалу асфальта. — Нагрюну неожиданно!»

В последний раз они немного повздорили, и Свен чувствовал себя виноватым. Он назвал Харви ослом и идиотом, когда тот начал защищать беглецов. Теперь душа Свена пребывала в смятении: может быть, Харви не так уж неправ?

Свен прошел набережную. Дальше пешая ходьба запрещалась. Он вышел на трассу и вскочил в проходящий бус. Совсем недавно отыскать свободное местечко в эту пору было не так-то просто. Теперь же салон был почти пуст. Лишь у иллюминатора сидела девочка-подросток. Она недобро глянула на Свена и отвернулась. Свен инстинктивно прикрыл рукой значок и плюхнулся в кресло. Ему даже послышалось «длинноухий», произнесенное шепотом, и он украдкой бросил взгляд в сторону девочки. Плотно сжав губы, она смотрела в окошко. «Нервишки», — подумал Свен.

Три окна Харви, расположенные на четвертом этаже, были темны, как и все остальные. Пятиэтажный дом, погруженный во тьму, среди своих высокорослых соседей казался карликом, которого ослепили.

Шагая через ступеньку, Свен миновал разбитый лифт, застывший где-то между третьим и четвертым этажом. На четвертом он

остановился. Лестничная площадка пахла мышами и запустением. А ведь дом выстроили недавно — кирпич, из которого его сложили, еще не успел потемнеть.

Сквозь запыленное двухцветное стекло слабо пробивался свет уличного фонаря.

Свен нажал кнопку. Звонок сиротливо откликнулся откуда-то из глубины, словно жалуюсь, что его потревожили. Открывать никто не шел. Свен уже собрался уходить, но тут заметил, что дверь заперта изнутри.

— Спит, что ли? — пробормотал Свен и стукнул в дверь. — Открой, Харви!

Ответа не последовало. Тогда Свен забарабанил изо всей силы.

Потревожить соседей он не боялся: уже с полгода, как последний жилец дома, исключая Харви, съехал отсюда неизвестно куда. Харви был единственной живой душой в доме.

Кулак заныл, и Свен опустил руку. Молчание казалось плотным, слежавшимся. Но на шутку встревоженный Свен бухнул в дверь ногой. Гулкое эхо колодца многократно повторило удар. Начиная догадываться, в чем дело, Свен разбежался и плечом ударил в дверь.

Крючок соскочил и Свен ступил в знакомую прихожую, отдающую погребом.

— Эй, бродяга! Воспитатель юных шпуров, — крикнул он. — Принимай гостя.

Ответа не последовало.

— Харви, довольно спать, — сказал через минуту Свен упавшим голосом.

Свен нащупал в темноте выключатель — вспыхнула потолочная панель.

Комната была пуста. Похоже, хозяин покидал ее в большей спешке. Дверца стенового шкафа полураскрыта. Повсюду — на стульях, на кровати, на полу — разбросаны груды бумаги. В углу комнаты высится горахлама, тоже по большей части состоящего из бумаг.

Свен подумал, что в Центре не без оснований смотрели на Харви косо, хотя он и преподавал в школе для младших шпуров.

Растерянный Свен обвел взглядом разноцветные квадраты пола — исчезнувший приятель называл его шахматным. Затем, осторожно лавируя между бумаг, подошел к письменному столу, который примыкал к среднему окну. Еще издали в глаза ему бросился блокнотный листок, придавленный массивным пресс-папье. На пластиковом прямоугольнике наспех было нацарапано:

«Свен, прощай. Я уверен, что это письмо попадет к тебе,— а кто еще придет в гости к чудаку отшельнику, к тому же занимающемуся подозрительным бумагомаранием? Возможно, ко мне пожалуют и неизбежные посетители — твои коллеги, но к тому времени ты уничтожишь этот листок. Ты ведь собирался ко мне на днях, а такой пустяк, как дверь, запертая изнутри, шпура смутить не может.

К тому времени, когда ты придешь и будешь читать это письмо, я надеюсь, как и всякий беглец, быть уже далеко, если в данном случае уместно это слово.

Так уж получилось, не вини меня. Не могу больше дышать в этом мире, отравленном злобой и ненавистью. Сколько можно жить под дамокловым мечом новой войны, которая вот-вот должна разразиться, хотя прежняя лишь недавно закончилась.

Остается надеяться, что там, куда я бегу, будет лучше. Я отправляюсь далеко вперед, выбрав срок, по-моему, достаточный для того, чтобы тегланцы поуменьли».

Дальше шло несколько фраз, тщательно зачеркнутых. Подписи не было, но Свен хорошо знал почерк Харви — изломанный, падающий влево.

Свен сел на стул, смахнув связку бумаг. Согласно Уставу он, как шпур, должен был бы немедленно сообщить в Центр о случившемся. Короткий сигнал, передача координат — и через несколько минут возле дома опустится орник со зловещей эмблемой. И дальше — все по трафарету. Выстукивание стен и потолка, тщательный обыск квартиры беглеца, иногда удачный, а чаще — нет, и в заключение — увесистая пломба на двери, атихомолку прозванная печатью дьявола.

В послужном списке Свена числилось немало пойманных беглецов. Но те были чужими ему, а Харви... Харви друг. Впрочем, Устав с этим не считается.

Свен вынул из кармана передатчик. Повертел в руках пеструю горошину, словно видел ее впервые, и решительным жестом сунул обратно.

Будь что будет. В конце концов свидетельств его связи с беглецом Харви никаких, если не считать записки. Счастье, что он опередил тех, других.

Свен поднес к листку зажженную спичку и не мигая глядел, как огонь пожирает корчащуюся пленку. Затем сдул пепел со стола на пол и поднялся. «И видеозор свой зачем-то разбил», — подумал Свен, покосившись на обломки.

Выходя из комнаты, Свен наткнулся на потрепанную записную книжку, нагнулся и поднял ее. Между страниц лежало небольшое

фото Харви. Хмурое, неулыбчивое лицо, огромный лоб, орлиный нос, сжатые губы, в уголках которых затаилась горечь. Под черными глазами залегли тени, на щеках горячечно тлел румянец.

Свен спрятал записную книжку в нагрудный карман и вышел из комнаты.

Теперь он остался один в этом нелепом мире, в этом огромном полупустом городе. Еще не так давно город был переполнен, а теперь пустуют целые дома, и многие двери украшены тяжелыми пломбами, и меблированные комнаты идут по смехотворной цене, а съемщиков нет... Нигде не хватает рук, так как автоматизация, какой она ни будь полной, все же требует присутствия человека.

Люди бегут, несмотря на сеть шпуров и жестокие законы, направленные против беглецов.

Статистики Центра подсчитали, что если дело и дальше пойдет такими темпами, то через год в республике не останется ни одного человека.

Драконовские меры правительства, видимо, были малоэффективными. Бегство в будущее продолжалось.

— Без людей наша цивилизация рассыплется, как карточный домик, — сказал президент, выступая в клубе шпуров, где собрались тысячи коллег Свена.

И мрачная действительность ежедневно подтверждала правоту президента.

Огромный завод вдруг словно сходил с ума. В цехах ухали взрывы, контейнеры лопались, как перезрелые сливы, едкая гарь заволакивала этажи. Для управления гигантским комплексом требовался инженер, один-единственный человек, но этого человека не было...

А фермы, а сады, а поля? Горько было видеть их запустение.

Хоть самому бежать вслед за Харви... Интересно все-таки, кто помог ему спрятаться? И в какое столетие надумал он бежать?

Спускаясь по лестнице, Свен по прозвищу Мудрая голова размышлял о том, в который год грядущего мог направить Харви свои стопы.

Недавно шпуров напали на след одного из астрологов.

Как известно, спрос рождает предложение, и в стране, снедаемой неурядицами и неуверенностью в завтрашнем дне, повсюду расплодилось астрологи, хироманты и прочие предсказатели судьбы.

Астролог, о котором вспомнил Свен, нажил состояние тем, что под большим секретом сообщал беглецам, в какое столетие и в какой именно год им лучше всего скрыться. При этом, как выяснилось впоследствии, знаток звезд не баловал своих клиентов разнообразием советов и, получив положенную мзду, сообщал

страждущему, что бежать нужно ровно на два столетия вперед — именно об этом говорит расположение Сириуса и остальных светил.

— Райское местечко, не пожалеете, — приговаривал он, с опаской выпроваживая посетителя. — Звезды не лгут.

Только после того как смутьяна изловили, стало ясно, почему большинство рела времени на контейнерах с беглецами, которые шпурам удалось отыскать, установлены на цифру «200». Именно через это количество лет беглец желал проснуться и выйти из контейнера.

Свен усмехнулся, припоминая, как в Центре допрашивали дряхлого астролога. Сам президент прибыл к шпурам по этому случаю. Старикашка-звездочет всячески изворачивался, понимая, что ему грозят самые серьезные неприятности.

— Почему вы направляли всех беглецов в один и тот же год и месяц будущего? — поинтересовался президент, когда допрос уже заканчивался и астролог — не без посторонней помощи — успел покаяться во всех своих прегрешениях.

— Мне жаль было беглецов, ваша власть, — неожиданно ответил дряхлый астролог.

— Жаль? — переспросил президент.

— Конечно, ваша власть, — прошамкал астролог. — Ведь беглецу, который один выйдет на берег реки времени, будет так одиноко там, в далеком туманном будущем. Ни друзей, ни родных, только чужие кругом.

Президент нахмурился,

— Ишь, добряк выискался, — прошипел шпур, проводивший допрос астролога, и сжал огромные кулаки, — он славился в Центре своей силой и сноровкой и потому всегда направлялся начальством на самые ответственные задания.

— Конечно, ваша власть, я старался отговорить беглецов, которые обращались ко мне, от безумного поступка, — зачастил астролог, испуганно покосившись на кулаки, с которыми успел познакомиться. — Я, как мог, удерживал их от опрометчивого шага. Но, увы, — закатил он к потолку слезящиеся глазки, — это оказалось не в моей власти. Тогда я решил сделать хотя бы то, что в моих силах — направлять всех беглецов в одну и ту же точку грядущих времен. Всем вместе им там будет не так скучно...

— Зато тебе, негодяй, сейчас будет скучно! — рякнул побавлявшийся президент.

Звездочета, конечно, обезвредили, однако массовые бегства в будущее продолжались, хотя и поуменьшились.

Возможно, и Харви пошел по стопам большинства беглецов и убежал вперед на двести лет, подумал Свен.

А что если раздобыть контейнер, разжиться жидким гелием и соснуть на пару столетий? Можно себе представить, какую радостную рожу скорчит Харви, когда встретит Свена. То-то удивится!

Однако улыбка, вызванная этой картиной, быстро сбежала с широкоскулого лица Свена. Допустим, он раздобудет все, что нужно для бегства — и контейнер, и сжиженный гелий, и реле времени. Но кто согласится зарыть или как-либо иначе припрятать ящик с замороженным шпуром? Правда, продолжал размышлять Свен — не напрасно же его наградили прозвищем Мудрая голова! — человек за деньги может пойти на любой риск. А у Свена есть кое-какие сбережения: шпур — высокооплачиваемая должность в стране.

Когда Свен благополучно миновал последний лестничный марш, передатчик коротко, но требовательно пискнул. Снова вызов! Проклятая служба. Нет покоя ни днем, ни ночью.

Привычным жестом Свен сунул горошину в ухо.

— Искатель Свен? — голос начальника звучал глухо, словно спросонья.

— Я слушаю, шеф.

— Где вы сейчас?

С замиранием сердца Свен сообщил свои координаты.

— Что вас занесло в такую даль? — подозрительно спросил начальник.

— Решил размяться немного... Думал, вызовов сегодня больше не будет, — промямлил Свен.

— Думал, — с издевкой повторил шеф. — А Устав шпура вы знаете? Ну ладно. Вы, собственно, у кого? Я слышу, вы говорите из закрытого помещения?..

— Приятель. Партия в бридж, — ответил Свен, стараясь, чтобы голос звучал ровно: он знал, что в этом случае детектор лжи, в непогрешимость которого свято верит шеф, будет нам как рыба.

— Донграете потом, — сказал шеф. — Срочный вылет, а свободных шпуров нет.

— Слушаю.

— Убежал инженер из Уэстерна. — Когда шеф произносил название всесильной компании, голос его дрогнул от благоговения. — Необходимо срочно разыскать и распечатать. По агентурным данным, беглец скрылся у себя дома. Запомните координаты: угол восемнадцатой авеню и тысяча четвертой стрит.

— Там квартира беглеца?

— Да. Орнитоптер туда уже вылетел. Добирайтесь самостоятельно, до поживее. Все! — отключился шеф.

Выйдя на улицу, Свен быстро разыскал свободную патрульную машину, из тех, которые на всякий случай круглосуточно прочесывают улицы и площади города.

По сигналу шпура машина остановилась, Свен торопливо плюхнулся в сиденье и набрал на пульте автоводителя координаты, сообщенные шефом.

Пока машина неслась по полутемным улицам, распугивая пронзительной сиреной редких встречных, которые шмыгали в стороны в своих разнокалиберных механических экипажах, Свена не покидало чувство неясного беспокойства. Вроде где-то дал промашку, совершил упущение, а в чем именно — сообразить не мог. Он попытался проанализировать сегодняшний день. В Центре как будто все спокойно, начальство ему благоволит. Еще бы — один из лучших шпуров республики. Разве что рыжебородый? Он теперь двусмысленно скалится, встречая Свена, и шуточки его столь же двусмысленны. Может быть, ему удалось подслушать мысли Свена? А, ерунда. Но что же еще? Вызовы сегодня проходили, как обычно. Свен выплавливал беглецов, стараясь не задумываться об их дальнейшей судьбе. Потом, освободившись, он отправился к Харви, как они условились.

В цепкой памяти шпура проплыли — набережная для пешеходов, лодка с веслами, почти пустой бус и девочка с недобрим взглядом, темный пятиэтажный дом, дверь, запертая изнутри, пустая комната...

Итак, и Харви присоединился к сонму беглецов. Нет, Свен его ничем не выдал. Маловероятно, что шпуры туда нагрянут своим ходом, без агентурного вызова. Им, слава богу, и по вызовам работы хватает. Ну, а если заявятся, что они увидят? Комнату, брошенную хозяином, — мало ли таких комнат? Хлам на полу, убогая обстановка: единственное украшение — висящий над кроватью портрет... Стоп! Как он мог забыть? Надо было вырвать портрет из рамки и сунуть в карман, или изорвать в клочки и добавить к куче сора в углу.

Дело в том, что на портрете был изображен Свен. Фото когда-то, в веселую минуту, купил и повесил Харви — портреты лучших шпуров продавались на всех перекрестках.

Машина, ведомая автоматом по кратчайшему пути, который идет к заданной точке, миновала центр и мчалась теперь по окраинным улочкам, и вовсе пустынным. Наконец, замедлив ход, она круто развернулась и нырнула в глубь мрачного двора, похожего на колодец.

Несмотря на поздний час, по двору шмыгали какие-то подозрительные тени. Впрочем, возможно, это были вполне добродоря-

дочные граждане, решившие ввиду тепла подышать немного свежим воздухом.

Свена уже ждали. Он вышел из машины и присоединился к группе.

— О чем задумался, Мудрая башка?— подмигнул ему рыжий верзила, которого Свен терпеть не мог.

— О службе,— буркнул Свен («Все помыслы шпура должны быть посвящены службе»,— гласил один из пунктов Устава шпура.)

Рыжий осклабился.

— Догадываюсь,— хлопнул он Свена по плечу.— Наверно, у этой самой службы карие глазки и пара чудных маленьких ножек. Верно?

Свен промолчал. Старший группы озабоченно просматривал какой-то листок — видимо, донесение.

— Не обижайся, Мудрая голова,— примирительно сказал рыжий.— Чудной ты стал.

Старший сунул листок в карман.

— Сюда,— угрюмо ткнул он рукой в провал подъезда, чернеющий поодаль.

Кучка шпуров, сопровождаемая шагающей тележкой-манипулятором, двинулась к дому. Встречные шарахались от шпуров, словно от зачумленных.

— Все они заводно,— пробормотал рыжий с ненавистью.— Сегодня сообщники беглецов, а завтра — беглецы. Будь моя воля, я бы...— не договорив, верзила махнул рукой, и шпуры так и не узнали, каким проектом мог бы осчастливить республику их соратник.

Пневмокапсула пронзила этажи, словно нож, воткнутый в слоеный пирог.

— Здесь,— сказал негромко старший, посветив фонариком на дверь.

«Четырнадцатый этаж»,— отметил про себя Свен.

Рыжий открыл отмычкой дверь, и шпуры, осторожно озираясь — иногда бывали и засады — вошли в квартиру.

— Видно, жил здесь богатый человек,— сказал Свен, тронув пальцем ковер на стене.

— Не человек, а беглец,— строго поправил старший.— Что-то часто я стал, Свен, напоминать вам Устав шпура. Приступим,— махнул он рукой.

Через двадцать минут квартира приняла такой вид, словно по ней промчалось стадо бизонов.

— Попался, голубчик!— торжествующий голос старшего неприят-

но резанул слух Свена, который проверял прихожую. В глубине души Свен почему-то надеялся, что донос окажется ложным и они уйдут отсюда ни с чем. Не мог разве этот олух приискать себе местечко получше и поукромней, чем собственная квартира!

Свен вошел в комнату, где орудовали старший с рыжим. Отодранные с пола листы пластика загромождали проход. Между двух обнажившихся брусьев перекрытия покоился контейнер, похожий на гроб.

— Недурно устроился,— заметил рыжий и сплюнул на контейнер.

— А хорошо замаскировали,— сказал кто-то, разглядывая ровный край только что отодранного с пола пластика.— Дружки на совесть потрудились.

— Зря трудились,— бросил рыжий.— Мне бы сюда их, дружков...

— Сообщники — дело последующего контроля,— сказал старший.— Им тоже не поздоровится, как и этому,— пнул он ногой в угол контейнера.

— Осторожней,— вырвалось у Свена.— Может треснуть, как вчера, на улице Слез...

— И все слезки вытекут,— захохотал рыжий.

— Тогда уж беглеца и впрямь не поймаешь,— позволил себе улыбнуться старший.— Сразу на тот свет смоемся. Давай-ка сюда,— кивнул он манипулятору, и платформа, по-собачьи перебирая щупальцами, приблизилась к ящику с беглецом и остановилась, ожидая приказаний.

В комнате собралась вся группа. Шпуры разглядывали контейнер, обмениваясь замечаниями.

— Бери штуку и грузи в кабину,— велел старший манипулятору.

Тележка подогнула передние щупальца и единым духом взвела тяжелый контейнер на платформу. Внутри что-то булькнуло. Затем аппарат выскользнул из комнаты, оставив дверь открытой. Щупальца быстро протопали по коридору и перестук их замер в отдалении.

— Ящик, наверно, не полон,— сказал старший.— Слышали, как булькнуло?

— Гелня у бедняги не хватило,— предположил Свен, разглядывая гнездо, в котором лежал контейнер.

— А я бы эти гробы разбивал на месте,— заявил рыжий.— Чего церемониться с беглецами?

Шпуры промолчали.

— Беглецы — это дезертиры,— распаляясь, продолжал рыжий.

При каждом удобном случае он старался продемонстрировать верноподданнические чувства.— В момент наивысшего напряжения нации они бегут с поля боя, поджав хвост.

В Центр возвращались на довольно большой высоте, опасаясь внезапного выстрела снизу.

С нахлынувшей тоской Свен глядел вниз, на скудно освещенный город.

Ориктоптер, или орник, как фамильярно именовали его шпурь, помахивая крыльями, летел на базу.

Свен, которому старший поручил сопровождать манипулятор, едва отыскал на стеллажах свободное местечко для нового беглеца. Центр явно не поспевал пропускать поток беглецов, изловленных бдительными шпурами.

По виду контейнеры резко отличались друг от друга. Одни были выполнены из грязно-серого, самого дешевого пластика, другие солидно поблескивали дорогим голубоватым нейтрином, третьи выставляли на гранях завитушки из благородного металла с явной претензией на роскошь.

Некоторые контейнеры имели на торцах столбцы цифр и невразумительные письма. Эти штабелями были сложены в отдельном углу — хлеб, хотя и нелегкий, дешифраторов. Извлечь смысл из этих цифр было потруднее, чем раскрыть секретный шифр несгораемого сейфа. Электронные машины в отделе дешифровки трудились день и ночь, но работы все прибавлялось.

Возвращаясь со склада, Свен покачивался от усталости. Поспать часика три-четыре, и больше, кажется, ничего на свете не надо. Вдали призывно светилось гигантское здание, в котором каждый шпур имел крохотную камеру.

— Куда, Мудрая голова?— окликнул его какой-то шпур.— Свен даже не разобрал во тьме, кто это.

— К себе, соснуть,— сказал Свен.

— Счастливцев,— вздохнул окликнувший.— А мне вот всучили три новых вызова, хотя моя смена кончилась. Придется сейчас вылетать.

— Далеко?— из вежливости поинтересовался Свен.

— Один — у Коровьей пустоши.

— На кладбище, что ли?

— Ага. Агент подозревает, что беглец спрятался в семейном склепе. Второй, дурачок, зарылся возле фонтана.

— В городском саду?— удивился Свен.— Это что-то новое. Но там же народу...

— Наверно, ночью зарыли.

— И никто не видел?

— Если кто и видел, так донесет разве?— выругался шпур.— Это только в Уставе сказано, что каждый гражданин должен помогать нам.

— Но все-таки беглеца нашли.

— Наш искатель его обнаружил. Проезжал днем через сквер, смотрит — а уголок-то торчит из-под земли. А где третий беглец — не помню. В дороге разберусь. Все равно не убежит теперь!

— Желаю улова,— как положено, сказал на прощанье Свен и отправился в свою клетушку.

Запершись, он вытащил записную книжку Харви и принялся разбирать каракули ушедшего друга.

«...Вчера допоздна разговаривал с С. Спорили, как всегда, о беглецах.

— Жизнь невыносима,— сказал я.

— Ее не переделаешь,— ответил С.

— Переделать можно, только силенок не хватит.

— В таком случае тяни свою лямку.

— Есть еще один выход,— сказал я.— Нырнуть в жидкий геллий и вынырнуть через несколько десятков лет.

С. покачал головой.

— Несколько десятков лет,— повторил он.— Нырнешь — и сгинешь. Видишь, собираешься вроде бежать, а сам даже не знаешь толком — куда, в который век.

— Знаю, Мудрая голова,— ответил я и прикусил язык...».

Свен читал записную книжку Харви со все возрастающим интересом. «Спасибо, что Харви догадался зашифровать мое имя»,— подумал он, продолжая разбирать густо исписанные страницы.

«С. мой друг и порядочный человек, но он шпур. Как это соединяется в нем — не пойму, хоть убей.

— У тебя есть адрес во времени?— удивился С., когда я проговорился.

Я кивнул.

— Наверно, прогнозисты подсчитали для тебя год наивысшего расцвета республики,— сказал С., иронически подчеркнув самые любимые словечки нашего президента.

— Прогнозисты здесь ни при чем,— отрезал я. Разговор начал меня раздражать.— Прости, но я обещал сохранить тайну.

— Понимаю,— произнес С. и задумчиво погладил свой значок шпура.

— Ничего ты не понимаешь. Я просто связан словом. Дело обстоит именно так.

С. пожал плечами.

— Так или иначе — какая разница? — сказал он.

«Харви, видимо, воспользовался рекомендацией звездочета, которого мы изловили, — подумал Свен. — Это значит, он поставил реле времени на двести лет».

В коридоре слышались шаги, и Свен поспешно припрятал записную книжку. Шаги стихли — вытащил ее снова. Но дочитать заметки Харви Свену в этот раз так и не пришлось. Последовал новый вызов, который затянулся до самого рассвета.

И в последующие дни Свен исправно являлся на вызовы, но поисками контейнеров с беглецами он занимался отнюдь не так ревностно, как прежде: стены и полы выстукивал больше для проформы, на подозрительные места, обнаруженные агентурой, старался смотреть сквозь пальцы. Как знать, а вдруг именно здесь, под листом пластика на полу или под слоем сырой стеной штукатурки скрывается контейнер с Харви? И его разморозят, как других, по ужасному «ускоренному» методу.

Нет, Свен скорей плюнет на свою репутацию одного из лучших шпуров республики, чем подведет друга. Пускай портреты Свена перестанут продавать на всех перекрестках — он ничего не имеет против. Наоборот, будет даже рад: с некоторых пор Свен пришел к выводу, что слава длинноухого имеет двусмысленный привкус.

Как-то Свен столкнулся на базе с рыжим, которого недолюбливал.

— Привет тебе от твоего крестника, — остановил Свена рыжеволосый.

— Какого крестника? — насторожился Свен. «Харви?..» — мелькнуло в голове.

— Помнишь операцию на той неделе? В многоэтажной коробке, на четырнадцатом этаже.

— У меня много операций. Все не запомнишь, — угрюмо бросил Свен.

— Угол восемнадцатой авеню и тысяча четвертой стрит, — напомнил рыжеволосый. — Мы там одного беглеца выуживали, Инженера из Уэстерна.

— Ну?

— Ты еще беспокоился о нем. Чтоб контейнер не расшибли и гелий не вылился.

Липкий, обволакивающий взгляд рыжего вызывал у Свена почти физическое отвращение.

— Вчера его разморозили, твоего клиента, — продолжал рыжий. — Я там был случайно, узнал его по контейнеру. Орал он,

как поросенок. Чокнулся малость твой инженер. Можешь ему передачу отнести.

Свен смерил рыжего взглядом.

— Говоришь, был там случайно?— сказал Свен, сжав кулаки.— Хлебом тебя не корми, только дай полюбоваться, как размораживают. Стервятники!

— Ну, ты!— захлебнулся от ярости рыжеволосый.— Почетный шпур. Смотри, не перемудри. И за тобой грешки водятся...

Свен, не слушая, толкнул рыжего в грудь, так что тот едва не упал, и в отаратительном настроении двинулся за очередной порцией вызовов на сегодня.

Дурацкий разговор с рыжим вызвал в памяти высотное здание и комнату, в которой был обнаружен злополучный инженер из Уэстерна. Его уже успели подвергнуть мучительной операции— ускоренному размораживанию, чем обрекли на бесправное прозябание и жалкую смерть.

Свен замедлил шаг, пораженный неожиданной мыслью. Он припомнил, что контейнер уэстернского инженера легко поместился между балок перекрытия— они достаточно далеко отстоят друг от друга. Это хорошо— Свен широкоплеч. Некоторые говорят, правда, что высотные дома такой конструкции непрочны. Тем лучше— ходить туда будут с опаской. Придется пойти на риск. Зато в случае благополучного исхода у него будут все шансы встретиться с другом там, в будущем, отделенном от сегодняшнего дня хребтом в два столетия.

На двери пустой комнаты висит печать дьявола, она будет охранять Свена: он, конечно, не снимет ее. В квартиру можно попасть через окно. Выбрать ночь потемнее, подлететь туда на орнике, прыгнуть на подоконник, а машину отпустить. Правда, при этом контейнер как следует не запрядешь. Но тут уж выбирать не приходится.

Свен знал, что такое риск. В прошлой войне, которая недавно кончилась, ему пришлось хлебнуть лиха. В бою, укрываясь от огня, Свен— бывалый солдат— прыгал в воронку от снаряда, еще горячую после взрыва: едва ли в нее снова угодит снаряд.

В квартиру на четырнадцатом этаже попал снаряд: ищейки обнаружили там спрятавшегося беглеца. Значит...

Страховое общество «Титан и Венера под знаком Сириуса» пребывало в величайшей панике. Все началось с того, что третьего дня к окошку выдачи подошел вкладчик с необычайно бледным

лицом. Он протянул через барьер листок погашения, который девица подхватила заученным движением.

— Всю сумму? Или часть?— не глядя на посетителя, прощептала она.

— Все,— бросил клиент.

Глаза кассирши полезли на лоб: в графе «расход» красовалась цифра... Нет, это ни с чем несообразно!

— Вы ошиблись,— кротко сказала она, возвращая бланк.— В сумме несколько лишних нулей.

За годы службы в «Титане и Венере» она привыкла к разного рода казусам.

— Проверьте мою карточку,— потребовал бледнолицый посетитель.

Сумма и в самом деле оказалась правильной. Все объяснялось просто: клиент был в этих стенах в последний раз двести лет тому назад. Тогда же он положил на текущий счет довольно внушительную сумму, не превосходящую, однако, обычного вклада.

Остальное сделали сложные проценты и время.

— Подождите,— попросила кассирша и на цыпочках подошла к широкой дубовой двери.

— Двести лет?— переспросил член правления страхового общества.

— Двести.

— А вы, простите, не заглядывали утром в стакан?

— Цифры не подлежат сомнению,— сухо произнесла кассирша, обиженно опустив очи dolu.

— Двести лет. Мистика какая-то. Как мог он урвать у господ бога такой жирный кусок? Мне шестидесяти нет, а я уже собираюсь в дальнюю дорогу,— сказал член правления и задумался.

— Прикажете выдать?— напомнила кассирша.

— А мы с чем останемся?

Член правления поднялся и прихрамывая подошел к калькулятору. Машина была старенькая, латанная-перелатанная — новых давно уже не выпускали. Однако цифры сходились. Коварные проценты на проценты сделали свое дело.

Обратиться к стражам порядка? Они, конечно, заинтересуются клиентом столь почтенного возраста, но... О вмешательстве стражей порядка прослышат другие клиенты — шила в мешке не утаишь. А как же тайна вклада, которая гарантируется «Титаном»? Нет уж, потеря доверия вкладчиков — последнее дело.

Придется выплатить. Можно извернуться: приостановить другие платежи...

Член правления вышел, чтобы посмотреть на уникум.

Бледный посетитель терпеливо ждал у окошка.

«На вид ему и полсотни не дашь. Наверное, вегетарианец. Не годяй»,— подумал член правления, с неприязнью глядя на дурно выбритого клиента.

Почтенное страховое общество, поднатужившись, выполнило желание таинственного вкладчика и погасило его счет.

Но дело на этом не кончилось. Через четыре дня после столь же необычного, сколь и прискорбного для общества события к окошку кассы подошел еще один бледнолицый... А потом странные Мафусанлы посыпались, как горох из порванного мешка.

Стреховые компании и банки начали лопаться, словно мыльные пузыри. Бледные люди появлялись неизвестно откуда, и население страны начало быстро увеличиваться.

Транспорт переполнился. В подземке царила толчея, даже в мертвые дневные часы. Цены в мебелирашках подскочили: некоторые пришельцы сорили деньгами, ни с чем не считаясь.

В одной газете появилась карикатура: из облаков на Теглу вываливается вереница пришельцев— чтобы подчеркнуть их возраст, художник снабдил каждого пришельца длинной развевающейся бородой. Передний кричит:

— Эй, люди! Мы прибыли. Освободите место.

Повсюду спорили: какими путями достигается массовое долголетие?

— Диета,— утверждали одни.

— Спячка с помощью сильнодействующих снотворных,— предполагали другие.

— Лица,— надрывались третьи.

Истина стала известна позже.

Выходные дни были для Венса постоянной проблемой, вроде больного зуба, который и лечению не поддается, и вырвать жалко.

Обычно Венс планировал накануне, куда давать в воскресенье свою свободу, но веселья все равно не получалось: его съедали мелкие заботы.

Венс жил в допотопном пятиэтажном доме, из тех, что попадают на окраине города. Дом, сложенный из некогда красного кирпича, грузный, осевший, производил впечатление немощного старика, который шел по своим делам, присел на минутку отдышаться да так и остался здесь, у зловонной речушки, на косогоре, усеянном черепками и битым стеклом.

Ближе к центру города возвышались многоэтажные коробки, в которых, сколько помнил себя Венс, никто не жил.

На этот раз Венс решил в выходной никуда не выбираться, а посвятить свободный день благоустройству своего жилья — делу, надо сказать, давно назревшему.

ПРИМЕЧАНИЕ ЛИНГА-ЦЕНТРА. В этом месте дешифровальная машина надолго запнулась — видимо, попался труднопереводимый кусок, и электронный мозг искал земной аналог терминам, которыми пользовались жители далекой Теглы.

Лишь через полчаса из мембраны снова зазвучал голос машинного переводчика — дешифратор придумал сравнение, взятое из греческой мифологии. Оно было понятно каждому землянину и наиболее точно, по мнению дешифровщиков, передавало суть дела.

Акция, которую задумал Венс, была сродни подвигу Геракла, который решил очистить запущенные конюшни царя Авгия.

Венс решил начать уборку с груды хлама в углу комнаты. К этой неопрятной куче он, сколько помнил себя, не прикасался, о чем красноречиво свидетельствовал бархатный слой пыли, мигом поднявшейся в воздух, едва Венс приступил к операции. Несколько раз хмыкнув, Венс начал всерьез подумывать о противогазе — это приспособление на случай внезапной газовой атаки внешнего либо внутренних врагов имелось у Венса, как и у любого другого гражданина республики: таково было указание президента.

До противогаза, однако, дело не дошло. Разбор груды настолько увлек Венса, что он позабыл про пыль.

Хозяином бумаг, как вскоре выяснилось, был его далекий предок Харви, живший, по преданию, в смутную эпоху Великого безлюдья, когда люди вдруг стали неизвестно куда исчезать. Много слухов о том времени. Люди бежали неизвестно куда — то ли в космос, то ли в другое время, во всяком случае, города и селенья обезлюдели настолько, что работать на фабриках и полях стало некому.

Присев на корточки, Венс тщательно перебирал листки. Счета, которые оплачивал Харви... Разного рода справки — целая пачка... Измятые от долгого ношения в карманах и новенькие, будто вчера выданные, — лишь пожелтевший пластик выдавал их возраст. Письма. Писем немного, Харви переписывался только с одним человеком, которого звали Свен, по прозвищу, Мудрая голова.

Интересно, какие они были — Харви и Свен, подумал Венс и посмотрел на засиженный мухами старинный портрет, висевший над кроватью. Теперь не умеют делать такие портреты. Цветное фото представляло неизвестного человека — подписи никакой не было. Может быть, это и есть Харви?

Венс пожалел, что не пригласил Хорана — вдвоем разбирать груду было бы интереснее.

К ночи Венс управился с работой. Комната преобразилась. Благодаря настойчивости хозяина да еще исправно работающему мусоропроводу завалы хлама исчезли. Под ними обнажился пол, весьма непрезентабельный на вид. Квадраты разноцветного пластика были истерты, во многих местах повреждены, а когда Венс выгреб из угла самую большую кучу, то оказалось, что листы пластика под ней наклеены и вовсе небрежно, будто старинный мастер работал наспех: одна сторона налезала на другую, края топорщились.

Следующий выходной Венс решил посвятить полу.

Стопку бумаг, исписанных корявым почерком — неровные буквы падали влево — Харви не выбросил, припрятал, чтобы почитать на досуге. Он вообще любил читать, читал много и жадно, ища в книгах ответа на вопрос: почему мир несовершенен и как переделать его?

Но книги, которые он читал, рассказывали о чем угодно, только не об этом, и Венс забросил их.

Записки Харви вызвали тревожные мысли. Они звали на борьбу, толкали к действию. В то же время Харви был бесконечно одинок. Он дружил только со Свеном, которого называл странным словом шпур.

Чтобы заглушить беспокойные мысли, Венс отдался благоустройству жилья. Лавочник сказал, что получил из столицы партию пластика ручной работы — чудный материал, пружинит под ногами, не выцветает, и главное — днем вбирает свет Сириуса, а ночью красиво и мягко посверкивает, словно искрится. Венс с трудом втащил толстые листы на свой четвертый этаж и принялся за дело. Пластик резался легко, работа спорилась. «Материал исключительно прочный», — сказал лавочник.

Настилая тяжелый пластик на старые обшарпанные квадраты, Венс размышлял о том, что наступают беспокойные времена. В городе невесть откуда появляются толпы людей, бледных, со странными выражениями лиц. Она перегружают транспорт, заполняют необжитые трущобы — коробки высотных домов, бродят по улицам и с жадностью глазеют на дома и вывески, словно попали

не в обычный зачуханный городок, а в первоклассный музей. Но все это еще полбеды. Хуже то, что многочисленные пришельцы, предлагая свои услуги, сбивают цены на рабочие руки. В то же время цены у лавочников лезут вверх, словно ртутный столбик термометра, сунутого в горячий песок.

То же самое, говорят, происходит и в других городах республики.

С новым полом комната приобрела шикарный вид. Даже портрет над кроватью преобразился. Если раньше предполагаемый Харви с неодобрением наблюдал беспорядочный образ жизни Венса и его захламленную комнату, то теперь глаза его явно поощрительно следили за взрывом домашней деятельности хозяина квартиры. Так по крайней мере казалось Венсу.

Закончив работу, Венс прислонился к стенке, словно художник, который, бросив на холст последний мазок, созерцает творение рук своих.

Спал в эту ночь Венс дурно — сквозь сон чудились какие-то шорохи, глухие толчки, мышьяная возня, хотя прежде мышей в доме не наблюдалось.

Под утро Венсу показалось, что где-то сочится вода, стекает капля по капле. Поняв, что не заснет больше, Венс поднялся, чтобы проверить кран на кухне. Толстый пружинящий пластик приятно холодил ноги. Завнув, Венс отметил про себя, что лавочник его не обманул: пол и впрямь поблескивал редкими искорками.

Венс убедился, что кухонный кран в порядке, и вернулся в комнату. Над кроватью неясно белел портрет. Венс сел на кровать, поджал ноги. До слуха его явственно донеслось слабое журчание, глухие удары, словно ладонью в войлок.

Под звуки капающей жидкости Венс задремал. Журчание повторялось и завтра, и послезавтра, однако поскольку никто из соседей не выражал по этому поводу беспокойства, не жаловался на то, что у него подтекает пол или потолок, Венс успокоился. Наверно, просто вода шумит в трубах, решил он, в конце концов привыкнув к легкому, даже приятному шуму.

Венс вышел из старых, потемневших от времени ворот — малая песчинка среди тысяч таких же, как он, рабочих и инженеров, гнувших спину на всемогущую компанию Уэстерн. Хмурые лица, озабоченные глаза, одинаковые форменные роботы...

В толпе кто-то пребольно наступил Венсу на ногу. Он поднял голову, чтобы выругаться — перед ним стоял Хоран, тоже служивший в Уэстерне. Хоран сделал Венсу таинственный знак. Как-как они выбрались из толпы на тихую улочку.

Полуразвалившиеся дома, в которых раньше никто не жил, грустно смотрели на них выбитыми стеклами. Теперь некоторые окна были наспех застеклены и тщательно заткнуты тряпьем.

— Я тут каждый день хожу,— сказал Хоран.— Каждый день застекленных окон прибавляется.— Скоро и здесь будет полно, вот увидишь.

— Пришельцы?

— А кто же еще? Принес их черт на нашу голову.

— Пришельцы — такие же люди, как мы с тобой,— сказал негромко Венс.

— Ты уверен?

Венс пожал плечами.

— В таком случае можешь поблагодарить своих новоявленных братцев,— криво усмехнулся Хоран.— Глядишь — и вытеснят нас с тобой.

Венс промолчал. Он по опыту знал, что Хорану нужно дать выговориться.

— У меня для тебя новость,— сказал Хоран после долгой паузы.

— Люблю новости.

— Новость невеселая. На днях готовится новое увольнение. Ты в списках.

«Пронюхал Хоран все узнает первым»,— подумал Венс и растерянно промолчал:

— Но мне обещали...

— Обещали! Грош цена этим обещаниям. Среди твоих любимых братиков, видишь ли, попадаются довольно неплохие инженеры. Кроме того, эти пришельцы готовы работать за гроши.

— Но они же богачи!— возразил Венс.

— Враки! Богачей среди них считанные единицы, а у большинства — ничего за душой. У них нет ни одежды, ни крова над головой, если не считать эти трущобы, ни куска хлеба — ничего!

— Нашествие саранчи...— пробормотал Венс.

— Кажется, я попал на разгадку,— сказал Хоран. Он взял Венса под руку и, таинственно понизив голос, продолжал:— Это — пришельцы из космоса.

— Придумай что-нибудь поумнее.

— Дослушай, а потом говори. Пришельцы — не космические чудовища. Это такие люди, как мы с тобой, тут я с тобой согласен. Я разговаривал с ними, они пришли из глубокого прошлого,— сказал Хоран.

— Это я и без тебя знаю.

— Но все они избегают говорить о том, каким образом попали к нам,— продолжал Хоран.— Боятся, что ли? Я сам разгадал эту загадку.

— Ну-ка.

— Они пришли к нам из прошлого через... космос,— торжественно заключил Хоран.— Понимаешь, если человек летит в ракете, то время для него замедляется, разумеется, с точки зрения тех, кто остается здесь, на Тегле.

— Знаю эту премудрость.

— Смеяться будешь потом. Все очень просто. Странно, что никто еще не догадался. Главное — разогнать ракету до субсветовой скорости, тогда время замедлится. Весь фокус в том, что не нужно лететь к черту на кулички, в чужую галактику, где можно сгинуть в два счета. Достаточно кружить даже вокруг старушки Теглы. На ракете, допустим, прошли сутки, а на Тегле — целый год! Это уж зависит от скорости корабля. Накрутил, сколько надо — и пожалуйста, спускайся: угодишь прямиком в будущее. А, Венс? Ты знаешь побольше моего. Что ты думаешь по этому поводу?

— Чепуха это,— отрезал Венс.

— Послушай, Венс... — произнес Хоран, опасливо оглянувшись и понизив голос до шепота.— Давай убежим, а?

Опешивший от неожиданного предложения Венс в первую минуту не нашелся, что ответить.

— Сложим наши сбережения,— продолжал Хоран.— Подержанную двухместку можно купить недорого, я узнавал.

— А кто ее подталкивать будет — мы с тобой? — возразил Венс.— Расход ракетного топлива контролируется Центром.

— Горючее раздобудем на военном складе,— прошептал Хоран.— Были бы деньги.

— Ни ты, ни я в жизни не управляли ракетой,— сказал Венс.— Да и машиной тоже. Врежемся в Сириус и сгорим...

— Научимся как-нибудь. В космосе пусто, летать легко. Ну?

— Не пойму одного,— сказал Венс.— Отчего тебе так хочется убежать в будущее? Допустим, я — еще куда ни шло. Быть безработным — удовольствия мало. А у тебя есть кусок хлеба...

— Был,— лаконично заметил Хоран.

— Как, и тебя?..

Хоран кивнул.

— Компания Уэстери и для меня подыскала заместителя,— сказал он.— Разумеется, из пришельцев. Согласен получать на пятнадцать монет меньше, чем я. Вот так. А меня — на улицу. Двадцать лет гнул Хоран спину на компанию, а пришло время — и вы-

гоняют, как старую собаку. Негодяи,—лицо Хорана перекопилось,—
всех бы их под лучемер...

— Кого это?

— Пришельцев, конечно. Кого же еще? Послушай, Венс, давай
убежим!

— А дальше?

— Перескочим хотя бы через полсотни лет и вернемся на Тег-
лу. Как эти самые пришельцы.

— И кто-нибудь выразит горячее желание поставить нас под
дуло лучемера.

— За пятьдесят лет многое изменится,—сказал Хоран.— Не
будет безработицы. Люди перестанут ненавидеть друг друга...

— Завидная уверенность.

— Во всяком случае, хуже не будет,—убежденно произнес
Хоран.

— Почему?

— Хуже быть не может.

— Железный аргумент,—рассмеялся Венс, хотя ему было сов-
сем невесело.

Они миновали район высотных трущоб.

— Я, между прочим, слышал сегодня другую версию о проис-
хождении пришельцев,—сказал Венс.—Вроде бы двести лет тому
назад они залезли в контейнеры, наполненные жидким гелием, а
приятели их припрятали. А теперь вот разморозились — и пожа-
луйста!

— Интересно...—пробормотал Хоран.—В Уэстерне есть лабо-
ратория, где можно раздобыть немного жидкого гелия. Но ведь
это же, кажется, холод собачий?

Венс кивнул.

— А я мерзляк!—с отчаянием произнес Хоран.—Чуть сквоз-
нячок прохватит — чихаю.

Пройдя улицу Слез, они простились у набережной Пешеходов.

— Если надумаешь, я поделюсь с тобой гелием,—сказал Хо-
ран на прощанье.

Днем прошел дождь, а вымостить набережную обещали еще
с прошлого века, поэтому ступать Венсу приходилось не спеша
и осмотрительно. Привычным взглядом смотрел он на обмелевшую
грязную речку, на выветрившиеся обломки гранита, некогда быв-
шие парапетом.

Сумерки сгладили остроту линий. Перед Венсом бежала длин-
ная вечерняя тень.

На лавке возле дома кто-то сидел. Когда Венс подошел, нав-
стречу ему поднялась плотная мужская фигура, «Пришелец» — на-

метанным взглядом определил Венс.— Не он ли станет завтра на мое место?»

Венсу показалось, что где-то он уже видел этого пришельца.

— Вы в этом доме живете?— спросил человек.

— Да.

— Вот там?— указал незнакомец на три окна четвертого этажа.

Венс кивнул, заражаясь волнением пришельца. И одежда, и выговор, и бледное лицо — все изобличало в нем беглеца.

— Мне нужен один человек... беглец... который живет, вернее, жил... в той комнате,— проговорил сбивчиво гость.

— Там живу только я,— сказал Венс.

— А гость... из прошлого... еще не приходил к вам?

— Нет.

— Отлично. Я боялся, что опоздаю. Человек, о котором я говорю, жил двести лет назад в комнате, которую вы сейчас занимаете,— пояснил незнакомец.— Мы дружили.

— И договорились здесь встретиться?

— Мы, собственно, не договаривались...

— А как его зовут?

— Харви.

— Харви?.. Так звали моего предка.. Он жил, кажется, в Безлюдном веке...

— Это он,— подтвердил незнакомец и затем сделал жест, смутивший Венса: шагнул к нему и крепко пожал руку. Ладонь незнакомца была холодна как лед.

Они поднялись по лестнице и вошли в комнату. Незнакомец огляделся и вдруг с хриплым восклицанием шагнул к кровати. Над ней висел выцветший портрет в обшарпанной рамке.

Венс перевел взгляд гостя на портрет: неужели это одно лицо?

— Это я,— сказал незнакомец Венсу, указывая на портрет.

— Я думал, это Харви.

— Меня зовут Свен,— сказал незнакомец.

— Свен!— поразился Венс, мигом припомнив это имя, многократно упоминавшееся в бумагах Харви.

Долго светились в эту ночь окна Венса. Гость рассказывал о своем времени, о Безлюдной эпохе, о том, как беглецы отдавали все за коробку с двойными стенками и небольшое количество сжиженного гелия.

— Какова его температура?— спросил Венс, припомнив опасения Хорана.

— Минус двести шестьдесят девять градусов,— не задумываясь ответил Свен.

— Почти космический холод! Человек должен погибнуть,— сказал Венс.

— Наоборот. Только при такой температуре он и может сохраниться,— возразил Свен.— Перед вами я — живое доказательство этого.

Венс покачал головой.

— И все-таки вы рисковали,— сказал он.— Контейнер с беглецом прятали неглубоко, но за два века могло многое измениться. На пустыре, где спрятан беглец, мог вырасти дом, сушу могло поглотить море. Да что море! Обычная пыль, оседая, за два столетия может образовать толстый слой земли и похоронить под собой беглеца.

Свен махнул рукой.

— Выхода не было, и беглецы шли на риск,— произнес он.— Кстати, насколько я убедился, когда вышел из тайника на свет божий, строний в этом городе не очень-то прибавилось. Скорее наоборот.

Венс посмотрел в окно.

— Не каждый может решиться на бегство в будущее,— произнес он задумчиво.

— Погружаясь в ледяную ванну, человек не знал, выйдет ли из нее,— сказал Свен.— А если и выйдет, то что ждет его? Вдруг низкая температура убьет наиболее чувствительные клетки головного мозга, и человек, оттаяв, утратит память? Поэтому наиболее дальновидные покрывали свой ковчег иероглифами.

— Иероглифами?— переспросил Венс.

— Да. Как сейчас вижу их перед собой.— Сколько контейнеров — и с иероглифами, и без — прошло через мои руки,— вздохнул Свен.— Иероглифы — это был самодельный, наспех придуманный шифр. Письмена, нацарапанные на контейнере, хранили основные сведения о замерзшем беглеце, находящемся внутри.

— Придумано неплохо.

— Конечно, заманчиво, вынырнув в туманном будущем, иметь при себе эдакое памятное письмецо,— согласился Свен.— Но зато — представляете себе, когда такого надписанного беглеца перехватывали длинноухие? Гибнул не только беглец, но и вся его семья.

— Длинноухие?

— Так в народе называли шпуров. Тех, кто занимался поисками и размораживанием беглецов,— пояснил Свен.

Венс внимательно посмотрел на гостя. Из писем Харви явствовало, что Свен — шпур.

— Итак, Свен, вы в будущем,— сказал Венс.— Вы не попали в кроважадные лапы шпуров, счастливо проспали два века и не были заживо похоронены. Что же теперь?

Свен нахмурился.

— Я, собственно, отправился сюда из-за Харви, моего друга,— сказал он после паузы.— А вообще-то мне было все равно, в какой век бежать. Если говорить честно, я убедился, что на реле времени надо было поставить срок побольше.

— А вы где разморозились?

— В квартале трущоб. В высотной угловой коробке, на четырнадцатом этаже,— сказал Свен.

— Где спрятался Харви?

Свен развел руками.

— Этого я не знаю,— сказал он.— Может быть, мы двести лет лежали рядом, в одном доме и на одном этаже.

— А если разминетесь с Харви во времени?

— Может быть и так.

— Что ж, пора спать, Мудрая голова,— произнес Венс и поднялся.

Бледное лицо гостя пошло пятнами.

— Мудрая голова?— повторил он.

Венс смеялся.

— Простите, если обидел...— начал он.

Гость нетерпеливо махнул рукой.

— Откуда вы знаете, какое прозвище мне дали два столетия назад?— спросил он.

— Из бумаг Харви,— сказал Венс.

— У вас есть его бумаги?

— Часть. Я обнаружил их среди мусора, когда убирал комнату.

— Давно убрали?

— Недавно.

Свен скользнул взглядом по полу.

— Новый пол настелили?— спросил он.

— Пришлось.

— Раньше в этой комнате пол был выстелен квадратами,— сказал Свен.— Харви называл его шахматным. Трудно было обдирать старый пластик?

— Я не обдирал его. Стелил поверху,— произнес Венс.

При этих словах гость схватил Венса за руку. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. В глазах Венса промелькнул страх.

— Неужели вы думаете, что Харви в этой комнате...— прошептал побледневший Венс.

— Без паники,— проговорил Свен.— Харви вполне мог спрятаться и в другом месте.

Венс закрыл лицо руками.

— Когда настелен новый пол?— спросил Свен.

— Два месяца назад.

Свен кивнул.

— Вы укладывали пластик один, без помощников?— спросил он.

— Один.

— Последний вопрос,— сказал Свен и ногой потрогал упругий пол.— В том, как были уложены листы старого пластика, вы ничего не заметили подозрительного?

Вопрос попал в точку.

— Кажется, некоторые квадраты были уложены неряшливо. Как будто мастер торопился,— еле слышно прошептал Венс.

Свен поднялся.

— Где это место?— спросил он.

Венс указал в угол комнаты.

Свен ссутулившись прошел в угол и опустился на колени, прошедев:

— Инструмент.

Венс вынес с кухни ножовку, долото и молоток с вихляющей ручкой. Вдвоем они поддели и подняли лист недавно настеленного пластика.

— Те самые квадраты,— пробормотал Свен.— Шахматные... Сейчас их сорвем.

Удары молотка отдавались глухо, обличая под старым покрытием пустоту.

Вскоре показался угол контейнера, а еще через несколько минут они очистили весь ящик, втиснутый между бетонными балками междуэтажного перекрытия.

Свен щелкнул пальцем по крышке и сказал:

— Поздно.

Перехватив взгляд Венса, пояснил:

— Гелия внутри нет. Улетучился.

— Проверить надо,— сказал Венс.

— Друг мой, я был шпуром. Разве вы не уяснили это из бумаг Харви?— произнес Свен.— Сколько таких ящиков прошло через мои руки — знают один бог да статистики Центра. Похожий случай был у меня недалеко отсюда, на улице Слез... Что, все еще сомневаетесь? Посмотрите сюда,— указал Свен на треснутый, затянутый паутиной циферблат, который Венс поначалу не заметил.— Это реле времени.

Стрелка реле времени стояла на нуле. Это означало, что путе-

шественник по столетиям доставлен в заданный год и месяц, где и разморожен.

Свен рывком приоткрыл крышку — в сухом контейнере лежал Харви. Поза его говорила о том, что перед смертью беглец пытался вырваться из плена.

— Харви, дружище... — тихо сказал Свен. — Вот мы и встретились с тобой в будущем, куда ты так стремился.

Венс перевел взгляд с разбитых в кровь кулаков Харви на окаменевшее лицо Свена.

— Я убил его, — сказал Венс.

— Не мели чепухи, — глухо произнес Свен. — Откуда тебе было знать, что Харви скрывается под полом? Если б не этот дурацкий пластик, — пнул он ногой толстый лист, — Харви был бы сейчас с нами.

Тогда Венс рассказал гостю о том, что больше всего его мучило — о звуках падающих капель, которые он слышал по ночам, о шорохах, которые принял за мышинные, о непонятных звуках, которым не придал значения.

— Это гелий испарялся. А потом оживший Харви пытался вырваться, — сказал Свен.

Вдвоем они отвезли Харви на городское кладбище и похоронили его.

— Что будешь делать теперь? — спросил Венс у гостя на обратном пути. Как-то незаметно они перешли на «ты».

Свен пожал плечами.

— Теперь меня ничего не привязывает к вашему времени, — сказал он.

— А обратно, в свою эпоху хотел бы? — неожиданно спросил Венс.

Свен долго молчал, покусывая травинку, сорванную на ходу, обдумывая ответ.

— Больше всего на свете, — сказал он наконец. — Как ты узнал, что я хочу вернуться в свое время?

Венс усмехнулся.

— Догадался, — сказал он.

Некоторое время шли молча.

— Наш век, я понимаю, довольно грустное время, — произнес Свен. — Но видишь ли, какая штука — это было наше время. Кто же, как не мы, люди той эпохи, были повинны в ее изъятиях? И кому, как не нам, следовало исправлять их? А мы вместо этого бежали, как крысы с тонущего корабля. И тем самым испакостили свой век. Да только ли свой? Своим малодушным бегством мы исказили, нарушили развитие в последующие столетия.

Мы не выполнили свой долг... Мы должны были бороться против засилья бездушных компаний, против бездарного правительства, которое потакало им. Кто же, как не мы, обязаны были навести порядок в собственном доме?

— После драки кулаками не машут, — сказал Венс. — О прошлом говорить теперь бессмысленно. Назад дороги нет. Нужно думать о будущем.

Они пересекли Коровью пустошь и двигались теперь по дороге, ведущей к городу. Навстречу проехал сытый страж порядка в допотопной машине. Руки его лежали на баранке, глаза безразлично скользнули по двум пешеходам, прижавшимся к обочине.

«Вот тебе и прогресс. Даже форма на нем почти та же, что на мне была», — мелькнуло у Свена. Венс поймал его взгляд.

— Говорят, у нас скоро появятся машины с автоводителем, — не без гордости заметил он. — Революция в технике. Ты садишься в кабину, набираешь на пульте координаты точки, в которую желаешь попасть, и баста! Можешь сидеть, сложа руки. Машина сама привезет тебя по нужному адресу. Здорово, а?

— Здорово, — устало согласился Свен.

— Так что, бежишь дальше во времени? — спросил Венс, когда они, усталые, входили в город.

— Сначала осматрюсь. Может, встречу кого-нибудь из знакомых, — ответил Свен.

С утра Венс занялся поисками работы. Но таких, как он, было много. Руки пришельцев были дешевле, и армия безработных, составленная из современников Венса, непрерывно пополнялась. В таких условиях трудно было на что-либо рассчитывать. Венс много размышлял о происходящем, записки Харви, которые он читал и перечитывал, не шли из головы. Харви подошел вплотную к идее необходимости борьбы, но его сгубило одиночество. Он боялся доверить свои мысли кому бы то ни было, даже своему единственному другу Свену. Быть может, верь больше Харви людям — и все на Тегле сложилось бы иначе. Прежде всего, не было бы беглецов, и тогда современники Харви и Свена сумели бы переделать свою жизнь, улучшили ее, обратили автоматику из зла во благо. А тогда и эпоха его, Венса, сложилась бы совсем иначе. Существует же в истории преемственность. Каков корень — таковы побеги.

ПРИМЕЧАНИЕ ЛИНГА-ЦЕНТРА. В первоначальном тексте дешифратор привел земной аналог последней фразы — «Яблоко от яблонки недалеко катится».

Вспыхивали дальние зарницы.

Вспыхивали дальние зарницы.

И каменные бока домов, и пыльный размягченный асфальт, и самый воздух — все источало зной.

Людей на улицах было немного. Как в те недавние времена, когда город не затопили еще пришельцы из прошлого. Прячутся от жары, что ли? Или отправились дальше, в будущее?

Венс шел медленно, изредка вытирая потное лицо. Кафе на Центральной площади было открыто. Венс поднялся на террасу, сел за столик, огляделся. Немногочисленные посетители кафе были заняты — каждый своим делом. Немолодая женщина задумчиво тянула лимонад, беглец с несчастным лицом ковырял вилкой в салате, за кактусом самозабвенно целовалась парочка.

Неожиданно из-за угла дома показалась знакомая фигура. Свен! Через минуту Мудрая голова стоял перед Венсом.

— По всему городу тебя ищут, — сказал Свен. — Даже на Корольей пустоши был — могли бы, между прочим, за двести лет и лучше название придумать.

Свен подождал, пока официантка поставит заказ — бутылку с лимонадом, и удалится.

— Давай прощаться, дружище, — сказал он.

Венс налил два стакана.

— Садись и выкладывай, — произнес он.

Свен отодвинул стул и присел на краешек.

— Давай по порядку, — сказал Венс. — Нашел своих?

Свен покачал головой.

— Никого, — вздохнул он. — Да оно и понятно. В том веке мои знакомыми были в основном шпурь. А шпурь не были беглецами, сам понимаешь. Им и там было неплохо.

— Выпей водички.

— Перед замораживанием не рекомендуется, — оглянувшись, произнес негромко Свен.

Венс сделал глоток. Вода была теплой и отдавала чем-то затхлым.

— Нашел я человека, который может сделать мне немного жидкого гелия, — сказал Свен.

— Неужели у нас научились получать жидкий гелий?

— Он служит в компании, которая тебя выгнала.

— А! В Узстерне все могут, — кивнул Венс. — Но жидкий гелий — это еще не все. А контейнер с двойными стенками, а реле времени? У нас такие штучки днем с огнем не сыщешь.

— А мудрая-то голова для чего?— усмехнулся Свен.— Когда я вылутился из своего чертова кокона, то всю амуницию припрятал там же, на четырнадцатом этаже. На всякий случай.

— Значит, лодка снаряжена. Куда же теперь?— спросил тихо Венс.

— Попробую еще разок попытать счастья. Прыгну на полвека вперед. Авось там получше...— пробормотал Свен и вдруг схватил Венса за руку:— Слушай, бежим вместе, а? Гелия хватит на двоих, поделимся. И коробку тебе подберем.

Венс покачал головой.

— Я остаюсь здесь,— сказал он.

Свен хлопнул ладонью по столу.

— Осел,— сказал он.— Что ждет тебя здесь? Безработица? Вечная погоня за куском хлеба? Разве ты не видишь, что эпоха, в которой ты прозябашь, зашла в тупик? Разве ты до сих пор не понял, что по сравнению с прошедшими веками вы не продвинулись вперед, а отстали, деградировали, залезли в трясины, из которой не выберетесь?

Венс спокойно, будто гневная филиппика Мудрой головы его не касалась, долил свой стакан.

— Когда мы возвращались с кладбища, ты похвастался, что у вас на машинах скоро будут автоводители,— сказал Свен.— Помнишь?

— Так что?

— А то, что эти самые автоводители были в мою эпоху, двести лет назад. У нас было столько всякой автоматики, что мы мечтали проехаться на машине с выключенным автоводителем. Уразумел, какая цена твоей эпохе?

Венс усмехнулся.

— У вас плохо было, у нас же не лучше,— сказал он.— Значит, нужно бежать дальше. Такова твоя мысль?

— Бегут многие. Ты обратил внимание, что на улицах стало меньше народу?

Венс кивнул.

— Завтра может быть поздно. Власти спохватятся и перекроют все лазейки,— сказал Свен.

— А кто же будет мою эпоху вытаскивать из трясины, если я убегу?— спросил Венс.

— Твоя эпоха, дружище, в тупике,— сказал Свен.— Один тут ничего не сделает.

— А если не один, а много?

Свен махнул рукой.

— Утопия,— произнес он и посмотрел на часы.

— Я много думал над тем, что у нас творится,— сказал Венс.—

Бегством делу не поможешь. Каждый человек должен отвечать за ту эпоху, в которой живет. Если же он убежит, как трус, то последствия бегства даже одного человека бесконечной цепочкой последствий скажутся во всех грядущих веках. Тебя не удерживаю. Поступки каждого — дело его совести. Пойдем, я помогу тебе справиться.

— Погоди. Успею. Неужели ты думаешь жизнь переделать? Харви тоже мечтал об этом. Но только мечтал... Знаешь,— сказал Свен,— я думаю, что в гибели Харви есть своя закономерность. Харви был мечтатель, а мечтателям нет места в нашей жизни. С чего думаешь начать?

Венс задумался.

— Соберу друзей. Разработаем план действий...— произнес он.

— Насколько я понял, у тебя мало друзей.

— Пока мало. Будет больше.

— Главное, чтобы провокатор не затесался к вам,— озабоченно сказал Свен.

— Будем качку,— заверил Венс.

— Ну а цель-то у вас какая?

— Будем разъяснять людям, что счастье — в их собственных руках. Что в одиночку они ничего не добьются. Что только объединившись, можно переделать мир.

Люди обязаны понять, что одна-единственная дождевая капля никого не капнит, ничего не сделает... Но слившись воедино, мелкие, почти неприметные капли образуют поток, который сметет плотины. Мы должны сделать мир наш справедливым. Каждый должен получать то, что зарабатывает. Нельзя допускать, чтобы один жил за счет другого.

— Словами мир не переделаешь, дружище,— сказал задумчиво Свен.— Неужели ты думаешь, что, скажем, хозяева Уэстерна добросовестно отдадут богатства, накопленные в течение веков? В наше время, при механизации и автоматике, которую проклинали рабочие, они наживались. В твоё время, теперь, когда автоматы поросли травой забвения, а вы, как говорится, наново изобретаете велосипед и рабочие проклинаят ручной рабский труд и все ту же безработицу,— хозяева Уэстерна опять-таки продолжают наживаться. Что же вы, проповедники, сможете изменить в этом миропорядке? Ваши слова будут гласом вопиющего в пустыне.

— Кроме слов есть еще кое-что,— сказал Венс.

— Что же?

Венс посмотрел на собеседника.

— Не все ли тебе равно, Мудрая голова?— сказал он.— Ты ведь убежишь.

— Мне не все равно.

— Раздобудем оружие,— сказал Венс.— Тогда с теми же хозяевами Уэстерна будет совсем другой разговор.

— Ну вот,— добавил он.— Теперь ты все знаешь. Давай прощаться.

— Я не спешу.

— Темнишь ты что-то, Мудрая голова!

— Ничуть. Мы договорились с человеком, который обещал мне продать гелий, что он ждет меня до шести. А сейчас, как видишь, половина седьмого.

— Может, успеешь?

— Как бы не так,— усмехнулся Свен.— Там все время крутится еще один претендент на гелий. Уже, наверно, перехватил товар.

— Тоже беглец?

— Нет, из вашего времени. Его зовут на Х... Хоран, что ли. Вероятно, уже залез в ледяную купель. Но меня это теперь мало волнует,— сказал Свен.

— Не понимаю.

— Я остаюсь с тобой, глупая твоя башка. Неужели до сих пор не понял?

Венс улыбнулся.

— Не у всех мудрая голова,— сказал он.

— Вы зеленые юнцы. А я, слава богу, повидал кое-что в своем веке. Мой опыт вам сгодится.

— Опыт шпура?— невинно спросил Венс.

Свен побагровел, сжал кулаки.

— За такие шуточки...— угрожающе начал он.

Венс примирительно протянул Свену руку — жест, который он успел освоить.

— Вот сейчас у тебя нормальный цвет лица появился,— сказал он.— Беглецов с таким румянцем не бывает.— Венс посмотрел Свену в глаза и добавил:— Я верю тебе. Ты был друг Харви.

Когда они возвращались домой, подземка была полупустой. «Словно в добрые старые времена»,— подумал Венс.

Новые беглецы, словно стаи осенних листьев, гонимых ветром, двинулись в путь, и век Венса снова опустел.

Свен толкнул Венса в бок и прошептал на ухо:

— Опыт шпура тоже кое-что значит. Я покажу вам такие приемчики борьбы — только ахнете.

Душный день разрешился ливнем, который быстро прошел. И сразу в воздухе повеяло осенью. Венс и Свен обходили лужи, молчали. После подземки дышалось легко.

Перепрыгнув колдобину, до половины заполненную ржавой водой, Свен заметил:

— Когда-то здесь был зеркальный асфальт.

Чахлые хлены на набережной начинали облетать, и резные листья падали на дорогу.

— Нет с нами Харви,— вздохнул Свен.— Но это, может, к лучшему. Как бы перенес он разочарование?

— Ты не знал Харви, Свен. Он сейчас с нами.

На этом обрывался текст, найденный в шаре, который свободно плавал в окрестностях Скриуса. Рассказ о социально уродливой жизни, об обществе, которое зашло в тупик. Общество Теглы не нашло путей борьбы с миром собственности, с уродливым строем, который калечит лучших своих сынов, строем, который отдает власть на откуп монополиям.

С горечью читали жители свободной, процветающей Земли о тяжелой судьбе тех, кто населял далекую планету Тегла.

К сожалению, рассказ этот неполон. Расшифрованные записи обрываются, и мы узнаем из них лишь, как люди Теглы шарахаются, словно овцы, прыгают из одного века в другой, и цивилизация их, лишенная токов естественной преемственности, хиреет, погруженная в темноту. А ведь тьма не была всецельной. Но развеять ее мог только огонь борьбы, солидарность всех людей.

Д. Кристофер

ПРИШЕЛЕЦ

Это было где-то в 31 или в 32 году. Время довольно сильно путается, когда работаешь в цирке и одна поездка очень похожа на другую; но я помню, что это было время депрессии, продолжавшейся несколько лет.

Нет ничего забавнее, как обеспечивать пищей Самую Толстую Леди В Мире. Все мы были довольно дружной компанией и Хестер (нашу «толстую леди» звали Хестер) приняла как должное то, что нам пришлось отказаться от эклеров и булочек с кремом и заменить их отличной калорийной картошкой. В ту зиму мы потеряли нашего льва — как и все мы, бедный старый дьявол был на уменьшенном рационе, и стоило ему подхватить легкий грипп, как он загнулся — у него уже не осталось сил бороться; но сами мы не упали духом. Мы понимали, что сейчас не время раскисать и снова становиться безработными, особенно с такой профессией, как наша.

Нашего хозяина звали Тэд Патенбергер. После того как наши

дела пошли на поправку, он продал свой цирк (и нас вместе с ним) и отправился на отдых в Корнуолл — выращивать цыплят. Время, о котором я рассказываю, было трудным для Тэда: ему приходилось голодать, как и нам, но чтобы дело продвигалось, он работал, как негр. Однажды, например, он просидел четыре ночи подряд возле больного слона.

Да, у нас был и слон. И три обезьяны, и четыре пятнистые лошади, и пара маленьких бурых медведей. Малышка Люси Стокер присматривала за лошадьми и была наездницей; малый по имени Альф Хеншоу приглядывал за другими животными, а хозяин тренировал их на манеже — у него были способности к этому. Кроме всего у нас были Сью и Сэмми — акробаты; Рейф ле Фоллетт — самый маленький карлик, двое подсобных рабочих и я. Я — клоун. Было время, когда я едва не стал было работать у Сэнджера... Тем не менее я был доволен своей работой. Да и все мы были довольны ею.

В конце лета мы поставили свой балаган в маленьком местечке под названием Кранн. Это небольшой деревянный городишко на севере Шотландии, в сотнях миль от других населенных пунктов. Только два поезда в день проходили через него. Вот в такое место мы и забрались. Именно в такой глуши еще можно было найти тот маленький заработок, которого не стало в больших городах.

В воскресный вечер у нас не было представления. Поэтому все отправлялись в город, а меня Тэд оставлял присматривать за хозяйством. Дело в том, что у меня слабый желудок для спиртного, и я всегда предпочитал остаться наедине с хорошей книгой.

Был отличный тихий вечер. Огромное небо над холмами было красным с незаметными переходами оттенков в розовый. Два облачка над головой были окрашены поровну в розовый и более темный цвет. Было действительно очень красиво. Я сидел на траве около нашего фургона и читал книгу мисс Корелли. Я точно помню, что это была одна из ее книг, но не помню, какая именно, так как я все их читал по пять-шесть раз, а некоторые даже больше.

Я не заметил, как этот парень подошел ко мне. Он тихонько тронул меня, и только тогда я поднял голову: он был высокий, выше двух метров, и на нем было некое подобие плаща, спускавшегося до колен, шерстяные синие брюки и черные туфли.

— Это цирк? — спросил он.

У него был тихий, нежный голос, как у итальянского певца, которого я когда-то знал, когда работал в водевиле в 1912 году.

— Да,—сказал я,—это цирк. Но сегодня нет представления.

— Я хочу получить работу.

Я мог бы засмеяться, но что смешного было в том, что человек ищет работу, да еще в такие времена. Я поднялся на ноги и прислонился к стенке фургона.

— Я не хозяин. Но могу сказать вам откровенно — здесь делать нечего. Я просто клоун. И я не стану беднее, если даже сюда явится знаменитый Грок и предложит сверхурочно выполнять мою работу за пять шиплингов в неделю.

— Мое имя Каутшук,— произнес он.

— Очень рад с вами познакомиться. Майк Киннабон,— представился я.

— Я — акробат. Так называемый «гуттаперчевый человек».

— Такого номера у нас нет, но это дела не меняет.

Он снял свой плащ. Под ним оказалась тонкая, серого цвета рубашка. Он встал в стойку и показал мне несколько трюков. Работая в цирке, я уже видел подобные вещи, но поражен увиденным был впервые.

Существуют два вида акробатики. Первый — это когда изгибаясь человек забрасывает свои ноги за шею и переплетает их на груди. Другой вид — это когда нечто необъяснимо странное проделывают со своей кожей: оттягивают ее и кожа остается в таком положении. Однажды знакомый врач сказал мне, что это вид какой-то кожной болезни. Этот же акробат был ни то ни другое. Он изгибался сам и изгибал свои конечности так, словно у него было намного больше суставов, чем у меня, или лучше сказать — совсем не было их. Закончив, он спросил:

— Ну как?

— Прекрасно. Но мне кажется, мы не сможем себе этого позволить.

— Можно я подожду владельца цирка?

— Тэда? Конечно. Если вам не жалко своего времени. Он вернется через час. Будьте как дома.

— Спасибо.

Он сел на траву рядом со мной и вытащил из кармана книгу. Он читал ее с видимым увлечением. Я любопытен и меня всегда интересовало: что читают люди. Этот человек читал словарь.

Тэд вернулся немного раньше других. Он был почти трезв, потому что ни один из наших не мог купить достаточно спиртного, чтобы хоть чуть-чуть захмелеть. Он покачал головой, когда услышал, чего хочет этот парень, но все же пригласил его в фургон. Я последовал за ними. Я хотел еще раз посмотреть его работу и попытаться понять, как он это делает.

Но у меня ничего не получилось. Тэду тоже не удалось. Он покачал головой, у него была большая голова на тонкой шее, и когда он качал головой, было немного страшно.

— Если бы у нас дела шли нормально, я бы с радостью взял вас на работу. Но взяв вас теперь, мне пришлось бы расстаться с одним из моих парней, а они со мной уже больше пяти лет.

— Так вы же еще не спросили, чего я хочу,— сказал посетитель.

Тэд засмеялся:

— Содержание, крышу и десять шиллингов. Правильно?

— Согласен,— сказал мистер Каутшук мягко.

Тэд пристально поглядел на него.

— Да вы с ума сошли.

Человек пожал плечами:

— Но я же соглашаюсь.

Тэд сказал:

— Стоит вам поехать в Ливерпуль, Бирмингем, Лондон или в любой другой большой город и вы в любом цирке там будете получать не меньше десяти, а то и пятнадцати фунтов, и это, заметьте, как новичок.

Мистер Каутшук пожал плечами. Все его тело при этом как-то странно передернулось.

— Я не люблю больших городов,— сказал он.— Я буду работать на вас, если вы меня возьмете.

Тэд на мгновение задумался.

— О'кей. Вы приняты. Я буду платить вам один фунт, хотя нам это не по харману. К тому же вас надо куда-то поместить.

Я сказал:

— У меня есть место в палатке. Он может расположиться у меня, если не возражает.

Мистер Каутшук улыбнулся. У него была прекрасная улыбка, свежая и открытая, как у ребенка.

— С большим удовольствием,— ответил он.

До сих пор не знаю, почему я так сказал. Обычно я очень осторожен с подобного рода предложениями. Предпочитаю быть наедине с собой; думаю, что это свойство более интеллигентных натур. А мистер Каутшук был к тому же мне мало знаком. У него был тихий голос и приятная улыбка. Такими же качествами обладал один проходимец в Брикстоне, который в 28 году продал мне фальшивые алмазные акции на двадцать фунтов стерлингов.

Но я ни разу не пожалел, что сделал это предложение. Мистер Каутшук не был навязчив. И странная вещь — с самого начала

он стал называть меня Майк. А через пару дней он уже всех называл по имени. Но ни один из нас не называл по имени его. Для нас он был мистер Каутшук. Однажды я заинтересовался его именем, и он назвался, но и по сей день я удивляюсь, как он смог произнести его.

У него были прекрасные отношения с животными. Сначала он помогал Альфу в работе с обезьянами, медведями и слоном, а через две недели он практически взял обязанности Альфа на себя. Один из медведей — Хонни — временами становился злым и непослушным, но стоило мистеру Каутшуку подойти к нему и сказать несколько слов своим нежным голосом, как медведь становился ягнчье добрым. Странно, но Альф даже не возражал. Случись так, что на месте мистера Каутшука оказался кто-либо другой, Альф подумал бы, что это продиктовано желанием отобрать у него работу, но по отношению к мистеру Каутшуку таких предположений не возникало. Альф стал помогать другим в их работе. И никто иной, как он, предложил, чтобы мистер Каутшук дрессировал животных на манеже, а у Тэда появилась бы возможность отдохнуть.

Его предложение приняли, и дрессированные мистером Каутшуком животные произвели сенсацию. Он заставлял животных проделывать такие вещи, которые, как я до сих пор думаю, были невозможны. Казалось, они читают его мысли. Помню, как-то после представления я услышал реплики двух зрителей.

— Послушай, эти трюки со слоном, — сказал один из них, — божь, трудно поверить.

— Трюки со слоном? — ответил другой. — Да это был не слон! Просто шкура да пара блоков внутри, которые все это двигают. Я видел подобные вещи и прежде.

Я никогда не встречал никого похожего на мистера Каутшука. Даже Рейф, который, как все карлики, имел очень уязвимое чувство собственного достоинства, очень привязался к нему и преследовал его, как собачонка. Я помню, как однажды Хестер жаловалась, что она очень плохо спит, если мистер Каутшук не заглянет к ней перед сном на чашку какао и не перекинется с ней парой слов.

Однажды произошел такой случай. Сэмми сорвался с каната. Высота была не очень большая, так как у нас не слишком высокий купол. Я думаю, что там было не более двадцати пяти футов и, конечно, внизу у нас всегда натянута сетка. Но в тот вечер Сэмми выполнял несколько упражнений «на бис» и прыгнул с таким энтузиазмом, что Сью промахнулась и не успела его подхватить. Пролетев мимо сетки, он упал на землю, распоров себе при этом

бедро. Кровь из раны хлестала фонтаном. Мы оттащили его за кулисы, и Тэд, покачив головой, сказал одному из рабочих:

— Пойди и срочно вызови хирурга.

Но тут подошел мистер Каутшук.

— Не беспокойтесь,— сказал он.

Он встал на колени около Сэмми и вытер кровь губкой. Я стоял рядом и наблюдал. Кровь продолжала хлестать. Мистер Каутшук достал из кармана нечто походившее на маленькую ханистру.

— Что это такое?— спросил я.

— Мазь.

— Но ведь ни одна мазь на свете не остановит этот поток крови,— сказал я.

Мистер Каутшук улыбнулся, но ничего не сказал. Он взял губку в левую руку и стал промокать кровь, в то же время смазывая рану мазью из жестянки. Я посмотрел на ногу, когда он закончил. Только по самому краю раны кровь просочилась из-под мази. Мистер Каутшук легонько промокнул ее и выпрямился.

— Завтра все будет в порядке,— сказал он.

Под блестящей пленкой мази, словно сквозь стекло, можно было видеть рваную рану.

— Завтра?

— Завтра,— сказал мистер Каутшук.

Утром я встретил Сэмми. Он прогуливался как ни в чем не бывало.

— Ну как нога?— спросил я.

— Мне здорово повезло,— ответил он.— Небольшой синяк.

Я попросил его показать мне ногу. На бедре была видна тоненькая голубая линия шрама, и кожа вокруг была слегка припухшей.

Я отправился к себе в палатку и увидел там мистера Каутшука.

— Эта мазь,— спросил я,— что у нее за состав?

— Никакого состава. Это мазь из моей страны.

Он вытащил жестянку из кармана.

— Осталось очень немного после этого...— и он пожал плечами.

— Послушайте,— сказал я.— Меня всегда интересовало, откуда вы родом, мистер Каутшук?

— Издалека.

— Из Европы?

— Нет, еще дальше.

Я всегда могу точно сказать, когда кто-нибудь не хочет отвечать на вопросы, и мне кажется, что каждый человек имеет право на это. Но мое желание знать было вполне естественным. Человек с таким множеством талантов, как у него, не проводил бы время,

путешествуя с таким захудалым и дешевым цирком, за один фунт в неделю, если бы у него не было веских причин. Я думал, что, может быть, он совершил что-то противозаконное у себя на родине или обидел какое-нибудь высокопоставленное лицо, и что в таком цирке, как наш, он будет в безопасности, а его преследователи не додумаются искать в таком месте. Я, правда, не мог себе представить, как такой человек, как мистер Каутшук, мог совершить что-либо плохое. Я не знаю, что произошло, но, поверьте, я был на его стороне.

Однажды мы сидели и разговаривали с Тэдом.

— Когда он впервые пришел сюда,— сказал Тэд,— я подумал, что у него были какие-то неприятности в другом цирке. Может быть, женщина или драка, а может быть, и то и другое. Я не собирался допытываться. У каждого человека есть собственное прошлое. Но как только он проявил свои таланты, меня обуяло любопытство. В каком же цирке он мог работать прежде? Я навел справки. Его никто не знает. По крайней мере в этой стране он не был известен ни в одном цирке.

— Ну и что ты думаешь?— спросил я.

— Что я думаю? Я думаю, что есть только одна страна, о которой никто ничего не знает толком — Россия. Я думаю, что он русский. Может быть, что-то произошло у него с девушкой, и ему пришлось поспешно уехать.

— Он мог бы пойти в хороший цирк,— сказал я.

Тэд хитро посмотрел на меня.

— И чтобы его фотография попала в газеты? Мистер Каутшук хочет пританиться.

— Да, наверное это так,— сказал я.

— А если это так,— сказал Тэд,— то для меня это не имеет никакого значения.

— Да и для всех нас тоже,— ответил я.

Мы гастролировали по нашим обычным маршрутам, выступая в городах, куда не заезжали большие цирки. Времена стали немного лучше, и немалая заслуга в том принадлежала мистеру Каутшуку. Он тоже казался вполне довольным. Тэд определял ему постоянную зарплату и тот поблагодарил его, но было видно, что деньги его интересовали мало. Он обычно проводил свое свободное время за чтением: читал или тот словарь, или Шекспира, или Библию. Однажды я предложил ему почитать одну из книг мисс Корепли, но ничего из этого не вышло. Он просто улыбнулся и поблагодарил меня, но так ни разу и не открыл взятую книгу. Тем не менее мы

прекрасно жили вместе. Каждый вечер мы обычно сидели за столом, который я соорудил под тентом, и читали наши книги при свете свечи.

Вот так же мы сидели в ту ночь, когда они пришли за ним. Прежде всего мне не понравился их вид, когда они вошли под тент. Они были такие же высокие, как и он, или даже выше, и хотя одеты они были нормально, у них был вид иностранцев. Они разговаривали с мистером Каутшуком на иностранном языке. Он отвечал им на английском.

— Да, я знаю вас, и ваши полномочия мне известны.

Один из вошедших посмотрел на меня и тоже заговорил с ним на английском.

— Вы готовы пойти с нами?

— У меня нет выбора,— ответил мистер Каутшук.

Тут вмешался я.

— Послушайте, мистер Каутшук, я не знаю, кто эти парни, но вижу, что это не полиция. К тому же мы находимся в Англии. Вы не обязаны идти с людьми, у которых нет ордера на арест. Я сейчас позову полицейского.

— Не надо,— сказал он.

— Черт возьми!— воскликнул я.— Это же свободная страна. Вы здесь в безопасности. Разрешите мне позвать полицейского, и он вышвырнет этих парней.

— Не надо, Майк,— сказал он.— Я достаточно хорошо спрятался от них и они долго меня искали, и все-таки нашли. Просто скажи всем, что мне пришлось уехать по личному делу. И пожалуйста, сделай так, чтобы не было суматохи. Скажи нашим, что я благодарен им за все. И вам я благодарен за то, что вы уступили мне место под вашим тентом.

— Мистер Каутшук,— сказал я,— скажите, что я могу сделать? Все, что угодно...

Он посмотрел на двух незнакомцев, которые стояли и ждали его.

— Спасибо, Майк. Ничего не надо.

— Я увижу вас снова?— спросил я.

Он улыбнулся.

— Смотри на небо,— сказал он,— смотри на небо... Он взглянул на свои часы и добавил: в полночь...

Он вышел и два человека последовали за ним.

Я много читал в журналах о межпланетных кораблях и путешествиях к звездам. Я до сих пор не знаю, что они ожидают найти там. Лучший по сравнению с этим мир?

Где-то там, в небе, есть мир, в котором такой хороший и добрый человек, как мистер Каутшук, не захотел жить и ему пришлось скрываться здесь. Они послали за ним погоню, и хотя он тщательно укрылся от них в маленьком, всего лишь с одним слоном, цирке, они все же нашли его и увели обратно, чтобы, очевидно, наказать его. Нет, я бы не хотел полететь туда...

Я смотрел тогда на небо, в тот день. Это было похоже на самый яркий и большой метеорит, который я когда-либо видел. Золотисто-белое пламя, уносящееся и исчезающее вверх.

Перевел с английского
В. Сечин

Р. Хайнлайн

ИСПЫТАНИЕ КОСМОСОМ

Наверное, не следовало нам осмеливаться выходить в космос. У нашей расы всего две прочных врожденных боязни — боязнь шума и боязнь падения. Эта жуткая высота — и с чего это человек в здравом рассудке по доброй воле окажется на таком месте, откуда он может падать — и падать, и падать... Но все космонавты ненормальные. Уж это каждый знает.

Он нашел, что врачи обошлись с ним по-доброму.

— Вы счастливчик. Не забывайте об этом, старина. Вы еще молоды, а пенсия обеспечит вас на будущее, у вас целы все руки и ноги и вы в отличной форме.

— В отличной форме! — голос его против воли презрительно дрогнул.

— Да нет же, вы меня не поняли, — главный психиатр мягко наставлял, — Небольшая встряска, которая с вами приключилась, никакого вреда вам не причинила — кроме того, что вам нельзя

больше в космос. Я даже не могу по-настоящему назвать акрофобию неврозом; боязнь высоты — нормальное и здоровое явление. Просто у вас это немного сильнее, чем у большинства — но это не ненормально, если учесть, через что вы прошли.

Напоминание снова заставило его содрогнуться. Он закрыл глаза и опять увидел, как звезды колятся под ним. Он падал... бесконечно падал. Его привел в себя голос психиатра, который донесся откуда-то издали:

— Спокойно, старина! Взгляните кругом!

— Извините.

— Ну что вы! Расскажите-ка мне, что вы собираетесь делать.

— Не знаю. Наверное, работу найду.

— Компания предоставит вам работу, вы же знаете.

Он покачал головой.

— Не хочу я болтаться в космопорте.

Носить на рубашке жетон, который показывает, что ты когда-то был человеком, выносить при обращении почётный титул капитана, пользоваться привилегиями пенсии пилота на основании того, что он был им, замечать, как замолкают профессиональные разговоры, только он приближается к группе людей, раздумывать, что это они такое говорили за его спиной. Нет уж, спасибо!

— Да, это разумно. Лучше подальше от всего, пока вы не почувствуете себя лучше.

— Вы думаете, я это одолею?

Психиатр поджал губы.

— Возможно. Это же функциональное, вы знаете. Не травма.

— Но вы так не думаете?

— Я этого не говорил. Я и правда не знаю. Мы еще так мало знаем о том, что заставляет человека так или иначе функционировать.

— Понятно. Ладно, надо идти.

Психиатр встал и протянул ему руку.

— Ну что же... если вам что-нибудь понадобится... Да в любом случае заглядывайте к нам.

— Спасибо.

— Вы поправитесь, я знаю.

Но психиатр покачал головой, когда его пациент вышел. У этого человека не было самообладания.

В те дни только незначительная часть большого Нью-Йорка была покрыта крышей; он не выходил из метро, пока не оказался в этом районе, потом отыскивал переулок, где по обе стороны тянулись квартиры для холостяков. Он опустил монету в щелочку первой же двери, где горела сигнальная лампочка «свободно», закинул туда

свой вещевой мешок и вышел. Районный инспектор дал ему адрес ближайшей конторы по найму.

Он отправился туда, занял свое место за столом для опроса, снял отпечатки пальцев и начал заполнять анкеты. При этом к нему вернулось забавное ощущение, будто все начинается сначала: ему не приходилось искать работу с тех самых дней, как он поступил в школу космонавтов.

Он пропустил в анкете свое имя — и колебался даже тогда, когда все остальное было заполнено. Рекламной известности у него было выше головы, ему не хотелось, чтобы его узнали, он совершенно не хотел, чтобы перед ним трепетали. Более того, ему вовсе не хотелось, чтобы кто-то называл его героем. Наконец, он написал «Уильям Сондерс» и опустил бланки в отверстие.

Он приканчивал уже третью сигарету и готовился приняться за четвертую, когда экран перед ним наконец загорелся. На него уставилась симпатичная брюнетка.

— Мистер Сондерс, — сказала изображение, — проходите, пожалуйста. Дверь номер семнадцать.

Там оказалась брюнетка во плоти. Она предложила ему стул и сигарету.

— Устраивайтесь поудобнее, мистер Сондерс. Меня зовут мисс Джойс. Я хочу с вами побеседовать насчет вашей анкеты.

Он устроился на стуле и ждал, не говоря ни слова.

Когда она поняла, что он не собирается говорить, она добавила:

— Так вот, то имя — Уильям Сондерс, которое вы нам дали — в нем нет надобности. Ведь мы знаем, кто вы, по отпечаткам пальцев.

— Я об этом догадываюсь.

— Конечно, я о вас знаю все, что знает каждый, но это ж надо — назвать себя Уильямом Сондерсом, мистер...

— Сондерс.

— Мистер Сондерс, это заставило меня обратиться к карточке, — она приподняла катушку микрофильма, повернутую так, чтобы он мог прочесть на ней свое настоящее имя. — Теперь я знаю о вас очень много — больше, чем знает публика, и больше, чем вы сочли нужным сообщить в анкете. Это хорошая пленка, мистер Сондерс.

— Спасибо.

— Но я не могу воспользоваться ею, чтобы устроить вас на работу. Я даже не могу сослаться на нее, если вы настаиваете на том, чтобы скрываться под именем Сондерс.

— Меня зовут Сондерс, — голос его звучал тускло и невыразительно.

— Не спешите, мистер Сондерс. Во многих случаях можно вполне легально использовать престиж для того, чтобы добиться для клиента более высоко оплачиваемого места...

— Меня оно не интересует.

Она взглянула на него и решила не настаивать.

— Как хотите. Если угодно пройти в приемную Б, вы можете пройти там квалификацию и тесты.— Если бы вы позднее передумали, мистер Сондерс, мы будем рады все начать по новой. В ту дверь, пожалуйста.

Через три дня он уже работал в маленькой фирме, бравшей подряды по системам связи. Его обязанностью было контролировать электронное оборудование. Работа успокаивала — она требовала достаточно внимания, чтобы мозг был занят, но была легкой для человека его опыта и квалификации. К концу трехмесячного испытательного срока его повысили в должности.

Он тщательно организовал для себя уединенный образ жизни — работа, сон, еда. Время от времени проводил вечер в публичной библиотеке или работал в УМСА — и никогда ни при каких обстоятельствах не выходил под открытое небо и не поднимался ни на какую высоту — даже на театральный балкон.

Он старался спрятать всю свою прошлую жизнь где-то в самом отдаленном уголке сознания, но воспоминания о ней были все еще свежи. Вдруг он начинал грезить среди бела дня — морозное небо Марса с резкими звездами или шумная ночная жизнь Венесбурга. Он снова видел расплывшийся ярко-красный диск Юпитера, нависающий над портом Ганимеда, его сплюснутый раздутый силуэт, непомерно громадный, загораживающий все небо.

Или ему случалось на некоторое время вновь ощутить приятное спокойствие долгих вахт, когда его корабль совершал одинокий перелет между планетами. Но такие грезы были опасны, они угрожали его недавно приобретенному спокойствию. Так легко было соскользнуть — и почувствовать себя из последних сил цепляющимся за стальные скобы «Валькирии», а пальцы немеют и выбиваются из сил, и он цепляется ими за свою жизнь, и нет под ним ничего, кроме бездонного колодца космического пространства.

Тогда он возвращался на Землю, овладевал собой усилием воли, вцепившись в стул или в контрольный стенд.

Когда это впервые случилось с ним на работе, он увидел, что сидевший за соседним стендом Джо Талли уставился на него со странным выражением лица.

— Ты что это, Билл? — спросил он. — Перебрал, что ли?

— Ничего, — удалось ему выговорить, — простыл, наверно.

— Надо таблетку принять. Давай-ка, пошли, пообедаем.

Талли протолкался к лифту, они втиснулись туда. Большинство рабочих, даже женщины, предпочитали спускаться безостановочным лифтом, но Талли всегда пользовался обычным. Сондерс, разумеется, никогда не спускался на безостановочном лифте, по этой причине они и привыкли обедать вместе. Он знал, что безостановочный лифт безопасен, что даже если откажет энергия, на каждом этаже есть предохранительные сетки, но он не мог заставить себя шагнуть на эту площадку.

Талли громогласно заявлял, что от безостановочного лифта у него болят ноги, но как-то признался Сондерсу, что не доверяет автоматике. Сондерс понимающе кивнул, но ничего не сказал. После этого он стал теплее относиться к Талли. Впервые после того, как началась его новая жизнь, он испытал дружеское чувство, не ощущая потребности обороняться против другого человеческого существа. Ему даже хотелось рассказать Талли правду о себе. Если бы только быть уверенным, что Джо не начнет смотреть на него как на героя... Не то чтобы он возражал против героической роли. Мальчишкой, слоняясь по космопортам, пытаясь любой ценой проникнуть внутрь корабля, пропуская уроки, чтобы проводить отлетающих, он мечтал когда-нибудь стать героем, героем космоса, который возвращается, покрытый славой, из какой-нибудь невероятно опасной исследовательской экспедиции. Но сейчас ему не давало покоя, что до сих пор не переменилось его представление о том, как герой должен выглядеть и как ему подобает вести себя. Это поведение как-то не предусматривало страха перед открытыми окнами, желания избежать ходьбы по открытому пространству и потерю речи при одной мысли о безграничных глубинах космоса.

Талли пригласил его к себе пообедать. Он хотел поехать, но не спешил принять приглашение, пока не узнал, где живет Талли. В домах Шелтона, сказал ему Талли, назвав одно из тех больших похожих на коробку зданий, которые так изуродовали жилой район Джерси.

— Больно далеко оттуда возвращаться, — с сомнением пробормотал Сондерс, мысленно ища способа добраться туда, не подвергаясь тому, чего он боялся.

— А тебе и не придется добираться обратно, — успокоил его Талли. — У нас есть свободная комната. Заночуешь. Жена у меня сама стряпает — за это и держу.

— Ну что ж, идет, — согласился он. — Спасибо, Джо.

Он сообразил, что метро доставит его на расстояние четверти мили, а там, если не удастся найти дороги под крышей, он возьмет такси и завесит шторы в машине.

Талли встретил его в передней с извинениями.

— Хотел пригласить для тебя какую-нибудь девушку, Билл. Да как раз брат жены нагрянул. Неприятный тип. Жалко.

— Неважно, Джо, я очень рад, что приехал к тебе.

Он и в самом деле был рад. Его встревожило открытие, что квартира на тридцать пятом этаже, зато приятно было обнаружить, что у него нет ощущения высоты. Везде горел свет, окна были завешены, пол под ногами прочен — он чувствовал себя в тепле и в безопасности. К его удивлению, миссис Талли и впрямь оказалась превосходной стряпухой — он обладал обычным для холостяков недоверием к любителям-поварам. Он позволил себе отдаться приятному ощущению дома и безопасности; ему удавалось даже не слышать большую часть злобных самоуверенных замечаний шурина Джо.

После обеда он развалился в удобном кресле со стаканом пива в руке и начал смотреть телевизор. Показывали музыкальную комедию. Он смеялся так, как ему не приходилось уже долгие месяцы. Но вот комедию сменила религиозная программа, хор национального собора — он машинально слушал его вполуха одновременно следя за общим разговором.

Хор уже наполовину одолел «Молитву о странниках», когда он вдруг до глупости ясно осознал, что именно они поют:

Благословен тобою тот,
Кто в бурном море смерти ждет.
О, Всемогу́щий, слушай нас,
Пусть до тебя дойдет наш глас.
Своею властною рукою
Ты управляешь звездным роем.
Тобой спасен да будет тот,
Кто в космосе вершит полет...

Ему захотелось выключить телевизор, но надо было дослушать до конца, не мог он не слушать этого пения, хотя сердце у него сжималось от невыносимой тоски по дому, присущей безнадежным скитальцам. Когда он был еще курсантом, он мог при звуках этого гимна разреваться. Теперь он отвернулся от остальных, пытаясь скрыть от них капли, текущие по щекам.

Когда хор пропел «аминь», он быстро переключил на какую-то другую программу — первую попавшуюся — и склонился над телевизором, прикинувшись, будто поглощен настройкой, стараясь овладеть своим лицом. Затем он повернулся к обществу, внешне спокойный, хотя ему мерещилось, что всем виден этот ком, застрявший у него в горле.

Шурин все еще высказывался.

— Нужна хорошая аннексия,— говорил он.— Вот что нам надо бы проделать. Соглашение Трех Планет — вот еще чушь! Какое они имеют право диктовать нам, что можно и чего нельзя делать на Марсе?

— Ладно, Эд,— примирительно заметил Талли,— это же их планета, верно? Они же раньше там были.

Эд оставил этот вопрос в стороне.

— А разве мы спрашивали индейцев, нужны ли мы им в Северной Америке? Никто не имеет права захватывать то, с чем он не умеет обращаться. Правильная эксплуатация...

— Ты спекулируешь, Эд.

— Да ну? Никакая это была бы не спекуляция, если бы правительство не состояло из кучки бесхребетных старых баб. «Права аборигенов», в самом деле! Какие такие права может иметь шайка выроdkов?

Сондерс поймал себя на том, что сравнивает Эда Шульца с Нэтом Сутом, единственным марсианином, с которым он сам был хорошо знаком. Благородный Нэт, который успел состариться, когда Эд еще не родился — и все-таки он считался молодым среди своих сородичей. Нэт... Да, Нэт мог часами сидеть с другом или с хорошим знакомым, не произнося ни слова, не нуждаясь в том, чтобы говорить. «Срастаться вместе» — так они называли это. У них вся раса так срослась вместе, что им не нужно было никакого правительства, пока не явились европейцы.

Однажды Сондерс спросил своего друга, почему он так мало трудится и довольствуется немногим. Прошло больше часа, и Сондерс начал жалеть о своем вопросе, когда Нэт ответил:

— Мои отцы работали, и я устал.

Сондерс выпрямился в кресле и взглянул шурину Джо прямо в лицо:

— Они не выроdkи.

— Да ну? А вы, конечно, специалист?

— Марсиане не выроdkи. Они просто устали.

Талли усмехнулся. Шурин заметил это и начал сердито:

— А вы-то с какой стати об этом рассуждаете? Вы что, были на Марсе?

Сондерс вдруг понял, что перестал себя контролировать.

— А вы? — спросил он предостерегающе.

— Это неважно. Лучшие умы считают.

Билл предоставил ему продолжать и не возражал больше. К его облегчению, Талли вскоре заметил, что, так как им всем надо рано вставать, наверное, пора подумать о том, чтобы устроиваться на ночь.

Он пожелал спокойной ночи миссис Талли и поблагодарил ее за прекрасный обед, затем Талли провел его в комнату для гостей.

— Единственный способ избавиться от этого семейного наказания, которое на нас свалилось, Билл,— сказал он извиняющимся голосом,— Можешь еще посидеть, сколько захочешь.— Талли подошел к окну и открыл его.— Ты здесь хорошо выспишься. У нас достаточно высоко и воздух здесь чистый.

Он высунул голову из окна и несколько раз вдохнул.

— Ничто не сравнится с настоящим товаром,— продолжал он, отойдя от окна.— Я в душе деревенский мальчишка. Что случилось, Билл?

— Ничего. Ровно ничего.

— Мне показалось, что ты немного побледнел. Ладно, спи спокойно. Я поставил будильник на семь, времени у нас хватит.

— Спасибо, Джо. Спокойной ночи.

Как только Талли вышел из комнаты, он заставил себя подняться, подошел к окну и закрыл его. Весь покрывшись потом, он включил вентилятор. Сделав это, он тяжело опустился на крайшек кровати.

Он долго сидел так, зажигая одну сигарету за другой. Слишком хорошо он знал, что душевный покой, который он восстановил, был нереален. Ничего ему не оставалось, кроме стыда и пронзительной боли. Дойти до того, чтобы пытаться прошибить такое тупоголовое существо, как Эд Шульц,— да лучше бы ему не выходить живым из той истории с «Валькирией».

Немного спустя он вытащил из пакетика пять крупинок, проглотил их и улегся в постель. Почти сразу же снова встал и заставил себя приотворить окно — совсем слегка. Затем пошел сам с собой на компромисс и передвинул кровать так, чтобы можно было не гасить свет — и чтобы он не помешал ему заснуть.

Он спал и видел сны. Он снова был в космосе — в самом деле, ведь он никогда и не покидал его. Он был счастлив полным счастьем человека, который проснулся и обнаружил, что видел дурной сон.

Какой-то крик нарушил его безмятежность. Сначала звук только заставил его ощутить небольшое неудобство, затем он начал чувствовать себя за что-то ответственным — надо было что-то предпринимать. В переходе к падению была только логика сна, но оно было реальным для него. Он хватался за воздух, руки его скользили в пустоте, и ничего не было под ним, кроме черной пустоты космоса...

Он проснулся, задыхаясь, на кровати в комнате для гостей в доме Джо Талли, рядом ярко горела лампа.

Но крик настойчиво звучал.

Он тряхнул головой, потом послушал. Звук был настоящий. Он понял, что это такое — кошка, котенок, судя по звуку.

Он присел на кровати. Если бы он даже не испытывал традиционной для космонавтов любви к кошкам, он бы все равно отправился в разведку. Ведь он любил кошек ради них самих, а не из-за их опрятности на борту корабля, их прекрасной адаптации к переменному ускорению и пользы от того, что они уничтожали на корабле вредителей, которые отправляются везде вслед за человеком. Так что он сейчас же встал и начал искать эту кошку.

Быстрый взгляд кругом убедил его, что кот не в комнате. Прислушавшись, он обнаружил нужную точку: звук проходил через приоткрытое окно. Он отпрянул, остановился и попытался собраться с мыслями.

Он сказал себе, что нет никакой необходимости что-нибудь предпринимать. Звук, который проникает в окно, может идти из соседнего окна. Но он понимал, что сам себя обманывает: звук был совсем близко. Каким-то немыслимым способом кошка оказалась совсем близко от его окна, на уровне тридцать пятого этажа над мостовой.

Он присел и попытался зажечь сигарету, но она сломалась у него в пальцах. Он швырнул обломки на пол, вскочил и проделал шесть нервных шагов к окну — как будто просто продвигался в ту сторону. Опустился на колени, ухватился за раму и шире распахнул ее. Затем ухватился за подоконник — глаза его все еще были закрыты.

Через некоторое время подоконник под его руками стал тверже. Он открыл глаза, начал задыхаться и снова закрыл их. Наконец, опять их открыл, тщательно стараясь не смотреть ни прямо на звезды, ни на улицу внизу. Он был готов к тому, чтобы увидеть кошку на балкончике под своим окном — это было единственно разумное объяснение. Но там не было никакого балкона — и никакого другого сооружения, где можно было бы обнаружить кошку.

Однако мяуканье раздавалось еще громче. Оно, казалось, шло прямо из-под окна. Он медленно заставил себя высунуть голову, все еще цепляясь за подоконник, и с усилием посмотрел вниз. Под ним, за четыре фута от края подоконника, вдоль стены здания лежал узкий карниз. На нем-то и сидел котенок — растерявшийся, похожий на бродячую крысу. Он взглянул вверх на человека и снова мяукнул.

Хорошо бы, чтоб оказалось возможно, уцепившись за подоконник одной рукой и из всех сил вытянув другую, достать его, не вылезая из окна, подумал он. Если бы только собраться для того, чтобы это сделать! В голове промелькнуло — не позвать ли

Талли, но он тут же отверг эту мысль. Талли ниже его ростом, ему не дотянуться. А котенка нужно спасти сию же минуту, до того, как этот пушистый идиот прыгнет или свалится.

Он попытался. Он высунул плечи из окна, уцепился левой рукой и вытянул правую как можно дальше вниз. Потом открыл глаза и увидел, что не достает до котенка каких-нибудь десять дюймов или фут. Котенок с любопытством фыркнул на его протянутую руку.

Он тянулся, пока не хрустнули кости. Котенок проворно увернулся от протянутых к нему пальцев. Футов на шесть дальше по карнизу он остановился, уселся и начал умыть мордочку.

Билл снова влез в комнату и повалился на пол перед окном, содрогаясь от рыданий. «Не могу,— шептал он,— не могу. Никогда больше не смогу».

Межпланетный корабль «Валькирия» вот уже двести сорок пять дней как вышел за пределы области Земля — Луна и приближался к району Марса со стороны Деймоса. Уильям Коул, старший офицер команды и запасной пилот, сладко спал, когда помощник начал трясти его:

— Эй, Билл! Проснись — мы попали в беду!

— А-а? Чего? — но рука его уже нащупывала носки. — Что случилось, Том?

Через пятнадцать минут он понял, что младший офицер не преувеличивает: он докладывал Главному — вышел из строя основной радар, корректирующий посадку. Том Сэндберг обнаружил это при очередном осмотре, сделанном, как только Марс оказался в зоне чувствительности радара. Капитан пожал плечами:

— Так исправьте его — да поживей. Он нам понадобится.

Билл Коул покачал головой;

— Он исправен, капитан, со стороны корабля. Похоже, что антенна испорчена,

— Быть того не может. У нас же не было даже метеоритной тревоги.

— Могло быть все, что угодно, капитан. Возможно, металл прожавел, и она просто отвалилась. Но надо заменить эту антенну. Остановите вращение корабля, я выберусь наружу и закреплю ее. Я смогу сделать замену, только если он будет стоять неподвижно.

«Валькирия» была роскошным кораблем — для своего времени. Его собирали задолго до того, как кому-нибудь в голову пришла идея создания искусственного гравитационного поля. Тем не менее у него имелось псевдогравитационное поле для комфорта пасса-

жиров. Он вращался вокруг основной оси. Результатом была центробежная сила, создававшая иллюзию искусственного поля тяжести. Она удерживала пассажиров в кроватях или же помогала им твердо стоять на ногах. Вращение начиналось, как только переставали работать стартовые двигатели, и прекращалось только тогда, когда необходимо было маневрировать на посадку. Оно совершалось не по волшебству, но благодаря раскручиванию механизма, укрепленного на центральной оси корабля.

Капитан выглядел раздосадованным.

— Я уже начал уменьшать угловую скорость, но не могу же я так долго ждать. Наладьте астронавигационный радар.

Коул начал было объяснять, почему астронавигационный радар нельзя приспособить к работе на ближней дистанции, затем прекратил эти попытки.

— Это невозможно, сэр. Технически невозможно.

— Когда я был в вашем возрасте, я все что угодно мог наладить. Ладно, мистер, найдите ответ. Не могу же я посадить этот корабль вслепую. Даже за медаль Гарримана!

Билл Коул с минуту колебался прежде, чем ответить:

— Придется мне вылезти во время вращения, капитан, и проинформировать о замене. Другого выхода я не вижу.

Когда Коул добрался до шлюза с необходимым для работы инструментом, там оказался капитан. К его удивлению, старик был в скафандре.

— Объясните мне, что я должен делать, — приказал он Биллу.

— Неужели вы собираетесь выходить, сэр?

Капитан только кивнул.

Билл взглянул на талию капитана, вернее, на то место, где она некогда была. В старике были все триста пятьдесят фунтов, как одна копейка.

— Боюсь, что я не смогу толком объяснить. Мне полагается самому произвести замену.

— Никогда не поручал другим работу, которую я смог бы сделать сам. Объясните мне!

— Простите, сэр, но вы бы могли подтянуться на одной руке?

— Какое это имеет отношение к делу?

— Сэр, у нас сорок восемь пассажиров и...

— Заткнитесь!

Сэндберг и он, оба в скафандрах, помогли Старика выбраться в наружное отверстие после того, как внутренняя дверь шлюза была закрыта и воздух вышел. За пределами шлюза была огромная испещренная звездами пустота. Так как корабль все время вращался, любое направление снаружи было «вниз» — вниз на миллио-

ны несчитанных миль. На Старика, конечно, надели страховочный фал — тем не менее, Биллу стало муторно при виде того, как голова капитана исчезает в черной бездонной дыре.

На несколько футов фал сработал хорошо, затем что-то заело. Когда прошло несколько минут после остановки, Билл наклонился и дотронулся своим шлемом до шлема Сэндберга:

— Прицепи его к моей ноге. Я пойду, взгляну.

Он свесился головой из шлюза и огляделся. Капитан остановился, повиснув на двух руках, но не там, где была подставка для антенны. Билл выкарабкался и перевернулся.

— Выхожу!

Оказалось, что не такой уж большой фокус — повиснуть на руках и продвинуться туда, где застрял капитан. «Валькирия» была межпланетным космическим кораблем, не похожим на сооружения с гладкими боками, какие можно видеть в земных портах. Ее наружные стенки были снабжены скобками, за которые можно было держаться на случай ремонта в космосе. Билл добрался до капитана, и теперь было можно, ухватившись за ту же перекладину, помочь ему, раскачиваясь, перебраться на последнюю, с которой он ушел. Через пять минут Сэндберг пропихивал Старика в отверстие шлюза, а Билл карабкался следом.

Он сейчас же начал отстегивать инструменты для ремонта от скафандра капитана и прикреплять их к своему. Он наклонился, снова вылез в отверстие и был уже в пути, прежде чем капитан смог бы кое-что сообразить и возразить, если он все еще собирался возражать.

Не так уж трудно оказалось, раскачиваясь на руках, добраться туда, где нужно было поставить антенну, хотя под ногами у него была целая вечность. Скафандр немного мешал ему, перчатки были неуклюжие, но он привык к скафандрам. Он уже немного запыхался, помогая капитану, и теперь не мог перестать думать об этом. Вращение все усиливалось и здорово мешало ему; он чувствовал тяжесть сильнее по мере того, как продвигался дальше.

Следующей задачей было прикрепить антенну к кораблю. Она не была особенно большой или тяжелой, но оказалось невозможным прикрепить ее на место. Одна рука была ему нужна, чтобы держаться, другая — чтобы держать антенну, и еще одна — чтобы крутить гаечный ключ. Как он ни старался, одной руки не доставало.

Наконец, он просигнализировал Сэндбергу, дернув за фал, чтобы ослабить его. Затем он отвязал его от пояса, работая левой рукой, дважды просунул конец в скобу и завязал его узлом. Он оставил около шести футов его висеть свободно, и свободный конец привязал к другой скобе. В результате получилась петля,

нечто вроде импровизированной люльки, которая могла выдержать его вес, пока он захрепит антенну. Теперь работа пошла на удивление быстро.

Он уронил гаечный ключ, когда закончил затягивать болт. Ключ выскользнул из пальцев и вошел в свободный полет. Он смотрел, как летит ключ дальше, дальше и дальше, ниже, ниже и ниже, пока не стал таким маленьким, что его уже невозможно было разглядеть. У него закружилась голова от вида этого ключа, блеснувшего на солнце, на фоне глубокой черноты пространства. До этой минуты он был слишком занят, чтобы смотреть вниз.

Он содрогнулся.

— Хорошо, что я уже кончил,— сказал он себе.— Хорошенькая была бы прогулка — сходить за ним!

Он собрался возвращаться.

Оказалось, что он не может этого сделать.

Он подтянулся мимо антенны, чтобы достигнуть своей прежней позиции, уцепившись за фал, выигрывая таким образом еще несколько дюймов. Петля провода висела спокойно, он не мог теперь ее достать. Оказалось невозможно повторить все в обратном порядке.

Он повис на обеих руках и сказал себе, что не будет поддаваться панике — нужно же придумать какой-нибудь выход. На другой стороне корабля? Нет. Стальная поверхность «Валькирии» с той стороны гладкая, скобы на ней были расположены на расстоянии шести футов одна от другой. Даже если бы он так не устал — а приходилось допустить, что он страшно устал и начинает замерзать, — даже если бы он был со свежими силами, невозможно было бы проделать этот трюк в воздухе, не будучи шимпанзе.

Он взглянул вниз — и пожалел об этом.

Внизу под ним ничего не было, только звезды — ниже и ниже, без конца и края. Звезды, крутящиеся вокруг, в такт кораблю, который вращался вместе с ним. Пустота всех времен, чернота и холод.

Из всех сил он попытался подтянуться всем телом до той единственной узенькой ступенечки, за которую можно было уцепиться, стараясь достать до нее пальцами ног. Это была совершенно лишняя, бесполезная трата сил. Он опять подавил в себе панику, потом бессильно повис.

Когда ему удавалось закрыть глаза, сразу становилось легче. Но через некоторое время ему неизбежно приходилось открывать их, чтобы посмотреть. Мимо проплыла Большая Медведица, затем, немного спустя, Орион. Он попытался считать подходящие минуты по числу оборотов, которые делал корабль, но голова его не могла

работать ясно, и немного спустя он вынужден был снова закрыть глаза.

Руки его начинали неметь и замерзать. Он пытался давать им отдых, повисая по очереди на одной руке. Он отпустил левую руку, почувствовал, как по ней пробегают мурашки, похлопал ею по боку. Вскоре наступило время сменить правую руку.

Теперь он уже не мог достать до скобы левой рукой. У него не осталось больше силы, чтобы сделать дополнительный рывок, он весь как следует вытянулся — и не мог прийти в прежнее положение и заставить левую руку подняться.

Он уже совсем не ощущал правой руки.

Он увидел, как она соскользнула. Она соскальзывала...

Напряжение внезапно спало — и он понял, что падает... падает, Корабль ускользал от него.

...Он пришел в себя и увидел, что над ним склоняется капитан.

— Ну-ка, Билл, успокойся.

— Где...

— Спокойно. Патруль с Деймоса был уже совсем близко, когда ты сорвался. Они заметили тебя в телескоп, вышли на твою орбиту и выбрали тебя. Наверно, это первый такой случай в истории. Ну, теперь успокойся. Ты болен — ты же висел там больше двух часов, Билл.

Снова началось мяуканье — громче, чем до сих пор. Он приподнялся на колени и выглянул поверх подоконника. Осторожно просунул голову чуть подальше, помня о том, что нельзя смотреть ни на что, кроме котенка и карниза.

— Киска! — позвал он. — Кс-кс-кс! Кс-кс-кс, — иди сюда.

Котенок перестал умыться и опять выглядел растерянным.

— Кс-кс-кс! — повторил он тихо.

Он поднял правую руку от подоконника и поманил ею, приглашая. Котенок приблизился на три дюйма, затем уселся.

— Сюда, киса, — умолял он, протягивая руку как можно дальше.

Пушистый комочек снова отскочил.

Он убрал руку и немного подумал. Это никуда не годится. Вот если бы ему вылезти на краешек и встать на карниз, он бы мог держаться одной рукой и быть в абсолютной безопасности. Он это знал, он был уверен, что будет в безопасности — не надо только смотреть вниз!

Он снова пролез в комнату, перевернулся и, с величайшей осторожностью, вцепившись в подоконник обеими руками, пропустил ноги вниз по фасаду здания. Глаза свои он изо всех сил сосредоточил на уголке кровати.

Карниз, казалось, подавинулся. Билл не мог его нащупать и начинал уже приходить в уверенность, что ноги прошли мимо, когда он дотронулся до него большим пальцем ноги — и тогда твердо встал на него обеими ногами. Карниз был около шести дюймов ширины. Билл перевел дыхание.

Отпустив правую руку, он повернулся и поглядел на котенка. Тот, казалось, заинтересовался процедурой, но не был расположен в ней участвовать. Если бы Билл продвинулся по карнизу, продолжая удержаться левой рукой, он бы смог достать его от уголка окна.

Он поочередно подвинул обе ноги, совсем по-детски, не переступая одной через другую. Чуть согнув колени и наклонившись, ему удалось достать котенка. Тот понюхал тянувшиеся к нему пальцы, затем отпрыгнул. Одна лапка не попала на карниз, он подтянул ее и встал на все четыре.

— Идиотик этакий, — сказал Билл с негодованием. — Ты что, мозги себе захотел вышибить? Если они у тебя есть, — добавил он.

Теперь было похоже на то, что ситуация безнадежна — котенок был слишком далеко, чтобы Билл мог достать его, уцепившись за окно, как бы он ни напрягался.

— Кс-кс-кс, — сказал он безнадежно, затем замолчал, чтобы обдумать положение.

Можно было бросить это дело.

Можно было подготовиться к тому, чтобы ждать всю ночь в надежде, что котенок соблаговолит подойти поближе. Или можно было пойти по карнизу и достать его.

Карниз был достаточно широк, чтобы выдержать Билла. Если он пригнется и прижмется к стене, на его левую руку не придется никакого веса. Он медленно продвинулся вперед, продолжая держаться за окно, сколько было возможно; так медленно продвигаясь на каждый дюйм, что, казалось, почти и не двигался. Когда наконец пришлось отпустить оконную раму, когда его левая рука прижалась к гладкой стене, он сделал ошибку, поглядев вниз, вниз вдоль отвесной стены, на мостовую, сверкающую далеко внизу.

Билл снова отвел глаза и закрепил их на одной точке стены, на уровне своих глаз, только на несколько футов дальше. Он все еще держался!

И котенок тоже. Билл медленно отодвинул одну ногу от другой, продвинул вперед правую ногу и согнул колени. Он осторожно протягивал правую руку вдоль стены, пока она не оказалась над самым котенком.

Внезапно Билл с силой опустил ее, как бы для того, чтобы прихлопнуть муху. Горсть его наполнилась царапающимся и кусающимся мехом.

Он держался абсолютно неподвижно, не делал никаких попыток подавить слабое сопротивление, которое оказывал ему котенок. По-прежнему с распростертыми руками, прижимаясь телом к стене, он тронулся обратно. Он не мог видеть, куда идет, и не мог повернуть голову без того, чтобы потерять равновесие хоть немного. Обратный путь оказался очень долгим, дольше, чем путь туда, но наконец, кончики пальцев правой руки ощутили пустоту открытого окна.

Оставшийся путь он проделал за несколько секунд, скользнув обеими руками по подоконнику, затем перекинул правое колено через него. Отдохнул на подоконнике, перевел дыхание.

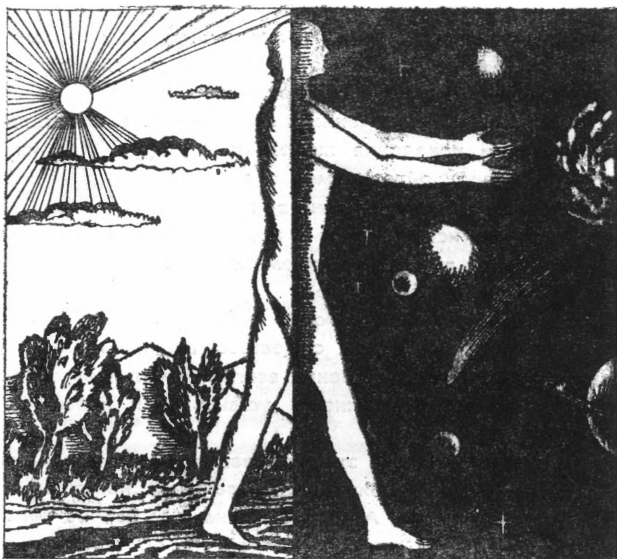
— Ну!—сказал он вслух.— Вовремя я тебя схватил. Ты же угрожал уличному движению, кискин.

Он поглядел вниз на мостовую. Она была, разумеется, очень далеко — и выглядела прочной.

Он поглядел вверх на звезды. Они были прекрасными и яркими. Он высунулся в оконную раму. Спинной он облокотился на одну сторону рамы, в другую уперся ногой. Котенок уютно устроился у него на груди и начал мурлыкать. Билл рассеянно погладил его и потянулся за сигаретами. Завтра же он пойдет в космопорт, пройдет физические и психологические испытания, решил он. Он почесал котенка за ушами.

— Ну, мохнатик,—сказал он,— не хочешь ли отправиться со мной в долгое-долгое путешествие?

Перевела с английского
Галина Усова

И. Кольченко

ЧТО ОЖИДАТЬ ОТ ИНЫХ МИРОВ!

После запуска Советским Союзом первого в истории человечества искусственного спутника Земли национальное управление по авиации и исследованию космического пространства США (НАСА) создало комитет по изучению задач, целей и последствий освоения космоса. Во время первой попытки найти радиосигналы инопланетных цивилизаций (проект «Озма» 1960 г.) комитет направил правительству США доклад, в котором, в частности, говорилось: «История антропологии знает много примеров обществ, которые были уверены в незыблемости своего государственного строя и уклада жизни, но распались, когда им пришлось столкнуться с прежде неизвестными обществами, поддерживавшими другие идеи и другой жизненный уклад. Те общества, которые выживали при этом, обычно претерпевали изменения в оценке ценностей, образе жизни и взаимоотношениях.

Проводимые в настоящее время радиотелескопические исследования в любой момент могут обнаружить разумную жизнь вне Земли, а последствия такого открытия сейчас предсказать невоз-

можно из-за того, что мы слишком мало знаем о поведении человека при условиях, более или менее сходных с такими драматическими обстоятельствами. Поэтому можно рекомендовать проводить исследования по двум направлениям:

1. Продолжать изучение эмоционального и интеллектуального восприятия и поведения людей (и последующего их изменения, если такое произойдет), имея в виду возможность и последствия обнаружения разумной жизни за пределами Земли.

2. Изучить историческое и практическое поведение людей и их руководителей в моменты драматических и неожиданных событий или социальных потрясений».

Сейчас большинство людей освоились с мыслью, что мы не одни в космосе. Теперь существование иноземных цивилизаций допускает большинство ученых всего мира и многие из них с увлечением изучают возможность установления контактов с инопланетянами.

Одновременно, как это ни странно, меньше внимания уделяют вопросу: что могут принести человечеству контакты с инопланетными цивилизациями? А ведь ответ на этот вопрос помог бы предвидеть возможные реакции людей на обнаружение и контакты с иноцивилизацией, а также разработать программу человечества по установлению контактов, если таковые его заинтересуют.

Если же мы не будем разрабатывать научно обоснованные гипотезы о последствиях контактов с иноцивилизациями, мы невольно станем похожи на детей, которые так увлеклись поисками «чего-нибудь» на полях недавних боев, что им не до размышлений, чем может оказаться это «что-нибудь»: неразорвавшейся гранатой, разбитой каской, патронной гильзой или чем-нибудь иным. И именно потому, что человечество не может позволить себе подобной безответственности, во всем мире сейчас началось всестороннее изучение внеземных цивилизаций*.

Научное изучение какого-либо объекта, еще не обнаруженного экспериментально, а только теоретически сконструированного, может показаться на первый взгляд бессмысленным и невозможным. Но только на первый взгляд. История науки знает много случаев, когда предварительное теоретическое изучение предполагаемых явлений помогло открыть их в природе, «увидеть» и даже «измерить» с помощью приборов. Так, в середине прошлого века математик Урбан Леверье измерил «возмущения» орбиты планеты Уран и предположил существование еще одной планеты Солнечной системы, которая вызывает эти «возмущения», а в 1846 г. астроном

---

* См. Сб. «Внеземные цивилизации». М., «Наука», 1969.

Иогани Галле в указанной Леверье точке неба увидел неизвестную до тех пор планету — Нептун.

В нашем веке физики-теоретики с помощью одной теории, на «кончике пера», открыли многие элементарные частицы, которые только потом обнаружили в процессе экспериментов.

В современной химии очень часто теоретики сперва выводят формулы новых веществ с нужными им свойствами, а потом уже технологи разрабатывают способы получения самих этих веществ.

Большинство наших знаний о космосе, его происхождении и эволюции не более чем гипотезы. Дело в том, что время нашего наблюдения отдельных эволюционирующих объектов космоса (галактики, звезды, туманности и др.) ничтожно мало по сравнению со временем их существования, а число наблюдений недостаточно для выведения статистических закономерностей развития отдельных областей космоса. Кроме того, очевидно, что ни о каком эксперименте, опыте, повторении по нашему желанию какого-нибудь явления в космосе говорить не приходится. Научное же познание предполагает установление законов развития данного явления и предсказание будущих процессов на основе этих законов. Поэтому мы, располагая самыми общими законами развития космоса, вынуждены часто ограничиваться гипотезами о развитии его частей. Вот на таких основаниях и инопланетные цивилизации, чье существование предполагают исходя из материального единства мира, могут стать предметом научного исследования, и мы обладаем методами научного исследования для поиска ответа на интересующий нас вопрос: что могут принести человечеству контакты с инопланетными цивилизациями?

Но, прежде всего, чего мы сами ждем от контактов с инопланетянами? Чем могут заинтересовать инопланетян контакты с нами? Сумеем ли мы как-то скорректировать свои потребности и чужие желания?

Почему же мы интересуемся иноцивилизациями? Нам, конечно, хочется удовлетворить свой человеческий инстинкт познания и преобразования мира. Кроме того, мы надеемся узнать от иноцивилизаций нечто новое о сущности жизни и разума, чего мы, может быть, никогда не сможем узнать, наблюдая только земные формы жизни. Нам интересно познакомиться с формами познания и творчества иноцивилизаций, с тем, что вдохновляет их на расширение сферы своего познания и творчества, на продолжение своей истории. Сейчас, например, находятся буржуазные ученые, которые считают, что цивилизация в космосе может выродиться из-за утраты ее разумными существами интереса к жизни.

Кроме любознательности, интерес к иноцивилизациям поддерживает в нас и надежда лучше узнать самих себя, с помощью опыта иноцивилизаций найти решение некоторых земных проблем. Наконец, знакомство с иноземной цивилизацией, занявшей космические просторы, интересно для нас в далекой, но очень неприятной перспективе превращения Земли в необитаемую планету. «Для тех,— напоминал в свое время Н. Винер,— кому известны чрезвычайно ограниченные физические условия, при которых протекают химические реакции, необходимые для продолжения жизни в любых ее формах, вывод, что тому счастливому случаю, обеспечивающему жизнь на Земле в любой форме, даже без ограничения ее какой-либо формой, подобной человеческой жизни, придет полный ужасный конец, является само собой разумеющимся выводом». Нужно добавить, что «ужасный конец» могут приблизить не только естественные причины, например, взрыв поблизости от нас «сверхновой» звезды, но и недалековидное нарушение самим человечеством равновесия в природе путем ее загрязнения и преобразования. Поэтому в перспективе нам придется создавать искусственную среду обитания человека не только в космосе, но, может быть, и на Земле. И здесь опыт других цивилизаций, особенно уже совершивших космические переселения, может оказаться нам очень полезным.

Насколько же оправданны наши надежды? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны выяснить:

1. Возможны ли в нашей Вселенной контакты между разумными мирами?

2. Что может заставить иноцивилизации проявить инициативу в установлении контактов друг с другом?

В статье невозможно изложить уже сделанные многочисленные попытки ответить на первый вопрос, но целесообразно рассмотреть научную методику его решения.

Природа объектов, которые нас интересуют (иноземные цивилизации, свойства пространства — времени, космоса и др.), не допускает, как мы уже говорили, «окончательного» и «единственно правильного» их объяснения. Новые открытия в естествознании, новые теории и гипотезы об интересующих нас явлениях будут вносить поправки в наши гипотезы о судьбе жизни и разума в космосе. Такие преходящие научно обоснованные гипотезы не только полезны, но и необходимы для прогресса отдельных областей знания и построения целостной научной картины мира.

Итак, возможны ли контакты между разумными мирами во Вселенной? Первая трудность, о которой думаешь прежде всего,— фантастическая удаленность миров, где может быть жизнь.

Если мы поймем, например, радиосигнал иноземной цивилизации (предположим, мы умеем отличить искусственный радиосигнал от различных излучений естественных объектов), то, конечно, сам этот факт будет замечательным событием в нашей истории. Однако расшифровка сигнала и извлечение из него полезной информации могут оказаться недоступными без наших наводящих «вопросов» той цивилизации, которая послала сигнал. (Мы предполагаем, что обладаем техническими средствами послать направленный сигнал нужной мощности.) И только после получения ответа на наш сигнал мы, может быть, сможем расшифровать сигналы иноцивилизации и говорить об установлении контактов.

Подсчеты вероятного расстояния до ближайшего к нам разумного мира сделаны разными методами и дают величину примерно в 600—700 световых лет. Следовательно, мы получим радиосигнал, посланный иноцивилизацией минимум 600 лет назад. На посылку нашего вопроса и получение ответа уйдет еще 1200 лет! Тогда, в самом лучшем случае, мы можем понять сигнал, посланный по земному времени 1800 лет назад!

Земная цивилизация сейчас изменяется так быстро, что культура, наука и техника одной нации трудно сравнимы даже через 50 лет, а какие изменения произойдут с культурой через 600, 1200 и 1800 лет? Поэтому вряд ли будет иметь какую-либо ценность для любой высокоразвитой цивилизации в космосе информация, полученная от иноцивилизации вышеуказанным образом. При таких сроках обмена информацией трудно говорить о сотрудничестве иноцивилизаций и тем более об установлении непосредственных контактов между ними путем обмена разумными существами, продуктами производства или природными ресурсами.

Кроме того, в настоящее время у нас еще нет более или менее реальных проектов преодоления даже одних технических трудностей межзвездного полета: например, вес горючего ракетного корабля с термоядерным двигателем, способного достичь скорости 99% световой, для полета на ближайшую звезду (12 световых лет) должен быть равен 64 миллиардам тонн!

Проекты ракетных кораблей с использованием в качестве топлива межзвездного газа или «антивещества» требуют решения не менее фантастически сложных задач, например, защиты космического корабля от радиации, от осколков камней и много другого.

Но даже если и удастся преодолеть все технические трудности, то невообразимая продолжительность полетов по планетному времени уже в середине пути к новым мирам сделают космонавтов совершенно чуждыми той цивилизации, которая послала их. Когда

же космонавты прилетят в место назначения, то на их родной планете произойдут такие изменения, что новая информация (о технологии, науке, технике инцивилизации), казавшаяся интересной и полезной космонавтам в момент отлета за ней, к моменту возвращения экспедиции (через сотни и тысячи лет!) окажется устаревшей и ненужной.

Правда, все наши рассуждения построены на предположении, что пространство и время космоса вполне описываются известными законами физики. Однако в последнее время внимание ученых привлекли факты, свидетельствующие о существовании «несилового взаимодействия» между материальными объектами.

В настоящее время еще очень многие законы неорганического мира и живой природы неизвестны, поэтому некоторые наблюдаемые факты мы не можем понять с помощью современных теорий. В начале нашего века, когда открытие радиоактивного распада не могло быть понято в рамках существовавших тогда физико-химических представлений, о строении материи, потребовалась настоящая революция в естествознании, которую и совершили квантовая механика и атомная теория. Новые представления о строении вещества и энергии из «неделимых» квантов позволили объяснить наблюдавшиеся факты и нарисовать непротиворечивую картину мира. Возможно, что овладение феноменом дальнего действия откроет новые перспективы установления контактов между инопланетными цивилизациями и потребует пересмотра наших предыдущих рассуждений.

Кроме того, новые возможности для установления контактов могут появиться и в связи с тем, что наши традиционные предположения об однородности космического пространства — времени, которые мы усвоили в школе, — ошибочны. Такое мнение высказал еще в 1927 году астрофизик Дж. Джинс, говоря, что спиральные туманности могут быть полем действия совершенно неизвестных нам сил, выражающих, может быть, «новые, неподозреваемые нами метрические свойства пространства. Центры туманности могут быть «точками сингулярности», в которых вещество вливается в нашу Вселенную из каких-то других, совершенно неизвестных пространственных измерений, проявляющих себя в нашей Вселенной как точки, в которых непрерывно образуется вещество».

Сегодня сходные идеи с успехом развиваются советским астрофизиком академиком В. Амбарцумяном и американцем Д. Хойлом.

Допустим, все технические трудности инопланетных контактов преодолены и взаимодействие инцивилизаций осуществимо, но возникает вопрос, захотят ли инопланетяне устанавливать контакты друг с другом? И если захотят, то с какой целью. Попытаемся

представить себе «психофизиологическую» природу инопланетян и иноцивилизаций, опираясь на наши знания о жизни и разуме.

Прежде всего, что называть живым и разумным? Ответить на это с помощью строгих научных определений не так-то просто, и участники одного из первых обсуждений этого вопроса в конце дискуссии вдруг обнаружили, что не могут «научно ответить даже на вопрос, «существует ли разумная жизнь на Земле?».

Впервые предположение о существовании внеземных цивилизаций зародилось еще в древности. Созерцание бесконечной красоты природы вселяло в людей веру, что «мы не одни» во Вселенной. Интуитивные прозрения мыслителей и поэтов о жизни в других мирах родились гораздо раньше, чем были накоплены научные основания для гипотез о существовании иноцивилизаций. Один из первых греческих философов — Анаксагор в V в. до н. э. предполагал, что «на других небесных телах так же, как на Земле, сплотились люди и другие одушевленные животные. У людей существуют населенные города и устроенные работы, так же как у нас, есть у них солнце, луна и все остальное, и земля им приносит много всяческого».

Спустя два века Эпикур уже был убежден во множественности разумных миров. «Если наша Земля,— рассуждал он,— есть дело природы, если жизненные начала, в силу их сущности и управляемые законами необходимости, после тысячи тщетных попыток сплотились наконец, видоизменились и произвели массы, в которых возникли уже небо, Земля и ее обитатели,— то согласись, что в других пределах пустоты материя должна была произвести бесчисленное множество живых тварей, морей, небес, земель и усеять пространство мирами, подобными тому, который колеблется под нашими стопами на волнах «воздуха».

Подробное описание разумных инопланетян впервые пытался дать Лукриан (V в. до н. э.). Его представление о них сходно с представлениями индийских, греческих, египетских или исландских мифов о якобы существующих фантастических животных. Их облик — комбинация деформированных образов различных животных и людей нашего мира: кентавр, бык с головой льва и крыльями орла, сладкоголосые сирены с женским станом и хвостом рыбы, гарпии — чудовища с лицом старух, когтями, туловищем коршунов, лошадиной гривой и т. д. и т. п. Но среди фантастических созданий древних миров не встречаются существа, похожие на динозавров, ихтиозавров, птеродактилей и других животных, когда-то действительно существовавших на Земле, но не сохранившихся в памяти людей.

Современная наука также строит свои гипотезы о природе иноземных существ, опираясь на знание закономерностей земных форм жизни и на убеждение в материальном единстве мира.

Еще несколько десятилетий назад сущность жизни искали в определенном веществе, например, белке, сегодня же наиболее плодотворными считаются попытки дать структурно-функциональное определение жизни и разума. Смысл такого определения в том, что разумные живые организмы рассматриваются как сложные самоорганизующиеся системы, взаимодействующие с окружающим миром и способные к размножению, передаче информации своим потомкам с помощью наследственности и культуры и, главное, стремящиеся расширить область своего существования.

Уже первый анализ взаимодействия жизни и разума с внешним миром позволил сделать ряд очень интересных выводов о природе жизни. Например, один из создателей кибернетики У. Р. Эшби отмечает: «В прошлом обычно предполагалось, что происхождение жизни — редкое и странное явление, а затем делались попытки показать, как же оно все-таки могло произойти. Я утверждаю нечто как раз обратное — в любой изолированной системе неизбежно развиваются свои формы жизни и разума. В соответствии с этим каждая изолированная детерминированная динамическая система, подчиняющаяся законам, создает «организмы», приспособленные к окружающей среде.

Поэтому когда мы спрашиваем, что явилось необходимым условием возникновения жизни и разума, ответом будет не «углерод» или «аминокислоты» или какие-либо другие конкретные вещи, а лишь то, что динамические законы природы должны быть неизменными». Это обобщение позволяет предположить, что инопланетные живые организмы могут иметь различный физико-химический субстрат, но все они должны представлять высокоустойчивую систему органов, способную вырабатывать реакции, охраняющие отдельную особь и обеспечивающие размножение вида.

Обсуждая сущность инопланетян и судьбы их цивилизаций, следует рассмотреть еще одно распространенное предположение: если наш мир состоит из материи в разных формах движения — электромагнитное поле, твердое вещество, плазма, не соответствуют ли этим формам существования материи и своеобразные формы «жизни» в тех областях космоса, в которых материя находится, например, преимущественно в плазменном состоянии? Нет и нет, если мы называем жизнью специфически «антиэнтропийную» форму движения материи, обладающую способностью к «самодеятельности», направленной на усложнение и организацию окружающего

мира, а разумом — жизнь, осознавшую свою «самодеятельную» природу и сделавшую творчество самоцелью.

Опуская подробный анализ взаимодействия живых систем с внешним миром, для целей нашей статьи нужно обратить внимание на их главную особенность. Вопреки царящему в мертвой природе стремлению любой системы перейти в наиболее вероятное состояние, т. е. тенденции к распаду, упрощению, разрушению и дезорганизации, жизнь стремится создать из материи все более сложные формы, умножить их и «усовершенствовать».

«Только на уровне биологической формы движения материи — подчеркивает член-корреспондент АН СССР Г. Ф. Хильми, — природа сумела создать системы, способные существовать в хаосогенной среде с устойчивостью, обеспечивающей самовоспроизведение... Жизнь, закономерно возникая в хаосогенных областях Вселенной, преодолевая огромное сопротивление хаотической среды, тормозит и ослабляет переход свободной энергии в непревратимую энергию».

Придавая решающее значение этой организующей, «творческой» роли жизни во Вселенной, русский ученый и философ В. И. Вернадский еще в 1938 году утверждал, что «вопрос о жизни в Космосе должен сейчас быть поставлен в науке. К тому приводит ряд эмпирических данных, на которых строится биогеохимия, ряд фактов, которые как будто указывают на принадлежность жизни к таким же общим проявлениям реальности, как материя, энергия, пространство, время...» И если неразумная жизнь в любом своем проявлении стремится усложнить, увеличить массу живого вещества и расширить область его существования, то разумные существа уже способны осознать свои потенциальные творческие возможности и по мере своего духовного и интеллектуального развития стремятся своим трудом все более радикально совершенствовать самих себя и весь космос в соответствии со своими идеалами.

При этом деятельность разумных существ может быть творческой, т. е. создающей новые сложные системы, новые образцы труда, новые знания о мире, новую технологию, новые отношения между людьми и новое искусство. Творческий труд создает то, что открывает в мире новые перспективы для дальнейшего выявления и воплощения творческих способностей человека. «Человек — высшая часть природы, поэтому он должен сделать больше, чем природа», — писал К. Э. Циолковский. Но трудовая деятельность человека может быть и разрушительной, когда она приводит к упрощению систем, к разрушению упорядоченности и прекращению саморазвития.

На примере поступательного движения истории Земли мы видим, что человечество существует и прогрессирует, несмотря на всяких чингисханов, потому что в природе человека и общества заложен творческий инстинкт жизни, заставляющий их бороться за жизнь, прогресс и все более расширять сферу своей творческой деятельности.

Есть все основания предполагать, что сущность разумных инопланетян и иноцивилизаций — в таком же творческом стремлении преобразовать мир по своим идеалам, максимально расширить сферу своей деятельности. Чтобы представить себе психофизиологическую природу инопланетян, мы можем воспользоваться только опытом человечества. Мы видим, как мучителен и болезнен исторический процесс на нашей планете. Наиболее вероятно, что сознание инопланетных разумных существ сходно с человеческим, так что они не какие-то запрограммированные на размножение и индустриализацию автоматы, а обладатели свободной воли, жажды творчества, любознательности, сомнений, способности мечтать и бороться за свои идеалы.

Сегодня мы обладаем достаточными знаниями и для научного обоснования гипотезы о возможном облике разумных инопланетян.

Ни по одному вопросу не придумано столько невероятного, сколько о внешнем виде инопланетян. Какими только их представляли их и ученые и фантасты: в виде облака, растений, плесени и т. д. и т. п. Никто не считает нужным ограничивать свою фантазию в этой области. Вот, например, мнение одного американского исследователя иноцивилизаций: «Они (инопланетяне.— И. К.) могут отличаться от нас, как динозавры или дельфины, или, допуская большую крайность, можно представить их похожими на муравьев или москитов или даже на бактерии. В отличие от всего, что мы знаем, обитатели одной из других планет могут быть сферическими, как мячи, приняв такую форму из-за особенностей физических условий окружающей среды. Вместо того, чтобы брать предметы руками, как это делаем мы, они могут заглатывать их и манипулировать ими, например, при помощи языка. Может быть, их языки будут светящимися, а во рту на небе будет глаз или микроскоп. Такие предположения могут показаться неправдоподобными, но можно не сомневаться в том, что факты окажутся не менее странными».

На самом деле научное понимание сущности разумных существ серьезно ограничивает полет фантазии и вооружает нас конструктивными идеями об облике инопланетян. Прежде всего, творческий труд — целенаправленное преобразование мира, невозможен без переделывания мира реальных вещей и процессов, а для этого

разумное существо должно обладать устойчивой структурой, чтобы в ней происходили необходимые информационные и энергетические процессы. Затем у разумного существа должны быть органы для перемещения предметов, органы получения информации о внешнем мире, органы обратной связи для управления самостоятельностью, органы для обмена информацией с себе подобными существами и др. Поэтому разумный инопланетянин не может быть похож на плесень, растущую на камне; облако, меняющее свои очертания; на дерево, приросшее к одному месту, и т. д.

Наконец, важнейшая черта разумного существа, которую мы видим у человека: он есть существо социальное, т. е. он не мог бы возникнуть и существовать вне общества, истории и культуры. Новорожденный человеческий индивид еще не человек, а только возможность человека. Индивид становится человеком только воспитываясь в человеческом обществе и осваивая его культуру. Именно общество является тем хранилищем и генератором культуры, освоение которой человеческим индивидом и делает его человеком.

Известна печальная судьба детей, украденных зверями в младенчестве и затем «воспитанных» волками, обезьянами и т. д. Эти дети, оказавшись в конце концов среди людей, так и не смогли обрести человеческий облик и остались только внешне людьми. Так что инопланетная цивилизация не может состоять из одного-единственного разумного существа, даже такого большого, как океан, о чем пишут фантасты.

Когда мы попытаемся выяснить, могут ли инопланетяне заинтересоваться установлением контактов с другой цивилизацией, мы будем иметь в виду не отдельного индивида, а цивилизацию.

Представление о судьбе цивилизации в космосе сегодня разрабатывает молодая наука — экзосоциология. Предмет экзосоциологии — изучение цивилизаций на всем протяжении их эволюции. Идея такой науки носилась в воздухе с того времени, как гипотеза о существовании иноземных цивилизаций обрела права гражданства и ученые стали задумываться над вопросом: «Нельзя ли попытаться уже сейчас рассмотреть основные принципы и проблемы внеземных цивилизаций с тем, чтобы по возможности построить некую «общую теорию цивилизации», которая опиралась бы на данные современной науки». С точки зрения советских ученых, такая возможность представляется реальной. Научно-материалистическая методология изучения культуры позволяет четко очертить тот круг вопросов, которому принадлежат проблемы внеземных цивилизаций, и определить место новой науки о иноцивилизациях — экзосоциологии в «общей теории цивилизаций», а также место самой «общей теории» в классификации современных научных дис-

циплин. Для экзосоциологии земная цивилизация является одной из многих цивилизаций в космосе, но в то же время пока единственной которую можно изучать непосредственно. Применяя системно-функциональный метод изучения общих закономерностей развития цивилизаций, т. е. изучая структуру и деятельность цивилизаций, мы уже сегодня можем сделать некоторые общие выводы, подтверждаемые опытом земной истории.

Прежде всего, интересы любой цивилизации можно условно разделить на три группы: хозяйственные, идеологические и эстетические. Хозяйственные заботы вызваны необходимостью жить, питаться, сохранять здоровье, иметь инструменты для преобразования мира, т. е. материально-техническую базу общества и культуры. К идеологическим относятся все вопросы, связанные с проблемой индивидуального и общественного самосознания (т. е. стремления каждой личности и общества понять, а поняв, осуществить соответственно этому представлению, свою собственную роль в истории цивилизации и всего космоса). К последней группе относятся поиски самоцельного выражения творческой энергии человека. В наиболее чистой форме оно воплощается в искусстве, как способе выявления и созидания мира красоты.

Сейчас трудно предположить появление новых критериев прогресса цивилизаций, кроме традиционных критериев уровня развития производительных сил и производственных отношений, степени освоения природы, создания условий для дальнейшего развития творческих сил индивида и общества, нравственного и эстетического развития личности и общества. В то же время, отмечают советские экзосоциологи, «характеризуя темпы развития цивилизации, мы рассматриваем их в таких аспектах, как социально-политическое и экономическое развитие; эволюция языка, искусства, развитие науки и техники, роль религии и т. д. Мы не можем, однако, утверждать что наше развитие всегда будет рассматриваться в этих аспектах, а тем более предполагать, что и другие цивилизации также развиваются подобным образом». Но радикальные изменения в сущности человеческой культуры могут быть вызваны, конечно, только радикальным изменением природы самого человека, его мироощущения и мировоззрения, как отражения его социального бытия.

Пока же психофизиологическая и общественная сущность человека остается прежней, он будет жить в основном теми же страстями и ценностями, которые нам сегодня известны, хотя удельный вес их может меняться. Если же изменится сущность человека, тогда, конечно, изменятся цели и ценности его жизни. Но мы не знаем, как будет существовать и развиваться цивилизация, созданная этой новой системой ценностей. Особенно если эта система

сконструирована свободным полетом фантазии какого-нибудь интеллектуала-абстракциониста.

Традиционный гео- и антропоморфизм есть не слабость человеческого мышления, а и инстинктивное и сознательное моделирование функциональных особенностей других миров Вселенной на основе нашего земного и человеческого опыта. Потому наши попытки представить себе этику иноцивилизаций так же опираются на человеческий опыт.

Впервые в истории человечества попытался изучить этику иноцивилизаций К. Э. Циолковский. Он считал, что так как космос един, то все иноцивилизации независимо от индивидуальных особенностей в конце концов объединены одной судьбой. Следовательно, должна быть и универсальная «космическая этика», которая со временем позволит иноцивилизациям взаимодействовать таким образом, чтобы разумные существа космоса выполнили миссию разума во Вселенной, которую возложила на них природа. В своей «Космической философии» К. Э. Циолковский изложил интересную гипотезу о космической миссии жизни и разума, которую он видел в сознательном, целеустремленном преобразовании космоса. Создавая науку и технику, расширяя свои знания о мире, совершенствуя свои духовные и интеллектуальные качества, разумные существа, по мнению Циолковского, должны ставить перед собой все более грандиозные задачи по совершенствованию самих себя и окружающего мира. Рано или поздно с помощью науки и техники они смогут распространить свою власть на всю Вселенную, и тогда разум станет «фактором эволюции космоса». Полвека назад «Космическая философия» Циолковского многим казалась фантастической, но сегодня ее идеи все больше привлекают внимание, так как вечная потребность человечества найти и оправдать смысл своего существования перед лицом новых возможностей и новых достижений науки и техники обретает в век научно-технической революции особую остроту.

Проблема «конца света» перестала быть монополией богословов и обсуждается сегодня естествоиспытателями и политиками. Дело в том, что недалековидное переделывание природы сделало реальными уже в недалеком будущем такие катастрофы, как перегрев земной атмосферы и «всемирный потоп» из-за таяния ледников; недостаток кислорода в атмосфере; губительные последствия для биосферы многолетнего накопления ядохимикатов в растениях и живых организмах, истощение минерального сырья и многое другое.

По мнению немецкого ученого фон Хорнера, долговечность технической цивилизации (т. е. цивилизации, ориентированной на

создание науки и техники) или ее техническая умственная деятельность может быть ограничена пятью возможностями: первая — полная гибель всего живого; вторая — гибель только сознательной жизни; третья — физическое и умственное вырождение и вымирание; четвертая — потеря интереса к науке и технике и пятая — неограниченное развитие. Во втором и третьем случаях на той же самой планете могла бы развиваться другая цивилизация. Нужно сказать, что первые четыре варианта спроектированы в расчете на равнодушные разумных существ к своей судьбе. Но человечество уже сегодня обладает научно-технической базой, чтобы предотвратить губительные последствия некоторых космических катастроф. Больше того, несмотря на то, что многие ученые сегодня считают, что «еще никто не знает, какова наша роль как биологического явления во Вселенной — в сознании человечества укрепляется надежда: вполне возможно, что мы должны будем принять участие в развитии большего, общегалактического масштаба. Жизнь как существующее в галактике явление может иметь значение более чем мимолетное, и разум в конечном счете может научиться управлять эволюцией Галактики». Все больше наших современников разделяет веру Циолковского в то, что разумные существа со временем смогут зажигать и гасить звезды, передвигать планеты с орбиты на орбиту и в конечном счете управлять эволюцией всего космоса. Советские ученые, например, считают, что «современные данные астрофизики не противоречат никакому, пусть даже самому фантастическому уровню развития. В настоящее время можно даже обсуждать вопрос о том, не является ли факт расширения наблюдаемой части Вселенной результатом сознательной деятельности суперцивилизации?».

Есть все основания предполагать, что любая цивилизация в космосе на достаточно высоком уровне своего развития, так же как и человечество, сможет уверовать в свою миссию преобразователя космоса и сделать эту идею целью своего существования. При этом преобразование космоса, конечно, не ограничивается областью физико-химических процессов, но, прежде всего, охватывает био- и ноосферу миров, т. е. сферу деятельности жизни и разума.

Чтобы какой-либо разумный мир во Вселенной в конце концов действительно мог стать «фактором эволюции космоса», от него требуется такая целеустремленность, такое напряжение воли и энергии, которые может обрести только общество, проникнутое сознанием исключительности своей миссии в космосе и своего решающего значения для судеб всего мироздания. К. Э. Циолковский был убежден, что именно человечеству предстоит преобразо-

вание космоса по своим идеалам, поэтому оно должно верить, что «цель земных страданий очень высокая. Земле выпала, хотя и тяжелая доля, которая выпадает на биллионную часть планет, но очень почетная: служить рассадником высших существ на пустых солнечных системах и производить суд на планетах отставших. На немногие планеты выпала такая доля. Если же Земля не выполнит этого высокого назначения, то сама подвергнется суду и преобразованию со стороны более достойных планет».

Таким образом, моделью для изучения нравственных и культурных взаимоотношений инопланетных цивилизаций в космосе может служить наша планета — Земля, населенная разными людьми, нациями, народами и расами, организованными самыми разными социальными институтами, от семьи до международных систем. Нравственные, политические и хозяйственные проблемы контактов между иноцивилизациями похожи на соответствующие проблемы взаимоотношений внутри человечества. И если научный анализ помогает нам только прогнозировать отношение иноцивилизаций друг к другу и последствия контактов их между собой, то реальный результат наших контактов с инопланетянами будет зависеть от нашего индивидуального и планетарного самосознания и нашей стратегии в установлении космических контактов.

В задачу статьи не входит конкретизация и детализация особенностей контактов разных культур на Земле и в космосе. Мы хотели только подчеркнуть важность и необходимость самого серьезного изучения всех феноменов во Вселенной, могущих быть связанными с инопланетными цивилизациями космоса, где, по пророческим словам К. Э. Циолковского, «каждое разумное существо есть воин, сражающийся за свое лучшее будущее, за господство разума и блага во Вселенной».

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Казанцев	
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
В. Фирсов	
ТВОИ РУКИ, КАК ВЕТЕР	11
В. Фирсов	
КЕНГУРУ	32
Э. Михеев, А. Пирожков	
ПРЕДВАРЕННАЯ ФОРМУЛА	50
Александр Казанцев	
НЕБЫВАЛЬЕ БЫЛИ	91
Ю. Фомин	
ТАЙНА ЗАМКА ЭВЕЛИН	107
М. Бубнова, В. Келасьев	
БИОН	131
О. Николаев	
КВАРТИРА ЧУДЕС	139
И. Калиновский	
КОРОЛЕВА БОЛЬШОГО ДЕРЕВЬЯ	156
Владимир Михановский	
БЕГЛЕЦЫ	165
Д. Кристофер	
ПРИШЕЛЕЦ	200
Р. Хайнлайн	
ИСПЫТАНИЕ КОСМОСОМ	209
И. Кольченко	
ЧТО ОЖИДАТЬ ОТ ИНЫХ МИРОВ	225

62 коп.